

Эльвира Барякина

ЖЕНЩИНА С БОЛЬШОЙ БУКВЫ «Ж»

Счастье — это когда есть, кого любить,
что делать и на что надеяться.
— Китайская поговорка

ДНЕВНИК

7 мая 2005 г.

Я уже пыталась заводить дневник. Во втором классе учительница велела нам следить за природой и отмечать наиболее интересные явления. Первая запись в моем дневнике гласила: «Бабушка боится мышей». Вторая: «Живая мышь — 1 руб. 30 коп. Дохлая — 2 руб.»

В честь поступления в университет мама подарила мне адресную книжку небывалой красоты: атласная бумага, кожаный переплет. Похабить ее телефонами ЖЭКа у меня рука не поднималась, и я начала записывать туда мысли.

На букву «А»: «А на меня Извольский смотрит!».

На букву «Б»: «Баранова — дура».

На букву «В»: «Верность — вот чем я его замучаю!».

Летопись обрывалась на странице с буквой «Ж». Понятно, что на ней было написано.

В течение последующих двадцати лет я писала все, что угодно, кроме дневника, — романы, уставы и заявления в ЗАГС. Вчера мой психоаналитик Арни сказал, что без дневника мне больше нельзя.

— Записывай все, что тебя волнует. Спроси себя, кто ты?

Кто я? Я человек необычной биографии и необычных страданий.

Меня зовут Мардж Тенш. Когда-то была Маргаритой Теньшовой, но со временем часть имени отвалилась.

Живу в Северном Голливуде, самом паршивом городе на свете.

У меня отвратительная работа: я литературный агент.

У меня дурацкое хобби: я пишу книги.

У меня толстая попа.

У меня нет мужа, детей и полезных привычек. Зато у меня есть место на кладбище.

Мы с Мелисской ездили туда на прошлой неделе. Посидели на могилках, поскорбели.

— Лучше всего хорониться в Италии, — сказала Мелисса. — Там что ни склеп, так дворец. А у нас на кладбищах только коз пасти.

Она ворчала, потому что ей досталось место под забором.

— Зато у меня будет самая интересная табличка. Ко мне даже экскурсии станут водить! Знаешь, что я напишу?

— Что?

— «Омоложивающая могила доктора хиромантических наук Мадам Мелиссы Тернер. Исцеление от бородавок и женского недомогания».

А я решила, что у меня будет только имя и эпитафия по-русски:

Любви искала — так и не нашла,
И Нобелевку, жаль, не получила,
Зато сия изящная могила
К моей фигуре очень подошла.

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

8 мая 2005 г.

Аквариум во всю стену, на столе — проволочный человечек в лодке. Мой психоаналитик Арни называет его «Пациент, гребущий к счастью».

Когда мы встретились в первый раз, Арни спросил:

— Почему вы здесь?

— Да вот — смысл жизни потеряла. У вас он нигде не завалялся?

Арни похихикал и начал меня хвалить. Так я стала его постоянным клиентом.

У него приятный голос и горячие ладони. Темячко покрывает белая грива, и когда Арни сидит у окна, вокруг его головы зажигается нимб.

Он умеет расспрашивать так, что ты чувствуешь себя звездой: твоя дурь — это благородное заболевание, твои тараканы в башке бесценны.

Половина Голливудского бомонда лечится у Арни от плохого характера. Мне лестно находиться в такой компании. Придешь к нему на прием, опустишься в кресло: «А ведь на этом месте сидели самые известные задницы мира!»

Мы разгребаем мою биографию как археологи — древние развалины. Особо тщательно Арни копается в детстве. Оно у меня уникальное, такого ни у одной

голливудской звезды нет: папа-коммунист, мама-передовик. Сам Арни рос в пятидесятые, во время «охоты на ведьм», и для него это звучит как «папа-вампир, мама-оборотень». Я с удовольствием щекочу ему нервы — мне нравится удивлять человека, которого ничем не удивишь.

Иногда мы спорим. Арни пытается доказать мне, что смысла в жизни нет и быть не может. Ну как не может, если раньше он всегда был?

Поначалу он заключался в маме. Помню, как я ждала ее с работы. Заберусь на подоконник, подожму колени к подбородку и смотрю на улицу. Вдруг сейчас в толпе мелькнет белая шапка?

Потом было много других смыслов. Постепенно мамино место заняла наша дворовая компания. Мы прыгали с крыш гаражей и лазили в подвалы с дурной репутацией. Наша стая казалась нам центром вселенной: ее признание было высшей наградой, ее порицание — катастрофой.

Казалось, планеты не должны сходить с орбит, но однажды я обнаружила, что вращаюсь уже вокруг другого «солнца». В моей душе поселилась Любовь, и там не оставалось места ни для кого, кроме ясноокого Запаскина. В университете его заменил доцент Пьющенко. Потом на горизонте появился муж № 1 — Димочка Кегельбан, который вывез меня в Америку. Объекты были не так важны для меня, важно было хмельное чувство влюбленности и желание петь, летать и умереть одновременно.

Моя любовь сдохла, не выдержав конкуренции с реальностью. Деньги! Вот о чем я думала, шлепая мимо роскошных нью-йоркских витрин: «Люди, скиньтесь по доллару мне на богатство! От вас не убудет!» Но людям было жалко.

Деньги появились вместе с работой в престижном журнале. Я засиживалась в редакции до полуночи и вместо снов видела производственные совещания. Но потом меня уволили по собственному желанию президента.

На меня снизошло откровение: Господи! Да я тратила жизнь на то, что мне было не нужно! Я сто лет не была в театре! Мои платья выходили из моды до того, как я успевала их надеть!

Я вышла замуж за военного фотокорреспондента и переехала в Лос-Анджелес. Теперь мне хотелось Самоуважения: я думала открыть свою фирму, ездила в Африку, развелась с мужем № 2 и завела мужа № 3 — миллионера и процветателя. Пенсия подходила ближе, и ничего не было сделано для бессмертия.

Бог хлопнул в ладоши, и мир опять перевернулся. Мне показалось, что я должна стать известным писателем. Хозяевами моей жизни стали мифические люди, читатели, которых я знать не знаю, но от которых зависело все: и моя самооценка, и настроение, и

вера в успех. Я писала книги, публиковала их и каждый раз ждала СЛАВЫ. Но ничего не происходило.

Переосмысление произошло из-за Бориса Стругацкого. Я не помню, как это звучало дословно, но он сказал, что вне зависимости от качества книги всегда найдутся люди, которым она понравится, и люди, которые ничего не оценят. При этом подавляющему большинству будет совершенно наплевать на твоё творчество.

Я опять слетела с орбиты...

Слушая мои признания, Арни сплетает пальцы на колене.

— Ты уже начала вести дневник?

— Да.

— Тогда пиши ещё и мемуары. Так мы сможем обнаружить истоки проблемы.

Арни как-то говорил мне, что депрессии в основном проистекают от избытка свободного времени. Похоже, он решил лечить меня трудотерапией: если я все время буду писать — мне некогда будет обдумывать своё несчастье.

А все-таки без смысла жить нельзя... Вокруг какой бы звезды мне повращаться?

— Барбара! — зову я домработницу. — Угадай загадку: что такое — большое, светлое, вдохновляет, ободряет, освещает путь и должно присутствовать в жизни каждого человека?

Барбара — волоокая мексиканская дива — выходит из кухни.

— Холодильник?

ЖЕНЩИНА АМЕРИКАНСКОГО КИНОРЕЖИССЕРА

24 мая 2005 г.

Я безумно влюблена в Кевина — режиссера и сукина сына. Безумно, не потому, что ночей из-за него не сплю, а потому, что он давно и безвозвратно женат.

Кевин хорош собой. В его годы иметь крепкие зубы и скромную лысину — это большое достижение.

Мы познакомились в застрявшем гостиничном лифте. Я поднималась в номер к знакомому писателю и несла ему в подарок бутылку Мартелля. А Кевин хотел скрыться у себя от журналистов. Секса у нас не было. У нас было распитие спиртных напитков в общественном месте.

Мы сидели, прислонившись друг к другу, и Кевин рассказывал, как шевалье де ла Круа-Мароне изобрел коньяк:

— Он был законченным алкоголиком. Один раз надрался до того, что ему привиделся Сатана. Дьявол захотел выпарить из него душу и кинул шевалье в чан с кипятком. Варил да приговаривал: «Так просто твою душеньку не вынешь! Тебя нужно два раза сварить!» Очухавшись, благородный мусье решил вынуть душу из вина. Перегнал его по дьявольскому рецепту два раза. Попробовал — вкусно. С тех пор коньяк так и делают.

После того случая в лифте мы с Кевином регулярно устраиваем интимные дегустации. Его жена, Сьюзан, ревнует до истерик и называет меня неудовлетворенной стервой. А я хихикаю: у меня секса не было лишь 15 месяцев, а у нее — шесть лет (насколько Кевин знает). Впрочем, тут дело не в сексе: Сьюзан обидно, что ее муж дружит со мной, а не с ней.

Совсем отказать мне от дома она не может: врага следует держать под присмотром. У них вообще все происходит под знаком «не могу»: не могу любить, не могу понять, не могу развестись, не могу видеть.

Сьюзан на всех фотографиях выглядит так, будто ее только что представили к награде. У нее тот тип лица, который всегда найдет спрос в рекламном бизнесе. В ее жизни не может быть развода. Родственники, друзья и журналисты знают, что ей нелегко с мужем, но она его не осуждает. Быть супругой творческого человека — это тяжкий крест, и Сьюзан готова нести его до конца.

Каждый день Кевин уходит в 7 утра и возвращается в 12 ночи. Каждый день Сьюзан ждет его с поджатыми губами. Он удирает в ванную, пьет там коньяк и смотрит кино по детскому DVD-плееру.

— Не живи так, — говорю я Кевину.

— Не могу.

Он трехмерен. Его первая ипостась — режиссер блокбастеров, вторая — интеллеktуал, знающий цену людям и вещам, третья — человек, всем желающий добра. Кевин постоянно блуждает в этих трех соснах и никак не может из них выбраться. Что-то одно всегда противоречит другому.

Вчера Сьюзан позвонила и пригласила меня в гости — для того, чтобы Кевин остался дома.

А я что? Я пошла. И своего мопса Ронского-Понского взяла — чтоб он ей на ковер нассал.

Ронский вместо этого нюхался с их лабрадорихой. Чего нюхаться-то, спрашивается, если оба кастрированные?

Впрочем, мы с Кевином тоже нюхаемся безо всякой надежды на счастье.

ДЕТСТВО

1970 г.

Мне четыре года. Я большая: с этой зимы мне повязывают шарф узлом наперед и разрешают одной ходить по квартире.

Плутать в ее сумеречных коридорах очень интересно: на стене висит полуразобранный велосипед дяди Сережи и я восторженно кручу огромное колесо со спущенной шиной. Мне представляется, что это колесо обозрения. Если с помощью клея приделать к нему оловянных солдатиков, то... Да знаю, знаю! Папа поссорится из-за меня с дядей Сережей, и тот не позовет его смотреть телепередачу «Кабачок “13 стульев”». А когда папа остается без «Стульев», я остаюсь без компота.

В углу белым айсбергом возвышается холодильник бабы Шуры. Туда строго-настрого запрещено лазить. А я и не лажу: там все равно ничего нет, кроме половины старого батона и каких-то свечек в картонной коробке. Баба Шура их очень бережет и не использует даже когда отключают электричество.

На прошлой неделе у нее был день рождения. Баба Шура испекла торт со сливочным кремом и выставила его на подоконник — пропитываться. Пока гости пили за здоровье именинницы, я тихонечко прокралась на кухню и навтыкала в торт бабы Шурины свечи.

Брать спички мне не разрешали, поэтому я позвала маму:

— Пойдем! Надо зажечь свечки и сказать бабе Шуре, чтобы она их задула!

Мама неохотно оторвалась от разговора о праздничных наборах и пошла со мной на кухню.

Увидев мое произведение, мама очень ругалась (правда, шепотом, чтобы никто не услышал), потом долго залепливала кремом дырки от свечек. Про то, что случилось, она никому не сказала («а то бы гости торт есть не стали»), и в тот же день купила бабе Шуре новые свечки. Только почему-то не в хозяйственном, а в аптеке.

Еще в коридоре стоит вешалка с пальто. Если на нее долго смотреть, то поймешь, что это рожа индейца. Я его боюсь и всегда прохожу мимо как можно скорее. Над ним, на верхней полке, белеет заячья шапка — это маленькое привидение, младенец-грудничок. Летать оно пока не умеет, но я знаю — скоро научится.

А под вешалкой храпит Николай Петрович, сапожник из мастерской при ЖЭКе. Он опять «нажрался» и «не донес себя до койки». Я люблю, когда он нажирается. Он тогда

либо поет «Едут, едут по Берлину наши казаки», либо спит. А когда он спит, я могу безнаказанно стырить у него резиновый клей, чтобы приклеить на велосипедную шину моих солдатиков. И бог с ним, с компотом. Баба Шура обещала меня ирисками угостить.

МАШИНА ЖЕЛАНИЙ

28 мая 2005 г.

Арни говорит, что я должна быть доброй феей:

— Вспомни себя в детстве. Ты наверняка хотела, чтобы у тебя была крестная фея, которая бы исполнила твоё заветное желание. Было такое?

— Было.

Ах, по молодости я действительно нуждалась в помощи потусторонних сил. Мне очень хотелось погибнуть за правое дело: стерпеть пытки фашистов, ничего им не сказать и попасть в список пионеров-героев. Но все фашисты в нашем районе вымерли задолго до моего рождения.

— Так вот, — продолжил Арни, — представь, что ты и есть добрая фея, и ты послана на землю, чтобы помогать людям. Твоя жизнь сразу же наполнится смыслом, ты обретишь душевный покой...

Я долго думала, кого бы мне осчастливить. Племянника Джоша? Фиг ему — он мне и так шесть штук должен. Сестру Лелю? Подругу Мелиссу?

На автобусной остановке сидел черный паренек с глазами побитого щенка. Я подошла.

— Какое твоё самое заветное желание?

— Fuck you!

— Ну... пошли...

Не пошел, паразит. Людям не нужна моя доброта.

О ДОБЛЕСТЯХ, О ПОДВИГАХ, О СЛАВЕ

30 мая 2005 г.

Кевин позвонил в шесть утра:

— У меня для тебя новость: сегодня ты снимаешься в кино!

— В роли кого?

— В роли одной женщины. Ты идеально подойдешь.

Я насторожилась: последние два месяца Кевин снимал фильм про марсиан.

— Монстром быть не согласна.

— Да при чем тут монстры?! Тебя даже гримировать не придется. Ну, почти.

— Э-э...

— Как хочешь. Только потом не жалуйся, что я тебя на съемки не беру.

Съемочный павильон — провода, рельсы, куски звездолетов и будуаров...

Кевин что есть сил орал на пришельцев:

— Марсиане, нах... Вам с такими рожами не Землю завоевывать, а машины парковать! Вот ты, — Кевин подбежал к центральному уроду, — ты что, никогда на расстрел не ходил? Тебе сложно повстанцу по шее двинуть?!

Марсианин с ненавистью смотрел на него.

— Пусть он на тебе потренируется, — шепнула я режиссеру. — У него получится, вот увидишь!

Кевин сурово зыркнул на меня.

— Ладно, перерыв. Всех ненавижу. Уроды!

Бряцая оружием, уроды разошлись пить кофе. Костюмеры и гримеры поскакали следом — следить за доспехами и рогами.

— Какие у меня будут слова? — спросила я Кевина.

Тот устало листал сценарий.

— Никаких. Тебе надо просто полежать на столе.

— То есть?

— Ты будешь изображать павшую в боях.

— Я что, труп играю?!

— Ну да! Повстанцы будут целовать тебя в лоб и клясться отомстить.

— Ну как, нравится? — спросила гримерша Стелла, специалист по огнестрельным ранениям и покойникам.

Из зеркала на меня смотрела бескровная рожа с тяжелыми мешками под глазами.

— Блестяще! — сказал Кевин. — Натуральный мертвец!

— Перестань потеть!

— Я не могу! Мне жарко!

— Стелла! Попудри ее! У тебя есть что-нибудь от пота?

— Тальк для ног.

— Шутники, нах... Будем до вечера снимать — пока не закончим сцену!

Сцена хрен знает какая, дубль хрен знает какой.

Я лежу. Я не ржу. Я стараюсь не дышать.

Вот известная звезда с автоматом на плече наклоняется ко мне.

От звезды разит пивком. Звезды любят алкоголь.

И вообще теперь я знаю, кто как пахнет и что ест.

— Это тяжелая утрата для повстанческого движения. Уходят лучшие из лучших.

Наш долг — отомстить. Наш долг — не сдаваться. Наш долг — каждый день вдохновляться героическим примером...

— Снято!

Кевин подошел ко мне.

— Ну, слава богу! Лежала — загляденье. Дай я тебя поцелую!

Не далась. Меня сегодня нацеловали на три года вперед.

А вообще сниматься в кино мне не понравилось... Хотя теперь у меня будут фотографии с собственных похорон — штатный фотограф все заснял. Затребую с Кевина снимочек, вставлю в рамку и повешу над камином.

ПРОГРЕСС НРАВСТВЕННОСТИ

3 июня 2005 г.

Не так давно по телевизору показали грудь Джанет Джексон — она выступала на сцене и у нее слетел бюстгальтер. Вся страна развратилась на десять лет вперед. Судебные иски, возмущенные звонки... Такая беда случилась, что просто не спастись.

Каждый пуританин в отдельности не видит в голой груди ничего зазорного — у кого своя есть, у кого — женина. Но стоит им собраться вместе и все — титькам бой. Причем никто не борется за то, чтобы грудь не показывали лично ему: он-то сам как-нибудь удержится от грехопадения. Этим борцам всегда хочется, чтобы не смотрели другие.

Цензура (хоть по поводу груди, хоть по поводу политики) — это завуалированная мания величия: я огражу вас, убогих, от беды.

Вон в Северной Корее есть только внутренний интернет. И только один телеканал. Информация проходит жесточайшую проверку на соответствие идеям Чучхэ.

Вводить цензуру в стране — это в открытую признать свой народ дураком, который не в состоянии отличить хорошее от плохого. Если мы уверены в собственной правоте, то

какой смысл скрывать от близких неправильную точку зрения? Ведь любой здравомыслящий человек сможет разобраться, кто прав, а кто нет.

Правитель, устанавливающий цензуру, расписывается либо в собственной неправоте, либо в дебилности своей нации. Что, кстати, не мешает ему провозглашать ее великой.

Нестыковочка выходит: великий народ, которому не разрешают принимать самостоятельные решения — как маленькому ребенку или сумасшедшему.

МАСТЕР И МАРДЖ

5 июня 2005 г.

Мой племянник Джош говорит о себе так:

— Да, я гений. Это может подтвердить любой мало-мальски образованный человек.

Образованных людей на свете немного: его герлфрендша Сара, моя сестра Леля и заведующая детсадом «Золотой Ключик».

О собственной одаренности Джош узнал в пять лет. Он нарисовал несколько улыбающихся пауков с ушами и заявил, что это коллективный портрет детсадовского руководства. Видимо, в отместку заведующая сказала, что рисунок гениален. Тем самым она испортила мальчику жизнь.

Все последующие годы Джош потратил на создание нового в искусстве.

— Ну скажи, о чем тебе говорит рембрантовский «Портрет старика в красном»? — вопрошал меня племянник. — А мой «Запутавшийся старик» говорит о свободной любви и открытости.

«Старик» Джоша и вправду открыт всему миру: там, где порядочному человеку надлежит иметь трусы, у него имеется огромный хрен, завязанный узлом макраме.

— Хочешь, я продам тебе эту картину?

Это был первый и единственный раз, когда я купила его произведение: мне нужен был презент на День Святого Валентина. Хотела бывшему мужу подарить.

Джош осознал, что на мне можно делать деньги.

— Я принес тебе еще трех стариков: «Старик на урановой шахте», «Кокетливый старик в костюме французской горничной» и «Старик, совсем-совсем обедневший».

— Джош, я занимаюсь литературой, а не живописью.

— А я к каждой картине написал по стиху. Вернее, по поэме. Я тебе завтра пришлю рукопись.

— Джош, иди, детка, в жопу.

Но мальчик недаром рос в нашей семье: ослиное упрямство и настойчивость — это у нас в крови.

— Тетя Мардж, ты же знаешь, что хорошо продается! Что ты хочешь, чтобы я написал? Фантастический роман? Что-нибудь про лесбиянок?

— Учебник по китайскому языку. Сейчас эта тема очень актуальна.

— А какой у меня будет гонорар?

— Джош, давай я тебе дам тридцать долларов и ты от меня отстанешь?

— Ну хорошо, я тебе завтра позвоню.

— Пятьдесят долларов и ты мне не позвонишь ни завтра, ни послезавтра, и вообще исчезнешь до конца месяца.

— Тетя Мардж, а ты знаешь, что сейчас можно слетать в космос за деньги? Я тогда уеду еще надольше.

Я не стала говорить, что сейчас можно и похоронить в космосе. А то если Леля прознает о моих намеках, она очень обидится.

НИКОГДА

12 июня 2005 г.

Никогда не ношу — пистолет. Я его купила после того, как посмотрела фильм про Джеймса Бонда. Ночью мне приснилось, что мистер Бонд угнал мою машину в силу «производственной необходимости». Схватил за ворот, выкинул на обочину и умчался бороться со злом.

Целую неделю я носила пистолет под пиджаком — на манер киношных детективов. Чувствовала себя и преступницей, и королевой мира. Это нечто особенное — ощущать оружие на своем боку.

А потом наступила жара. Кевин участливо глядел на мой пиджак и качал головой. А потом не выдержал:

— У тебя что, радикулит разыгрался?

С тех пор пистолет лежит в хлебнице на кухне. Сейфа у меня нет, в столе его Джош может найти, а если положить пистолет в бельевой шкаф, то тогда не найду его я. В шкафу у меня Бермудский треугольник.

Никогда не ем — сало. Мне и своего хватает.

Никогда не пью — за рулем. В пятом классе я сломала руку и на школьной фотографии меня запечатлели в гипсе. Гипс мне совершенно не идет.

Никогда не смотрю — «Иронию судьбы». Главный герой слишком уж напоминает трюфель: нечто белесое, бесформенное — сомнительного качества и непонятого назначения. За него бьются не потому, что он нужен, а потому, что иначе нечего будет показывать по телику.

Никогда не читаю — инструкции к технике. Не осиливаю.

Никогда не пишу — ха-ха, размечтались...

Никогда не понимала — зачем Герасим утопил Му-Му. Ведь можно было на пальцах наврать, что утопил. Что, барыня полезла бы в воду проверять?

Никогда не пыталась — прыгать с парашютом, запивать огурцы кефиром и баллотироваться в Сенат. Страшно.

Никогда не верила — в Деда Мороза. В нашем детсаду его роль исполняла повариха тетя Глаша. «Дед Морозов с титьками не бывает», — сказал мой друг Вовочка. Так он испортил мне половину детства.

СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ

15 июня 2005 г.

Из кухни слышится ласковый бас:

— Ну, песик, ну, милочка, ну съешь еще ложечку!

Барбара, моя домработница, уговаривает Ронского поужинать. Тот воротит сытую харю, страдальчески кряхтит и перебирает лапками.

У нас такой ритуал: Ронский ест собачий корм, только если перед ним долго рассыпаются в комплиментах. При этом он с рождения глух как пень.

Недостатков у Ронского больше даже, чем у меня. Он храпит по ночам, роняет слюни на гостей; он до сих пор не усвоил, что задирать ногу на швабру — признак дурного тона.

Гладить Ронского без омерзения можно один раз в месяц — после того, как его вымоют в пэт-сервисе. В остальное время он пахнет либо моими сигаретами, либо самим собой. Не знаю, что хуже.

— Жалко, что мопсов нельзя отдать на благотворительность, — вздыхает Джош. — Тогда от него была бы польза: ты списала б с налогов его стоимость.

Их отношения изначально не сложились: Ронский-Понский постоянно жрет Джошевы ботинки. Он считает, что они гораздо вкуснее собачьего корма.

Джош орет на него матом, но Ронскому пофиг: он все равно ничего не слышит.

— Ты ему в картинках изобрази, как ты его не любишь, — посоветовала однажды Барбара.

В результате Джош вдохновился на серию полотен под названием «Пиздец Ронскому-Понскому». По исполнению они весьма напоминают средневековые гравюры о страданиях святых: «Ронский в пасти у льва», «Усекновение главы Ронского», «Ронский после обработки кремом для удаления волос в зоне бикини».

Барбара на кухне сокрушается: бедная собачка опять ничего не покушала. А зачем ему? Он сегодня уже глодал мой банный халат — вот и наелся.

ГОСПОДИН МОЙ — ВРЕМЯ

18 июня 2005 г.

Зашла я в универмаг — смотрю: купальники для девчонок двух-трех лет. Трусики и верх — все как положено.

И-эх! В наше время лифчик был знаком инициации. Мы мечтали обзавестись им почти так же сильно, как проколоть уши. Мы до слез спорили с родителями:

— Не пойду купаться в одних трусах! У меня — во!

«Во» пока что было скромным: так, две кочки на бескрайней равнине. Но это не имело значения: мы свято верили, что они тоже заслуживают ландшафтного декора. Мы примеряли мамины бюстгальтеры, разглядывали себя в зеркале и констатировали факт: гадкий утенок в лифчике тут же становится лебедью.

— Видала, Светка-то уже натитишник нацепила! — обсуждали мы грудастых одноклассниц.

— Да ей просто хочется, чтобы за ней пацаны бегали!

Пацаны действительно меняли нас на пышнотелых Светок и носились за ними восторженным табуном. Предложи им увидеть либо Светкин бюстгальтер, либо Брежнева, и они сдали бы дорогого Ильича.

Бюстгальтер был самым лучшим подарком на день рождения. Конечно, мы были рады и самошивным лифчикам: их продавали на базарах старушки-рукодельницы — ситец в цветочек, три пуговицы на спине... Но поистине роскошным подарком мог стать только НАСТОЯЩИЙ МАГАЗИННЫЙ БЮСТГАЛЬТЕР — с косточками, крючками и материалом, похожим на мелкую шкурку.

Такое сокровище показывали подругам в школьных туалетах. В нем фотографировались, пять минут наслаждались порочными снимками, а потом рвали их на мелкие кусочки. Импортные лифчики надевали только по большим праздникам — на

Новый год и годовщину Октября. Их «доставали по благу» и передавали по наследству. И стирали только вручную — мылом «Банное» и «Земляничное».

Но главное, для чего был нужен лифчик, — это для свиданий. Руки кавалеров шарили по девичьим спинам. «Вот оно!» Мальчики краснели и, запинаясь, ввали про любовь. Бюстгальтер был их путеводной звездой. Он говорил о том, что секс в СССР существует, и что некоторым даже удастся им заняться.

Мы носили лифчики как боевое знамя, как роковую тайну, как знак судьбы и половой востребованности. А сейчас нету никакой тайны и никакой судьбы. Вся тайна стоит восемь девяносто девять и продается со скидкой в 15 процентов.

ГАДАЛКА

2002 г.

Бывает, люди дружат на почве общей любви к искусству, или на почве ненависти к главбуху, или на почве совместного вынесения мусора... Мы же с Мелиссой дружим на почве взаимной зависти: я ей завидую из-за ее длинных ног и белокурых волос, а она мне — из-за знакомства с Кевином.

Впрочем, уважать Мелиссу можно не только за волосы. Она у нас бизнес-вуман. Организовала свою компанию, снимает офис, платит зарплату.

Мелисса — профессиональная гадалка. Ее контора находится в очень удачном месте — как раз между тюрьмой и магазином свадебных платьев, так что недостатка в клиентах у нее не бывает.

«Предсказания и магия» — гласит вывеска над входом. Внутри бархатные портьеры, свечи и книги на неведомых языках... Я как-то взяла одну: «Практический справочник животновода», Москва, 1947 год.

— Помогает в работе-то?

— Много ты понимаешь! Тебе только кажется, что это обыкновенная книга. Лишь посвященные могут читать между строк... А у тебя к тому же вся аура в дырках.

Про дырки в ауре Мелисса рассказала мне в первый день знакомства. Мы забрели в ее контору вместе с Джошем: просто так — пошалить.

Мелисса долго смотрела в хрустальный шар, а потом сказала загробным голосом:

— Опасайтесь рыжих женщин и нашего шерифа. Такая сволочь, знаете ли...

Мы с Джошем переглянулись.

— А вы любое будущее можете предсказать?

— Любое.

— А нам бы узнать выигрышный номер лотереи.

Я думала ее смутить, да куда там! Мелисса раскинула карты, почесала в затылке и выдала:

— 6, 11, 28, 30, 35, 41, мега 8.

Я аж растерялась от такой наглости.

— И что, это выигрышный номер?

— Да.

— И в эту среду мы можем получить 32 миллиона?

Мелисса скрестила руки на груди.

— Почему в эту среду? Вы у меня просили выигрышный номер — я вам его дала. Но вы не спрашивали, когда именно он выпадет. Я предсказываю будущее, а не оглашаю расписание. Кстати, вам, милочка, я бы посоветовала заняться аурой. С такими дырами вам не о миллионах думать надо, а о тотальной чистке астрального тела.

В этот момент я поняла, что мы будем дружить. Возможно — годами.

НЕИДЕАЛЬНЫЙ МУЖ

20 июня 2005 г.

Муж Мелиссы, Тедд, работает в Диснейленде Дональдом Даком: фотографируется в обнимку с детьми и марширует в ежевечернем параде.

Мелисса говорит, что он настолько вошел в роль, что даже во время секса шепчет «Oh, yes, baby!» с утиным акцентом.

— Лучше б он в Бэтмены пошел, — сокрушается она. — У Бэтменов чаевые намного выше — их женщины любят.

Но Тедд не соглашается. Он у нас бородатый, а бородатый Бэтмен — это все равно что лысая Белоснежка.

— Глаза б мои его бороды не видели! — сердится Мелисса. — Как придет в ресторан — весь соус по ней развесит.

— Борода — это наша фамильная ценность, — спокойно разъясняет Тедд. — У моего папы была такая же.

— Твой папа работал Санта-Клаусом и привидением в Комнате страха.

— А я тоже могу привидением...

— Спасибо большое! Если ты мне еще и выть по ночам будешь... Слушай, а может, тебе стать Чубакой?

Я хихикаю. Тедд дивно будет смотреться в костюме Чубаки — при его росте чуть выше табуретки. Жаль, нельзя предложить ему роль Мастера Йоды: во-первых, опять будут проблемы с бородой, а во-вторых, если Тедд заявит Мелиссе в постели: «Фиаско я потерпел. Скрыться должен я», то она его точно из дома выгонит.

ОДИН ДЕНЬ МАРДЖ ТЕНШ

23 июня 2005 г.

Быть литературным агентом — это встать в 4 утра, чтобы созвониться с Германией. На дикой смеси языков объяснить фройляйн-секретарше, кого мне надо. Потратить 15 минут, а потом получить ответ: «Ой, а он только что вышел!»

Крикнуть «Ну и хенде хох с тобой!» и яростно зашвырнуть телефон в угол.

Попытаться уснуть. Столкнуться с кровати Ронского-Понского, который чего-то от меня хочет. Понять, что Ронский-Понский хочет писать и ему нужно открыть дверь.

Встать, открыть, закрыть, лечь.

С утра залезть в электронную почту и обнаружить там 36 писем. Десять из них — спам, на 26 надо ответить. Шесть — от партнеров и клиентов. Двадцать — от графоманов, которые хотят от меня денег.

У писателей, которые не умеют писать, есть общее свойство — они не умеют еще и читать. Они не читают классиков, поэтому не понимают, что такое хорошая литература. Они не читают современников, поэтому не понимают, насколько им далеко даже до среднего уровня. Но больше всего меня огорчает, что они не читают мои инструкции. На моем сайте черным по белому написано, что именно и как мне нужно присылать.

Но графоманам все пофиг. Каждый день они шлют философско-эротические триллеры с элементами фантастики, мистические одиссеи капитана Пулемета, трактаты «Как нам обустроить Россию (Америку, Евразию, Вселенную и т.п.)» и любовные романы, в которых достоверно выглядят только фамилии авторш. Весь этот полет мысли я безжалостно удаляю, а писателям отправляю вежливый отказ. В коллекцию идут только рукописи о жидо-масонском заговоре.

Они похожи друг на друга как яйца на полке холодильника. Каждая из них начинается с вопроса «Почему везде они?» и заканчивается списком бредовой литературы, опубликованной в полуподвальных издательствах начала 1990-х. Список всегда одинаковый.

Пишут все это не кто-нибудь, а лучшие сыны человечества, которые хотят протереть ему глаза. Лучших сынов я временами зачитываю в хорошей компании. Народ ржет до слез.

На письма у литагента уходит полдня: сначала всем ответить, потом свои послания настрочить.

В Индию: «А как там у нас поживает книжечка про таракана Стефана?»

В Японию: «Я понимаю, что вы хотите опубликовать труды физика Гольдштейна, но, во-первых, у Гольдштейна нет трудов, у него есть только несколько статей, а во-вторых, у меня нет самого Гольдштейна: он не отвечает на звонки».

В Нью-Йорк: «Есть отличная книга Соколовой «Второй брак» — хотите? Из нее вы узнаете, почему фунт лиха на Руси».

В Россию: «Нет, в этом году я не еду на Московскую книжную ярмарку».

Еще в Россию, еще в Нью-Йорк, еще в Чикаго и в Атланту...

Телефон: «Дзинь!»

— Хэлло...

Общаюсь с Кевином. Потом с Мелисской, потом с газонокосильщиками, которым не заплатила на прошлой неделе. Всем обещаю, что требуется, вырубая телефон и сажусь читать рукописи.

В этот момент начинает мигать ICQ — Артур, клиент, переписал четвертую главу и хочет, чтобы я на нее взглянула.

Пишу: «Артур, солнышко, мне НЕКОГДА. Почитаю, когда напишешь ВСЕ!»

Артур обижается: «Ну я и не прошу тебя читать! Ты только посмотри!» И начинает высылать четвертую главу через ICQ. Кусками.

Я отключаю аську. Я вообще выключаю все электрическое и иду на террасу сидеть в кресле, пить кофе и ЧИТАТЬ.

В ворота: «Бум! Бум! Бум!»

— Ну что еще?

На пороге стоит черный парень с кучей цветастых журналов в руках.

— Мэм, мы собираем пожертвования в Фонд помощи молодым дарованиям.

У меня загораются глаза.

— И вы принесли мне их на дом?! Очень мило с вашей стороны.

— Нет... Но...

— Послушайте, молодое дарование — это я. Вы хотите мне помочь — замечательно, давайте сюда пожертвования и валите. Мне НЕКОГДА!

Денег мне не дают. Вспоминаю, что мне на счет должны прислать 500 долларов за только что проданную азбуку. Включаю компьютер, проверяю — хрена! Звоню в издательство:

— Где?

Мне отвечают, что завтра все будет, тысяча извинений. Только кладу трубку — «Дзинь!» Менеджер газонокосильщиков:

— Где деньги?

— Завтра все будет. Тысяча извинений.

Мне все надоели, я беру свежий номер Book Review, иду в ванную и узнаю, что в свет вышла обалденная книжка про Китай. Полчаса думаю, в какое бы российское издательство ее можно пристроить... Топлю газету в ванной. Чертыхаюсь, злюсь и в очередной раз клянусь не читать у воды.

На часах восемь вечера. День прожит, к смерти ближе.

GENERATION ИКС

1973 г.

К семи годам я поняла, что цель моей жизни — свержение капитализма.

Я ненавидела его почти так же сильно, как пенки от молока. По телевизору постоянно говорили о злодеяниях капиталистов: они затевали войны, мучали революционеров и хотели истребить жизнь на земле. Странно, что за плохое поведение мама грозилась отдать меня милиционеру. Вот если бы она пугала меня Капиталистом... Правда, тогда бы я выросла зайкой.

Читая книги серии «Малыш», я выяснила, что главного борца с капиталом звали Ленин. Он был очень умным и добрым, и потому все перед ним благоговели.

Однажды мне захотелось нарисовать нашу улицу. На рисунке имелось все, что положено: дома, деревья, солнышко и, разумеется, памятник. Как могла, я изобразила ленинский прищур и руку, протянутую к прохожим. Шедевр нужно было срочно кому-нибудь показать и я пошла к двоюродной сестре хвастаться.

Но Оля совсем не оценила моего таланта.

— Ты что?! — закричала она, откинув от себя рисунок. — Ленина НЕЛЬЗЯ РИСОВАТЬ ДЕТЯМ!!! Ты нарисовала его НЕПОХОЖЕ!!!

Оля была старше меня на три года, и я привыкла ей доверять. Вдвоем мы поспешно зачеркали памятник, после чего стали думать: а можно ли ЗАЧЕРКИВАТЬ ЛЕНИНА, НАРИСОВАННОГО РЕБЕНКОМ? Взрослых рядом не было, и подсказать правильное

решение было некому. Посовещавшись, мы скрыли следы преступления: порвали рисунок и кинули его в унитаз.

Только потом до нас дошло, что это было настоящее святотатство: мы ведь не только зачеркали Ленина, нарисованного ребенком, но еще и СПУСТИЛИ ЕГО В КАНАЛИЗАЦИЮ!

Благоговеть перед Лениным и Партией было не так просто, как кажется. В 1970-е годы в СССР была страшная напряженка с туалетной бумагой и в сортирах обыкновенно лежали порезанные на квадраты газеты. А в газетах печатались портреты вождей.

Как-то раз я спросила маму, что будет человеку, если он вытрет попу Брежневым?

Мама побледнела и сказала, что газеты вредны для здоровья, так как типографская краска содержит свинец. На следующий день она купила в «Культтоварах» пачку писчей бумаги и сказала папе, что «Правда» и «Труд» — это не для детей.

В актовом зале нашей школы стоял огромный гипсовый бюст Ленина, и на репетициях хора я сидела как раз рядом с ним. Как мне хотелось проверить, насколько глубоки у Ленина ноздри! Доходят они до мозгов, как у всякого нормального человека, или нет?

Однажды я пришла в актовый зал раньше всех. Потренировалась на рояле, попрыгала по стульям... Ленин возвышался над сценой как египетский сфинкс. Не выдержав соблазна, я взяла карандаш и засунула его вождю в нос (провести эксперимент пальцами я не решилась — а вдруг и вправду доберешься до чего-нибудь страшного, типа мозгов?).

Результаты опыта меня разочаровали: дырки оказались настолько неглубокими, что если посмотреть снизу, то было видно, где они заканчиваются. С горя я раскрасила изнутри сначала одну ноздрю Владимира Ильича, а потом вторую.

Если школа № 63 города Нижнего Новгорода до сих пор хранит этот бюст, советую администрации никому его не отдавать. Когда я помру и фанаты примутся за создание моих квартир-музеев, этого Ленина можно будет продать за большие деньги.

ЗВЕЗДЫ — ХОЛОДНЫЕ ИГРУШКИ

29 июня 2005 г.

Джош — не единственный человек в нашей семье, искренне верующий в свою гениальность. Тщеславие и самодовольство — это наша фамильная черта, и мы с удовольствием передаем ее из поколения в поколение.

Про мою одаренность я узнала от бабушки Дины. В ее доме не было воды, и мы ходили мыться в городскую баню.

— Помойка женщин переносится на послепраздники, — прочла я надпись на двери. Бабушка так и села.

— Профессорша! Всего пять лет, а какие слова прочитать может!

Масла в огонь подлила математичка Серафима Сергеевна по прозвищу «Полковник СС». Она постоянно уговаривала родителей отдать меня в гуманитарную спецшколу — желательнее в другом районе, а лучше — в другом городе.

В разное время в мои необычайные способности верили мужья, свекрови и налоговые инспекторы. Но каждый из них потом разочаровался.

Бабушка Дина умерла, Полковник СС тоже... И некому мне сказать, что еще не все потеряно.

Вечером я отправилась утешаться к Кевину. Он живет в gated community — полтора десятка дворцов за высоким забором. На въезде сидят охранники — берегут покой жильцов. Но я туда и не суюсь: охранники — народ простодушный — сразу заложат меня Съюзан. Мы лучше с обратной стороны подъедем, к решетчатой калитке. Она как раз выходит на задний двор: туда, где у Кевина мусорные баки стоят.

Выключив зажигание, я достала сотовый.

— Алле. Это я. Приходи на помойку.

Кевин выбежал в домашних трениках. Мы сели на заднее сиденье.

— Будешь? — он вытащил из кармана охотничью фляжку. — Армянский коньяк. Только сегодня купил.

Через пять минут жизнь наладилась.

— Ты достойна войти в историю, — сказал Кевин, расчувствовавшись. — Я назову твоим именем звезду. Заплачу пятьдесят долларов, и ее во все каталоги внесут.

От звезды по имени Мардж я отказалась и вместо этого потребовала сделать мне «Октябрятскую» звездочку, «Поп»-звезду и звезду «Героя Советского Союза».

А потом мы выпили еще и решили, что в небе обязательно должно быть созвездие «Пять звездочек».

Пусть Кевин — женатый дурак. Я все равно его люблю.

ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ?

7 июля 2005 г.

Лондон, очередной теракт... Все мои живы-здоровы, а Кевин до сих пор не может вызвонить брата.

Они нас убивают — потихонечку, в разных уголках мира: Нью-Йорк, Москва, Бали, Мадрид, Багдад, Лондон... Сердце замирает, веки наливаются горячим: звонить, звонить! Как там родные? Как друзья? Целы? Здоровы? Уф, слава богу, пронесло!

И снова покой — камешек упал, круги по воде разошлись.

Мы относимся к ним как к стихийному бедствию, как к неизбежному злу, как к автомобильным авариям, которые каждый год пожирают полмиллиона человеческих жизней.

А что мы можем сделать? Что может сделать хорошая сдобная тетка, чтобы этого никогда больше не повторилось? Да ни черта!

Мое правительство — та сила, что вечно ищет добра, но вечно совершает зло. Мои соседи бледны от страха: они требуют ужесточения визового режима. Это не спасет их детей, но даст им хоть какое-то успокоение. Мои друзья... Да что говорить! Через неделю о нынешних событиях будут вспоминать только те, кого напрямую задело взрывом. Через две — фраза «терракты в Лондоне» станет привычной. Я вновь увязну в своих делишках, буду любить Кевина и потешаться над графоманами... И забуду, какое же это счастье — просто жить, просто быть целой, со всеми руками-ногами...

И все по-новой, до нового «Срочного сообщения» по телевизору.

Мир, иди на хер! Ты больной и не лечишься.

ХУДОЖНИК

1964 г.

Мой папа был художником, специализирующимся на политических плакатах. Каких шикарных Дядей Сэмов он рисовал! Взглянешь на эту рожу с бородкой и сразу ясно — козел.

Каждый раз, когда я глядела на папины антирасистские плакаты, мне хотелось усыновить негритенка. А насмотревшись на «Руки прочь от Вьетнама!», я подговорила Пенькову и Гришину отправиться на войну. К сожалению, моя сестра Леля обнаружила наш склад снаряжения — вырванную из атласа карту, жидкость от комаров и суп быстрого приготовления «Вермишелевый». Она вскрыла все четыре пакета и выжрала из них сушеное мясо, а карту отдала мальчишкам, чтобы они искали по ней клад. В общем, Америке повезло и мы никуда не поехали.

Своим рождением я тоже обязана папиному творчеству.

На 1-ое мая папа получил халтуру — нужно было оформить сцену для праздничного концерта в ДК имени Ленина. Начальству работа понравилась, и художнику выдали пригласительный билет.

Первым номером выступал ансамбль народной пляски. Под громкое «И-и-эх!» по сцене кружилась настоящая русская красавица. Юбки ее разлетались, мужики пускали слюни.

Когда к зрителям вышла упитанная тетя и запела «Светит месяц», папа отправился за кулисы.

Ансамбль пляски — усталый и покрасневшийся — раскуривал на лестнице папироску на девятых. Папа долго стоял в отдалении и смотрел на артисток. Он никак не мог вспомнить, чьи же ноги так его потрясли.

— Которая солистка-то? — спросил он пробежавшего мимо конферансье.

— Да вон!

Папа вздыбил рукой чуб и пошел в атаку.

— Девушка, а можно вас на минутку?

Впоследствии оказалось, что конферансье ошибся и вместо солистки Абрамовой указал на рядовую Титову. Но папа ни разу об этом не пожалел.

Отозвав девушку в сторонку, он начал рассказывать про соцсоревнование между художниками.

— Нам до зарезу нужна модель. А вы идеально подходите! — божился он. — Я вас прошу только об одном: попозировать для меня!

Девушка смущенно улыбалась и поглядывала через плечо на подруг. Договорились встретиться в студии — в воскресенье в шесть вечера.

Всю неделю папа изобретал концепцию плаката, который мог выйти в печать. Титова должна была осознать, что она познакомилась не с пустобрехом, а с настоящим издающимся художником.

Но руководство интересовали только слава КПСС, гибель империализма и техника безопасности. Конечно, можно было нарисовать Титову на плакате «Уходя, гаси свет!»... Но тогда ей пришлось бы позировать в рабочей робе. От таких мыслей папе становилось грустно.

К воскресенью он так ничего и не придумал. Ходил, меряя шагами студию, поглядывал на часы. «Она не придет...»

Полседьмого в дверь постучали. Титова стояла на пороге с двумя огромными сумками.

— Извините, в прачечную забежала, — сказала она. — Нужно было простыни забрать.

И тогда папу осенило.

Через пару месяцев из Горьковской типографии вышел плакат: Статуя Свободы, замотанная в простыню, читает телеграмму:

«Разоблачение грядет.

Сдавайся сразу. Твой народ».

— Экая у тебя американка вышла! — восхищался папин друг Воронкин. — Прямо как из «Плейбоя»!

Папа усмехался в усы. «Статую» хотели зарубить на комиссии, но председатель сказал, что плакат — жизненный, так как показывает распущенность Америки. А потом повесил его в своем кабинете.

СЕКС В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ

11 июля 2005 г.

Кевин — моя привычка. Визиты к Арни — ее следствие.

Я не умею жить, когда мне не о ком думать. У Кевина есть то, перед чем невозможно устоять — мозги, и поэтому из всех знакомых мужиков я выбрала именно его. Сидя в пробках или гуляя по магазинам, я вспоминаю наши слова и взгляды — в этом заключается моя любовь.

Он изящный сноб, от него пахнет аристократизмом. Я как-то сказала ему:

— Тебе обязательно нужен герб. Ты без герба — как президент без штанов.

Кевин только ухмыльнулся.

— И что мне на нем нарисовать?

— Придумай какой-нибудь красноречивый символ.

Он придумал. На следующий день прислал мне по факсу эскиз: в центре щита — мультяшный старичок-каторжник с ядром на ноге, а по бокам — страусы, сунувшие головы в песок.

Кевин знает цену не только окружающим, но и себе.

Я закрываю глаза и на Сьюзан, и на отсутствие перспектив. Мне надо о чем-то мечтать.

Звоню Кевину:

— Хочешь, я тебе устрою секс по телефону?

— У меня сейчас футбол по телевизору... Давай потом, а?

И голос такой жалобный-прежалобный.

ЧУДЕСА

14 июля 2005 г.

Вот был бы у меня мужик, я бы его за пивом отправила, а так пришлось тащиться самой. По дороге купила компьютерную игру «Моя фантазийная свадьба». Уж больно аннотация понравилась: «Спланируй самый счастливый день в твоей жизни! Выбери жениха, платье, торт и все остальное! Воплоти свои мечты в реальность! Твой суженый ждет тебя!»

А ниже приписка: «Для детей от 6 до 12 лет».

ГРАБЕЖ

1974 г.

Впервые я столкнулась с миром криминала в восемь лет.

Банты, школьное платье и фартучек, похожий на те, что носят официантки придорожных кафе. В кармане у меня хранилась сокровищница: знаменитая на весь 2-ой «Б» коллекция календариков.

Я владела очень ценными экземплярами — из серии «Города» и «Цирк». Более того, у меня был всамделишный ГДР-овский календарик с кораблем.

Как мне завидовали! Мне предлагали обменять его на любые богатства — хоть на настоящую кнопочную ручку, хоть на дюжину фиолетовых биток. Но я была непреклонна и хранила кораблик как Кощей свою смерть.

Каждый вторник и пятницу я тащилась в музыкальную школу на репетицию детского хора. Петь здоровские песни из репертуара Кобзона нам не разрешали, и мы печально тянули программное — «Шла баржа по Волге широкой».

Бог ведает, почему хормейстер Маргарита Александровна мучила нас бурлацкими песнями. Может, виной тому было извращенное чувство юмора, а может, ассоциации бурлацкой лямки с нелегкой долей дирижера. Как бы там ни было, у нас весь репертуар состоял из «Дубинушек» и «Похоронили парня под откосом».

Как страстно мы завидовали Школе искусств! Там детский хор бацал «Мы красные кавалеристы» и «Шел отряд по бережку». У них и форма была лучше: брусничные плиссированные юбки, галстуки-бабочки и буденовки. А у нас — унылые жабо, напоминавшие кухонные занавески.

Единственное, что спасало меня от скуки репетиций — это календарики. Сядешь на последний ряд, разложишь их на коленках... Девчонки смотрят и завидуют!

Но однажды приключилась беда.

— А ну дай сюда! — сказала Маргарита Александровна, которой очень не понравилось, что все глядели на меня, а не на нее.

Я протянула грозной женщине календарик, который похуже.

— Все, все давай! — велела Маргарита Александровна.

Мои «Города» и «Цирки» перекочевали в упитаную ладонь музыкального работника. «Кораблик» уплыл следом.

Петь я уже не могла: губы дрожали, слезы текли ручьями и скапливались, невытертые, под подбородком.

После репетиции я подошла к роялю.

— А можно...

— Нельзя! — отрезала Маргарита Александровна. — Отдам только родителям.

Но я не могла привести в музыкалку родителей! Иначе бы они мигом раскрыли мой сговор с учителем по баяну. Он поклялся меня не учить, а я обещала помалкивать насчет скрипачки Людочки, с которой он запирался в Красном уголке.

До конца учебного года я не пропустила ни одной репетиции хора — все надеялась, что Маргарита Александровна вернет похищенное. Я несколько раз улучала момент и рылась в ее пахнувшей холодильником сумке. Все было тщетно: календарики исчезли. Вероятно, Маргарита Александровна отнесла их домой и присоединила к собственной, разросшейся от постоянного грабежа коллекции.

Год спустя Борька Папахин спер у нее золотое кольцо, лежавшее на рояле. Маргарита Александровна жутко кричала. Она вытащила Борьку на середину зала и хотела заставить его на колених просить прощения.

— Ты вор! По тебе милиция плачет!

— Иди на хер!

Все онемели от изумления. Ляпнуть ТАКОЕ взрослой женщине?! Тем более — преподавателю?! Маргарита Александровна выпустила Борькину руку, и тот неторопливо вышел из актового зала.

Я была уверена, что Папахина посадят в тюрьму, но его всего лишь отругали на родительском собрании.

— Все по закону, — сказал Борька после этого, — если взрослый тырит у маленького, ему ничего не бывает, и если маленький тырит у взрослого — то же самое. Единство и борьба противоположностей — мне это старший брат объяснил.

ИМЯ БАРБАРЫ

1 августа 2005 г.

Барбара моет микроволновку. Попу туго обтягивают розовые штанишки. Каждое движение преисполнено изящества.

— Барбара, сколько тебе лет?

— Двадцать шесть.

Самый сок. Интересно, что она делает по вечерам? Ни за что не поверю, что она, как все прочие, сидит перед телевизором. Таким девушкам надо вести порочную жизнь, ездить на дорогом мотоцикле и носить кожаный плащ. Она должна входить в ночные клубы и, сняв перламутровый шлем, встряхивать роскошными волосами. Она должна курить длинные сигареты и оставлять следы помады на шеях мужчин.

— Барбара, ты знаешь, что означает твое имя?

Дива стаскивает резиновые перчатки.

— А оно что-то значит?

— В переводе с латыни «Барбара» означает «дикарка». Тебе очень подходит твое имя.

Барбара не понимает, чего мне от нее надо. Ее мир прост, как суповая тарелка. Ее родители — добрые трудолюбивые люди — тринадцать лет назад нелегально пересекли американо-мексиканскую границу. Это был единственный способ вырваться из глухой нищеты, передающейся детям как наследственная болезнь.

— Барбара, тебе определенно нужен «Харлей Дэвидсон».

— Да нет, микроволновку лучше мыть обыкновенной содой. Она запах убивает.

«КОРОЛЕВА МЭРИ»

17 августа 2005 г.

Океанский лайнер «Queen Mary» очень похож на «Титаник». Та же роскошь, те же пропорции, те же черно-оранжевые трубы... Его палубы помнят многих звезд 20-го

столетия — от Уинстона Черчилля до Кларка Гейбла. Это был корабль-мечта — может быть, не столь широко разрекламированная, но зато непотопляемая.

«Королева Мэри» давно уже вышла на пенсию: теперь в ее каютах располагается гостиница. Мы с Кевином забрели сюда ради фотовыставки Джорджа Хёррелла¹. Золотой век Голливуда — черно-белая красота...

Я смотрю на Кевина.

— Представляешь, мой отец плавал на этой посудине, — говорит он чуть слышно. — В 1944 году сюда затолкали 16 тысяч солдат и повезли в Европу. А в мирное время корабль был рассчитан на две тысячи пассажиров.

Отец Кевина каждый вечер писал письма домой — без надежды отправить. По ночам небо гудело: немецкие бомбардировщики пытались атаковать транспорт. Громыхали зенитки, орали офицеры... Акустики то и дело докладывали о подводных лодках.

Днем тишь, штиль и силуэты конвойных судов неподалеку. Куда ехали? Зачем? Если ударит торпеда, никому не спастись. Если доплывут, то половина сгинет в европейской мясорубке.

Я хожу по палубам «Королевы» и наяву слышу шум тысяч голосов. На стенах вместо голливудского гламура — плакаты: «Покупайте облигации военных займов!» В коридорах — вытянутые ноги, каски, котелки... Плиты на камбузе горят круглосуточно. В туалет очереди как в кинотеатр.

Мне преподавали историю так, будто американцы только купоны стригли на этой войне. Как будто не было ни Перл-Харбора, ни Нормандии, ни Ио Джимы. Ан нет: все та же боль, все тот же страх, все тот же шепот: «Вернись живым!»

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ СОЛДАТ

1 сентября 2005 г.

Джошу удивительно идут душевные терзания. Когда он в печали, у него и лицо одухотворяется, и глаза становятся как у приличного человека.

— Значит, ты решил записаться в армию? — осведомилась я.

Джош угрюмо вертел в руках ключи от машины.

— Угу.

— И, надо полагать, твое появление в Ираке переломит ход войны.

— Ну...

¹ Джордж Херрелл (1904-1992) – американский фотограф, специализирующийся на съемке голливудских знаменитостей.

Да, Джош у нас смертоносец, что и говорить... Помнится, он как-то демонстрировал приемы рукопашного боя на Ронском-Понском. Ронский победил.

— И что тебя навело на эту гениальную мысль?

Джош вскинул на меня гневные очи.

— Теть, ну смотри! Тебе каждый месяц платят зарплату, но при этом ты живешь на всем готовом и тратишься только на стрижку и форму. Плюс бонус... Они, кстати, хотят поднять его до сорока тысяч долларов.

— А знаешь почему? Потому что потери в Ираке продолжают расти, а число дураков, желающих помереть, — сокращается. По вполне естественным причинам.

Губа Джоша выпятилась.

— А в авиации никакого недобора нету!

— Потому что иракцам очень трудно захватить в плен бомбардировщик: автомат немного недостреливает. Но ты-то собрался в армию...

— БМВ хочу купить, — наконец признался Джош. — Если мне дадут сорок штук, то...

— Мы тебе на них дивный памятник отгрохаем. Со скульптурной группой в изголовье: «Иракцы отрезают голову американскому герою». Закажем у Церетели — он как раз специализируется на эпических композициях. У нас и исходные материалы будут: наверняка «Аль-Джазира» любезно предоставит нам видеозапись твоей кончины.

— Ну, теть! Мне рекрутолог сказал, что я буду специализироваться на электричестве! Я вообще при штабе буду! К тому же, может, меня и не пошлют ни в какой Ирак.

Я смотрела на своего племянника. Что творится в голове у этого балбеса?

— Как думаешь, те, кто лежат сейчас в могилах, думали, что убьют именно их? А те, кто валяются по госпиталям, предполагали, что именно они напорятся на мину? Что ты скажешь себе, если ты нечаянно пристрелишь беременную иракскую бабу? Что ты не хотел? Что это ненарочно?

Выражение лица Джоша было достойно фотоаппарата Джорджа Херрелла.

Пусть думает: ему это идет.

Джош стесняется говорить со мной об истинных причинах. Он считает меня циником, способным воспринимать только BMW.

На самом деле Джош хочет стать героем.

В его возрасте я сама была такой же. Помню, как я мыла посуду — тряпка из старых колготок, «пемаксоль» на раковине, — и думала, что ненавижу этот мир. В нем не было места подвигу. Мне казалось, что жить обычно — это унижительно.

Нынешней молодежи хорошо — у нее есть интернет. С начала Иракской войны там такие баталии ведутся — ого-го! Сколько искренней радости по поводу американских потерь! Сколько счастья, когда американцам удается замочить врагов!

У этой войны есть болельщики — как в футболе. И смотрят ее по телевизору — как футбол.

Разумеется, Джош самозабвенно защищает Америку. Наверняка, кто-нибудь ляпнул ему, что воевать за компьютером может любой дурак, а ты пойдди послужи, если не слабо.

Джошу не слабо.

ХОРОШО БЫ ПОХУДЕТЬ!

3 сентября 2005 г.

Развесила по кухне фотографии киноактрисы Рене Зельвегер, мэра Москвы Юрия Лужкова и медведя после зимней спячки. Я должна помнить, что похудение — это реально.

НОЧЬ

Почему сегодня Ронский просыпался десять раз?

Почему сегодня Понский назывался «пидорас»?

Над домом полночи летали полицейские вертолеты (гонялись за каким-то воришкой), и моя собака решила, что без нее никак не обойдется.

«Помощь следствию» выражалась в следующем: Ронский взлетал на кровать и проносился по мне к окну — глазеть.

Увиденное приводило его в воинственное расположение духа: а как же — ведь не каждую ночь за окном можно обнаружить кусты и фонарный столб.

— Ы-ы-ы! Хр! Хр! Ах-ах-ах! — вопил Ронский не своим голосом.

Самое противное заключалось в том, что окрестные собаки всегда поддерживают Ронского в его начинаниях. Стоит ему нагадить на газон, как остальным тоже надо — и карманному клопу Боно, и мраморному догу Маркизу де Саду. А уж почтальона сообща облаять или в какой-нибудь дряни изваляться — это вообще святое.

Я усомнилась в честности своего питомца. Мне ветеринар сказал, что у Ронского абсолютная глухота; встречать гостей он не бегаёт, на зов не откликается (особенно когда дело касается «Иди мыть лапы» или «Это кто здесь нассал?»).

Но когда окрестные собаки устроили концерт, у него было такое выражение на морде, какое бывает у карточного шулера, сорвавшего роял-флеш.

Ведь слышит, подлец, все — и полицию, и своих дружков-подельников. Просто инвалидом жить интересней — можно гавкать среди ночи, можно жрать хозяйский лифчик, можно потихоньку слюнявить занавески... Главное — вовремя делать невинные глаза: «Ах, не придирайтесь! Только это и скрашивает мое печальное существование!»

СМЕШНЫЕ ЛЮБОВИ

12 сентября 2005 г.

Подслушала, как Джош описывал меня своему приятелю:

— У меня мировая тетка! Ей почти сорок лет, а выглядит на все сто.

Непонятно, почему они не сошлись характерами с Ронским-Понским? Ронский проявляет любовь ко мне в том же духе: писает от восторга мне на ноги.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

1979 г.

Свою школьную любовь, Вову Запаскина, я любила целых семь лет.

Это сейчас на него тошно смотреть — прикормленный депутат Мосгордумы. А когда-то Запаскин был опасным человеком... Когда-то от одного его взгляда у девушек трепетали сердца и снижалась успеваемость.

Меня Запаскин не любил, и за это я его била. Его бабушка — строгая дама с широкой, как стол заседаний, грудью — почти еженедельно требовала у моих родителей выдачи преступницы. Папа в экстрадиции отказывал, ибо не верил, что я способна выкручивать мальчишкам руки со словами: «Жри землю, гад!»

Чего я хотела от Запаскина? На пение романсов под окном рассчитывать не приходилось: мы жили на девятом этаже. Дуэль? Но Запаскину было до лампочки, что физрук говорит даме «кобылица».

К девятому классу я была уже согласна на простое «I love you». Вместо этого Запаскин влюбился в златокудрую Ковязину.

Я его понимала. Ковязина давала ему списывать алгебру. Что я могла противопоставить ей?

Мы с Запаскиным дежурили в кабинете химии. Он мыл первый и второй ряд, я — третий и середину.

— Запаскин, — сказала я, отжимая мокрую тряпку в ведро. — А ты знаешь, что такое эротика?

Запаскин поднялся из-под парты.

— Чё?

Кажется, тогда я впервые поймала на себе заинтересованный взгляд мужчины. Железо надо было срочно ковать, и я вывалила на бедного Запаскина все, что знала по данному вопросу. Поздние рассказы Бунина, уличные анекдоты и самиздатовская «Тысяча и одна ночь» произвели должное впечатление.

Давно стемнело, а мы с Запаскиным все сидели друг напротив друга и беседовали о греховном.

— «И возлегли они на ложе любви, и познал он ее», — шептала я.

— А хочешь, я тебя спирт научу разводить? — интимно поинтересовался Запаскин. — Химичка его под замок прячет, только она не знает, что у ее стола крышка снимается.

Он перелил ворованный спирт в колбы. Его локоть касался моего локтя, а левый ботинок наступал на мою туфлю. Но я ничего не замечала — сердце билось, руки тряслись.

Мы отсалютовали колбами великим химикам на стене.

«Я его соблазнила! — пронеслось у меня в голове. — Он специально предложил мне выпить для храбрости».

Его лицо покачивалось в опасной близости. Этот высокий лоб, эти чуть наметившиеся усики, эта длинная челка...

Он почему-то медлил. Видимо, ему нужен был внешний толчок.

— Запаскин, чего ты хочешь больше всего на свете? — тихо спросила я.

Он медленно прикрыл глаза.

— Честно?

— Честно.

— Стать моряком.

В ту ночь я его так и не узнала.

Сначала Запаскин рассказывал мне про море, потом блевал в химичкину раковину, а потом пришел сторож и сказал, что напишет на нас докладную.

НЕИЗМЕННЫЙ ПЯТАК

22 сентября 2005 г.

Когда мы с сестрой Лелей начинаем что-то искать, то всегда находим не то, что надо. Ищем тапочки — обнаруживаем книжку «Секс для чайников».

Джош поспешно тыкает пальцем в сторону пятилетнего соседа, зашедшего к ним на пирожки:

— Это его!

Я раскрываю книгу на первой странице: «Моему дорогому бэйби в день рождения. С любовью, С.К.».

— Я же говорил, что это его, — торжествует Джош. — Это подарок от Санта-Клауса.

Если мы ищем, куда Ронский-Понский зафигачил стухшую кость — то находим компрометирующие письма моего бывшего клиента. Несколько лет назад я бы душу за них продала. А сейчас... У него камни в почках, уретрит и нервный тик. Сейчас его может скомпрометировать только анализ мочи с повышенным содержанием лейкоцитов.

Неделю назад мы искали мелочь — чтобы платить за парковку. Но вместо этого Леля обнаружила настоящий советский пятак.

— Помнишь, в Москве метро стоило пять копеек? Кидаешь пятак в турникет и идешь.

— А еще карманники затачивали пятаки с одной стороны и резали ими сумочки в автобусах.

— А еще студенты клали пятаки под пятку — на счастье.

— А еще их прикладывали к синякам.

— А дядя Боря на спор сгибал пятак зубами.

— А дядя Петя получал в пятак от жены.

— А помнишь, как мы подложили пятак на трамвайные рельсы?

— А потом нас участковый поймал, и мы делали глаза по пять копеек: «Это не мы!»

Мы вспоминали пятак как усопшего на поминках — страстно и со все возрастающей нежностью. Решили почистить его, вставить в оправу и носить по торжественным дням. Но Джош все испортил. Сегодня выяснилось, что он продал наши воспоминания на интернет-аукционе — за доллар двадцать пять центов.

ПИОНЕРЫ

1979 г.

Раздолбанные автобусы завезли нас на территорию лагеря.

— Портянко Вера — первый отряд! — начали выкрикивать вожатые. — Кружкин Миша — седьмой отряд!

Разобравшись, кому куда, мы понеслись к корпусам, стараясь занять тумбочки получше.

— Постели застелить! Чемоданы сдать в камеру хранения! Все выходим на общий сбор отряда!

Сбор назначили на лавочках у входа. Мы крутили головами, вычисляя будущих друзей и врагов.

Охрипшая за день вожатая зачитала лагерные правила.

— Все пионеры участвуют в общественных мероприятиях. В 7:30 зарядка... Каждую субботу — уборка территории. Выходим все без исключений.

— Да знаем, знаем... Не в первый раз приехали. Когда обедать пойдем?

— После того, как придумаем название нашему отряду.

Мы затрясли поднятыми руками — вожатая нам жутко нравилась.

— «Орленок»! Наш девиз: «Сегодня орленок, а завтра орел, мы верная смена твоя, комсомол!»

— «Дружба»! «Миру-мир, войны не нужно — вот девиз отряда дружба!»

— «Чебурашка»! «Чебурашка — наш герой, за него стоим горой!»

Чебурашка всем понравился, но был отвергнут воспитательницей:

— Что вы — детсадовцы, что ли? Вы бы еще «Погремушками» назвались.

— А давайте назовем «Чегевашки», — предложила я. — Ну или «Чегеварщики». А девиз будет «Че Гевара — наш герой...»

Че Гевару воспитательница одобрила, правда, она решила, что «Чегеварцы» будет звучать приличнее.

Утренняя линейка. Зевающие пионеры выстраивались перед трибуной. Вразнобой долбили барабаны.

— Лаге-е-ерь! Стой, раз-два!

Начальник Василь Василич — взъерошенный, замученный похмельным синдромом мужичонка, — замахал на нас руками: давайте быстрее! По утрам у него вечно трещала башка.

— Товарищ председатель совета дружины! Отря-я-яд...

— Че-ва-ва-ва!

— К утренней линейке готов! Наш девиз...

— Че-ва-ва-ва-ва-ва-ва!

Серьезная девочка-председатель сказала «вольно» и мы несколько расслабились.

На трибуну взошел гроза наших тумбочек — лагерный врач Виктор Палыч, именуемый в народе Интерполыч.

— У второго отряда опять проблемы с койками. Я вчера прошелся по корпусу — сплошная неаккуратность! У койки в первой палате вместо головы ноги! Как вам это нравится?

Пристыженные, мы молчали. Тишина стояла такая, что было слышно, как за трибуной чесалась бездомная колли по кличке Моя.

Интерполыч поднял над головой облезлого пупса с западающим глазом.

— Кукла Юля-Чистюля переходит седьмому отряду!

В седьмом — ликование, во втором, нашем, — скорбные вздохи.

— Кто спит в первой палате?! — шипела воспитательница. — А еще девочки — будущие матери!

Я незаметно отступила за спины товарищей.

Вадька Солнцев — лучший друг и соратник — пригнулся к моему уху.

— Ну что, идем сегодня Мою дрессировать?

— Идем. Мне Матвеев булку с маслом в дурака проиграл. Ты выходи после завтрака и стой под окном — я тебе скину.

Интерполыч строго следил, чтобы пионеры ничего не выносили из столовой: он боялся, что у нас в палатах заведутся мыши (хоть мы не возражали). Тем не менее контрабанда процветала. Ловля рыбы, вызывание гномиков, карточная игра — все это делалось «на хлеб».

Мы с Солнцевым нуждались в хлебе особенно — мы надеялись с его помощью приучить Мою убирать за нас территорию.

Во время «Веселых стартов» я заманила ее за трансформаторную будку, украшенную плакатами: «Не влезай — убьет!» и «Пионер растет смелым».

Моя влюбленно смотрела на бутерброд.

— Видишь пустую бутылку? Неси ее сюда!

Глаза Моей светились преданностью и полным непониманием.

— Фас бутылку! А я тебе хлеба с маслицем дам!

— Моя, ты дура! — кипятился Солнцев. — Тебе русским языком говорят: фас!

Ни уговоры, ни угрозы не помогали: Моя соглашалась приносить только палки, которые мы сами же ей и кидали.

После обеда был скандал. Василь Василич носился, как казнокрад перед проверкой, орал на вожатых, но причину гнева не объяснял.

— Всех повыгоняю! На секунду отвернуться нельзя!

Что случилось, мы узнали, вернувшись к корпусу. У крыльца, виляя хвостом, сидела Моя, а рядом валялась поллитровка, только что привезенная Василичем из сельпо.

Перед родительским днем нас погнали на сбор лекарственных трав. Это называлось «трудовой десант».

— Все организовано выходим на мать-и-мачеху! — кричали воспитательницы фельдфебельскими голосами.

Интерполыч бегал между отрядами и проверял наличие головных уборов. Моя восторженно носилась за ним.

Солнце в небе, пот на лбу, скука в сердце. По зеленому склону, как жуки, ползли пионеры.

— Кто сдаст меньше всех травы, того не отпустим на родительский день! — подбадривало нас руководство.

Мы знали, что это вранье, но нам все равно было страшно. Родительский день для пионера — все равно что побывка для фронтовика.

— О, буренка! — заорал Солнцев.

Со стороны дороги на мать-и-мачеховое поле забрела одинокая корова. У нее были большие глупые глаза и шкура, похожая на черно-белую карту. Забыв обо всем на свете, мы ринулись к ней.

— Назад! Она кусается! — Интерполыч метался, растопырив руки, но мы обходили его с флангов. Мы любим коров! Нам нужно срочно погладить это прекрасное животное! Мы хотим отдать ей нашу мать-и-мачеху!

Корова несколько секунд смотрела на нас, а потом бросилась наутек. За ней, скуля и повизгивая, понеслись Моя и пионеры. Следом — воющее начальство.

Мы не зря играли в «Зарницу». По всем правилам военного искусства мы взяли корову в тиски и прижали к реке. Спасаясь от дураков, она запрыгнула на стоящий на берегу трактор и замычала, вызывая подмогу.

— Ах вы, нехристи!

Почтальонша Анфиса бежала к нам, размахивая хворостиной.

— За что?! — только и успел охнуть Интерполыч.

Подхватив ситцевую юбку, Анфиса вскарабкалась на трактор.

— Никому в город звонить не дам!

Атака тут же захлебнулась. Анфисин телефон был единственным средством связи с Большой Землей.

Родительский день. Всех моих подружек давно разобрали, и я одна осталась сидеть на воротах при въезде на территорию. Как выяснилось потом, папа забыл, в какой лагерь сдал ребенка, и приехал совсем не туда.

— А ты что, интернатская?

Ко мне подошел Стас Сундуков — вожатый из четвертого отряда. Девятнадцать лет, майка с иностранным словом и кеды 43 размера — он был очень интересный молодой человек.

Я тоже не была девочкой-ромашкой. Я уже два раза ходила на кино «до шестнадцати», и мне разрешали гулять до десяти.

Видит бог, я не хотела изменять Запаскину. Но у меня не было выбора. По ночам все девчонки в нашей палате рассказывали про своих пацанов: Ольга ждала парня из армии, Светка переписывалась с кубинцем, а Ноннка вообще была целованная. Я же, как дура, притворялась, что сплю.

— Ничего и не интернатская, — городо отозвалась я. — У меня просто дел по горло. Мне некогда с родителями шастать.

Стас стоял и задумчиво плевал на землю. «Интересуется!» — пронеслось у меня в голове.

Я принялась развивать успех.

— А меня в редколлегию назначили. Велели всем сотрудникам к концу смены открытки нарисовать.

Вообще-то редколлегией у нас была Ноннка, но Стас вряд ли стал бы это проверять. Он лениво пнул створку ворот, и я со скрипом уехала в сторону.

«Он меня катает!»

Некоторое время мы молчали.

— Тебе лет-то сколько? — спросил наконец Стас.

Я улыбнулась, как учила Нонна.

— Пятнадцать.

— Да-а? Сегодня вечером танцы в клубе будут. Небось придешь?

— Ага! А ты?

— Ну и я пойду.

— Ноннка! — чуть не плакала я. — Меня Сундуков на танцы пригласил!

— Как?!

Получив необходимые советы, я помчалась договариваться насчет гардероба.

Ноннкина ярко-розовая кофта, Светкина юбка в полоску, Валькины туфли почти на каблуках... Стрелки на глазах наводили всей палатой — цветными карандашами из запасов редколлегии.

На танцплощадке гремела музыка. Малышня носилась вокруг, нарушая нам «всю атмосферу».

С бьющимся сердцем я протолкнулась внутрь круга и сделала несколько изящных взмахов руками. Стасика нигде не было видно.

— Он на сцене! — прокричала мне на ухо Ноннка.

Я обернулась: мое счастье сидело на ступеньках и курило. Носы его тапочек были протерты, из них торчали салатовые носки.

Я набрала в легкие воздуха и пошла навстречу судьбе.

— Привет!

Стас оглядел меня — нарядную, как цветок.

— Ты чего руками-то махала? Комары зажрали?

Я не сразу сообразила, что это он о моих эротических па.

— Ага, — обреченно соврала я. Танцевать я никогда не умела. Это мой крест еще с детского сада — меня даже в снежинки под Новый год не брали.

— На, затянись! — Стасик великодушно передал мне окурок. — Сигареты — первое средство от комаров.

Мы сидели на виду у всего лагеря и курили один бычок на двоих. И никто нам ничего не сказал.

На следующий день на асфальте перед столовкой кто-то написал: «Сундуков + Теньшова = любовь»

Я гордилась этим до конца смены. А на прощальном костре преподнесла Стасу открытку — срисованная с книжки Муха-Цокотуха, коленопреклонный Комарик и надпись: «Никто не забыт. Ничто не забыто. Лагерь им. Зои Космодемьянской».

ОДНОДУМ

2 октября 2005 г.

Раньше я была книжным червем, а теперь стала интернетовским. Целыми днями брожу по разным сайтам. Это как семечки — раз начнешь, потом не оторвешься.

Мы со Сбышеком никогда не виделись вживую, но уже несколько лет следим друг за другом в Сети. Сбышек — буржуй пост-перестроечного разлива. На чем делает деньги — непонятно. Живет себе в Сибири хозяином тайги: усадьба, дворня, псарня — все дела.

Сбышек — талант. Я каждый раз ухохатываюсь над его рассказами о миллионерских страданиях. Умен, красив. И в то же время с ним невозможно разговаривать, когда речь заходит о политике: что бы в мире не происходило, у него во всем виновата «закулиса». Сбышек искренне верит, что Запад хочет развалить Россию и что в этом заключается смысл существования Америки.

Классика жанра: США загнивает, их ждет неминуемый крах, все американцы толстые и тупые (хотя это не мешает им «езде хозяйничать»).

Разубеждать его бесполезно.

— Ну приезжай в гости, посмотри, пообщайся с людьми! — кипячусь я.

Но Сбышек и не думает поддаваться.

— Ага. Чтобы меня стошнило прямо в аэропорту.

Так и дружим, считая друг друга фанатиками и жертвами пропаганды.

Сегодня забрела в его дневник: Сбышек сделал ремонт в ванной и вывесил фотографии — похвастаться. Написал, что съемку организовали журналисты из какого-то издания по интерьерам.

На белокаменном унитазах сидела голая модель: оба подчеркивали красоту друг друга. Та же участь постигла ванную и душевую. Я минут десять разглядывала девицу — исключительно хороша!

А вот у меня нет ни одной голой фотографии. Раньше стеснялась фотографироваться, а сейчас стесняюсь показываться.

Если бы двадцать лет назад у меня был интернет и голова на плечах, я бы наснималась голой и выставила снимки в Сети. И сделала вид, что это месть бывшего мужа. На следующий день проснулась бы звездой. И никакой Нобелевской премии не надо.

ЛЕГКОЕ ДЫХАНИЕ

3 октября 2005 г.

Светкина красота не была идеальной — однажды я разглядела, что у нее нижние зубы чуть кривоваты и ногти на руках некрасивые. И все же, все же, все же...

Пышно-кудрявые волосы, узкая спина. Грудь едва умещалась на тонком, будто щепочка, теле.

Ее хотели так, как хочется купюр и «от кутюр»: Светка была зримым символом красивой жизни. Помню, как она приперлась ко мне в гости. Белые носочки, белые шортики и ярко-синяя майка, подчеркивающая божественную грудь.

Хотелось быть такой, как она. Хотелось и кололось. И постоянно тянуло помериться силами.

В первый раз мы схлестнулись, когда наш 10-й класс направили на картошку. В автобусе, не сговариваясь, мы подсели к херувимчику Запаскину, сжали его с двух сторон и наперебой замурлыкали.

У Светки было больше самоуверенности, у меня — воли к победе. Запаскин достался мне. Но пока я целовалась с херувимчиком, Светку позвали к себе охотники из Внешторга (у них там неподалеку были дачи). Они освободили ее от полевых работ и каждый день катали на машине.

Вечером, собравшись у умывальников, девушки обсуждали Светкины похождения. Ахали, тарачили глаза, ужасались... И неизменно выносили вердикт: «гулящая».

Мы со Светкой презирали друг друга. Она меня — за исторический роман, который я писала с 15-ти лет. Я ее — за откровенное желание выезжать на других.

— Во-первых, твой роман никогда не издадут, — говорила Светка, угощая меня импортной жвачкой. — И даже если издадут, ты за него не получишь и рубля мелочью.

— А ты... ты просто шлюха!

— Куртизанка, — поправляла она. — Ты ведь про меня и пишешь свой исторический роман.

Пока мы с девчонками готовились поступать в вуз, Светка жила настоящей жизнью. В нее влюбился молодой человек с высокопоставленной фамилией. У нее появились глянцевого каталоги «ОТТО» и французское белье. Она прилетала из Сочи, мягко журила нас за «просранную молодость» и вновь уносилась на Парнас.

Но вскоре случилось страшное. Светкиного хахала посадили за растрату. Она кинулась к нему в тюрьму, а ее не пустили: «А ты кто? Жена? Нет? Ну и вали отсюда!» А у Светки любовь, верность и все, что положено в кино...

Его освободили через несколько месяцев за помощь следствию.

— Сиди пока у матери, — сказал он Светке. — А мне нужно съездить кое-куда по делам. Потом я вернусь за тобой.

Но он не вернулся. Его нашли мертвым на трассе Москва-Ленинград: вроде как он ехал на мотоцикле и не справился с управлением.

— Да он в жизни бы не сел на мотоцикл! — рыдала Светка. — Они это специально подстроили, чтобы повесить на него все долги!

Очередного жениха она искала в кафе «Лабиринт». Садилась за столик, заказывала чаю и ждала. К ней подходили — она оценивала: этот, не этот, нет, нет, нет...

Однажды к ней подсели двое.

— Ну, кого из нас выберешь?

Светка указала на Андрея, молодого плечистого директора овощебазы. Через день она переехала к нему жить, а через несколько месяцев позвала к себе всех подружек — справлять день рождения. Там я впервые попробовала кокос и посмотрела мультик по виду.

Еще через шесть месяцев Света родила дочку, и тут у них с Андреем начались разногласия. Воспитанный в крепкой деревенской семье, он был уверен, что жена должна смотреть за дитем, стирать пеленки и разводить кашку «Малыш». Света была уверена, что с «Малышом» может справиться и няня. Крики, звон битой посуды, вызов соседями милиции («Там, кажется, кого-то убивают!»)

Потом я очень надолго потеряла Светку из виду. Общие знакомые рассказывали, что у нее все хорошо с личной жизнью (начальник железнодорожной станции, начальник отдела снабжения завода...) А сегодня я наткнулась на Светкин дневник в Интернете: «Кажется, единственным существом, действительно любившим меня, была литераторша Александра Степановна. Она говорила, что у меня легкое дыхание».

ПРОШЛОЕ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

9 ноября 2005 г.

Сочинила себе стишок на день рождения:

Я желаю себе одного:

На губах чтоб моих молоко

Никогда б не обсохло.

Чтобы Муза не дохла,

Чтоб писалось легко,
Продавалось бы ловко,
И у Кевина чтоб моего
Не пропала б мужская сноровка.

В этот день рождения я загадываю желания не только на будущее, но и на прошлое (все равно ни то, ни другое не сбудется — так что разницы нет). Мне надо было:

1) Родиться блондинкой. Блондинкам хорошо — их мужики любят, и им ноги можно брить раз в неделю.

2) Пойти в артистки. Страсть к сценическому успеху у меня появилась еще в детстве, во время отдыха в крымском санатории.

На концерт самодеятельности я записалась читать стихи. Зал был битком набит. Конферансье вывел меня на ярко освещенную сцену.

— А сейчас эта милая девочка прочтет нам стишок Есенина.

Я передохнула.

— Начало забыла...

— Ну, давай — откуда помнишь.

Сделав над собой усилие, я простерла руку к зрителям:

— Шум и гам в этом логове жутком

И всю ночь напролет до зари

Я читаю стихи проституткам...

Это был успех! До конца смены отдыхающие провожали меня взглядами и называли «та самая артистка».

3) Еще надо было побольше заниматься развратом. Недавно одна мадам прислала рукопись — я аж обзавидовалась главной героине: «Лиза и ахнуть не успела, как ощутила себя пронзенной чуть ли не насквозь. Граф крепко держал ее за бедра, направляя и в то же время не позволяя “сорваться с крючка”». Куда Лиза не придет — везде за какой-нибудь «крючок» зацепится. Вот это жизнь!

4) Сесть на здоровую диету: чтоб никаких пирожных, никаких стейков. Салат, капуста, яблочко — это все, что мне нужно для полного счастья.

Поделилась мечтами с Мелиссой: блондинистость, сцена, секс, вегетарианское меню... Она только поржала:

— Тебе надо было родиться белым кроликом и жить в шляпе у фокусника.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

1984 г.

— Денег проводники зарабатывают во сколько! — сказал второгодник-рецидивист Еремин и сделал жест рыбака, описывающего добычу.

Мы, желторотые первокурсники, слушали его, онемев от уважения. Среди нашей тоще-очкастой стаи Еремин смотрелся как танк среди велосипедов, и мы не могли не верить ему.

— А где, ты говоришь, в проводники записывают? — не утерпела я.

Еремин поворотил сытый взгляд, вынул из моей руки сигарету и затушил ее в пепельнице.

— А тебе, деточка, я не рекомендую работать по этой специальности.

Но нужный адресок дал.

Железная дорога охотно нанимала студентов на лето. Направление на поезд нужно было получить в узком, как амбразура, окошке. Жирная рука на несколько минут забирала паспорт: если среди страниц обнаруживалась двадцатипятирублевка, проводника ставили на юга; если червонец — на «хлебный» Хабаровск, а за справку из студенческой поликлиники слали матом в неперспективный Северодвинск.

— Дурыща, — ласково пробасила моя напарница тетя Валя, веселая богиня пассажирских перевозок. — Слухай сюды, щас я тебе повышение квалификации сделаю.

Под стук колес и бульканье водки я познала все секреты проводницкого ремесла. Тетя Валя была человеком добрым и словоохотливым, и если ей давали вовремя опохмелиться, не утаивала ничего.

— Лучше всего было в Грузию ездить, — вспоминала она, смахивая слезу. — Там как абрикосы поспеют, в кассах тут же кончаются билеты — ну, штоб не ездил, кто не надо, и ценные места в вагонах не занимал. Прыпрут мне, бывало, сто ящичков с абрикосами, заставят все полки и денег насуют — штоб я довольная была. А к ящичкам у них завсегда грузын прылагался — и тоже, понимаешь, с деньгами для чистосердечной благодарности. Начальник поезда идет — ему даст; ревизор идет — ему; мыльционер заглянет — и ему спасибо скажут. Такой уж грузыны хороший народ.

Потом у тети Вали не сложились отношения с окошком-амбразурой и ее лишили абрикосовых привилегий. Но и по пути в Северодвинск мы с ней умудрялись заколачивать нехилые бабки. Главным источником дохода были «зайцы»: с билетами была напряженка не только в Грузии.

Если в поезд заходили ревизоры, один из проводников оставался заговаривать им зубы, а второй бежал в соседний вагон предупреждать коллег. Сигнал тревоги распространялся, как огонь по сухостою. «Зайцев» в спешном порядке прятали: кого в туалетах запирали, кого выпинавали в вагон-ресторан, кому за небольшую денюшку продавали использованные билеты с прошлого рейса.

Впрочем, если «зайца» ловили, особой беды не было. Ревизорская совесть мгновенно усыплялась либо водкой, либо взяткой.

Еще одним источником дохода были бутылки: иногда с вагона собиралось по 10 мешков. На конечной станции к перрону подъезжали темные личности и, загрузив стеклотару в машину, отсчитывали нам мятые, пахнущие пивом рубли. В приемных пунктах бутылка шла по 20 копеек, а темные личности платили нам по 15. И все были довольны.

Обороты нелегальной коммерции при железной дороге не могли не изумлять. Сахар, который проводники выдавали пассажирам, был фирменным, железнодорожным. Но при этом — сворованным непосредственно с завода и перепроданным нам за полцены. Обертка на месте, качество то, что надо, — ни один ревизор не придерется. То же самое было с чаем.

Если нам выпадал рейс на Дальний Восток, мы заставляли все служебное купе яйцами. Половина тухла по дороге, но их все равно брали нарасхват.

Но главная тайна проводницкой профессии была пострашнее тухлых яиц. Дело в том, что постельное белье нам выдавали по количеству койко-мест. А ведь кто-то сходил раньше, кто-то подсаживался позже.

Откровение мне было во время первого рейса на Север.

— Теть Валь, пассажиры спать хотят — белье требуют, — сообщила я, влетая в служебное купе.

— Щас, щас...

Вытерев сладкие губы, тетя Валя нагнулась над мешком с использованным бельем и вытащила комок грязных простыней.

— Делай, как я.

Она разложила простыни на сидении и стала разглаживать их мокрой тряпкой.

Я с ужасом смотрела, как тетя Валя складывает влажное белье, придавая ему приблизительно товарный вид.

— Теперь прыглуши свет в вагоне, чтоб никто нычего не заметыл, — сказала тетя Валя и, подняв стопку «чистых» простыней и полотенец, вышла в коридор.

Я была уверена, что ее сейчас побьют.

— Но ведь они же заметят, что белье сырое!

— А мы скажем, что у нас сушилка в прачечной сломалась.

В рейсах на Украину и на Север некоторые комплекты белья использовались по три раза. В рейсах на Дальний Восток, бывало, и по четыре. И никто НИ РАЗУ не возмутился.

Раздав белье и окончательно погасив свет в вагоне, тетя Валя доставала очередную чекушку и выпивала за крепкие нервы советского народа.

МЕНЯ ЗОВУТ ЖЕНЩИНА

11 ноября 2005 г.

Мелисса всегда упрекает меня в том, что мои вещи не подходят друг к другу: туфли — к сумке, заколка — к носкам, лак — к клавиатуре...

— Ты не настоящая женщина, — говорит она мне. — В тебе нет страсти к гармонии.

А вот и есть! Сегодня отыскала в шкафу чудную юбочку: тон в тон к моему синяку на ноге.

Весь день чувствовала себя Женщиной с большой буквы «Ж».

ГОРЕ ОТ УМА

1983 г.

Доцент Пьющенко имел масляну головушку, шелкову бородушку и антисоветский крестик на груди. Поговаривали, что дома у него есть абордажная сабля и настоящий индейский тотем. А еще он знал наизусть всего Маяковского.

В университетском гардеробе пальто Пьющенко было объектом паломничества — студентки подкладывали в его в карманы признания в любви и заговоренные локоны. Я никогда не подкладывала — только стояла на стреме, пока Женя Кокина вдыхала ароматы Пьющенко воротника.

Она опускала в карман дефицитных «Мишек на севере» — как монетки в турникет метро: «Пусти!» Но Пьющенко не пускал. Загадочный и неприступный, он проходил мимо, клал портфель на кафедру и приступал к лекциям по истории КПСС.

У нас отменили последнюю пару и я решила зайти за Кокиной на истфак. В коридорах было тихо — только вода где-то билась о раковину. Я приоткрыла дверь в аудиторию.

Пьющенко со своей бородкой был похож на мятежного кардинала.

— Единицы из вас выберут свободу: большинство предпочтет стабильность. Быть свободным страшно — если оступишься, тебе некого винить, кроме себя. А если ты плывешь по течению, то виноватыми всегда окажутся другие — не туда привели, не на то указали. По большому счету стабильность — это сверхценность детского мира. Дети любят повторяющиеся ритуалы: перечитывать одни и те же книжки, смотреть одни и те же диафильмы. Взрослому же человеку (по-настоящему взрослому) свойственно искать самореализации — то есть перемен. И потому он не может без свободы. Иначе какая это будет САМОреализация, если кто-то принимает за него решения?

Я стояла, не смея шелохнуться. Воспари Пьющенко к портретам Маркса и Энгельса, я бы и то так не удивилась.

— Стабильность — это не когда у тебя все хорошо, а когда в твоей жизни ничего не меняется: ни в лучшую, ни в худшую сторону. Стабильность — это стоячая лужа, и вода в ней обязательно протухнет. Лично я всегда буду отстаивать свободу. Буду бороться за то, чтобы у меня было право самовыражаться, самореализовываться и расти над своей стабильностью.

С того дня я заболела. Пальто с котиковым воротником наполнилось для меня особым смыслом. Ночами я разрабатывала планы «самореализации». Днем обсуждала с Кокиной Пьющенко достоинства. Она не знала про мою тайную страсть и благодушно выдавала все явки и пароли: что он сказал, где бывал и кому поставил «неуд» на семинаре.

Как я жалела, что он ничего у нас не преподавал! Я могла бы написать ему поэтичный курсовик! Я могла бы выйти к доске в перешитой из шарфа мини-юбке. А еще — ходить на все дополнительные занятия и отработки и бесконечно пересдавать экзамены.

Случай представился на новогоднем капустнике, где Пьющенко должен был играть Лешего, а я — Бабу-Ягу.

— Гримироваться идите в туалет, — велел нам художественный руководитель. — А то в гримерке зеркало разбилось.

— В мужском лампочки нет, — отозвался Пьющенко.

— Так идите в женский.

От стеснения я даже забыла, что я его люблю. Пьющенко корежил мои мечты своим присутствием. Он стоял перед зеркалом и неумело красился — приоткрыв рот и вытаращив глаза.

— Слушай, помоги, а?

Обмирая, я коснулась его щеки. А потом вдруг прошептала:

— А вы — мне.

Пьющенко удивился.

— Так у меня плохо получится.

— Ничего. Я сегодня — Баба-Яга.

Мы молча разрисовывали друг друга. И вдруг он взял и поцеловал меня. Какие-то девки сунулись в туалет и тут же вылетели. Не сговариваясь, мы посмотрели в зеркало: две черные рожи со смазанными ртами и вздыбленными космами.

Вечерами мы бродили по заснеженному городу, где каждый фонарь был волшебным. Пьющенко рассказывал о Фоме Аквинском, физике ядра и русской национальной идее... Я начала писать стихи и отсылать их в журнал «Юность».

Чем больше я его слушала, тем сильнее мне хотелось замуж. Я представляла себе, как позеленеет Кокина, узнав о нашей свадьбе. Последние страницы моих конспектов покрылись живописными каракулями — я тренировалась расписываться «Пьющенко».

Я ничего не понимала: теперь его устраивала стабильность. Ему было достаточно того, что мне 18 лет и я умею слушать, затаив дыхание. Пришлось снова браться за самореализацию.

Целую неделю я наговаривала на родную мать: мол, сторожит, блюдет и если что — убьет. Пьющенко деликатно сочувствовал.

— Мама все про нас знает! — заявила я. — Она нашла мой календарик с месячными.

Пьющенко ничего не понял.

— Что?

— Ну, календарик... Там отмечено, когда нам можно, а когда нельзя.

— Знаешь, — наконец вымолвил он, — пожалуй, я завтра не смогу к вам прийти.

Нам нельзя травмировать маму.

Он все чаще ссылался на дела. В моих стихах вместо восклицательных стали появляться вопросительные знаки.

— Как говорил Шопенгауэр, кто не любит одиночества, тот не любит свободы, — говорил он.

— Как писал Гребенников, трус не играет в хоккей, — злилась я.

За меня отомстили влюбленные студентки: кто-то доложил наверх о Пьющенских вольностях и его вычистили из партии. А когда он начал бегать по инстанциям, ему стало совсем некогда.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

13 ноября 2005 г.

На очередном сеансе психоанализа Арни спросил, что сыграло в моей жизни самую важную роль. Попытался угадать:

— Эмиграция? Любовь? Дружба?

— Книги.

Мама посадила меня на них с пяти лет. После института она заходила в детскую библиотеку и набирала чтива на неделю. А я ждала ее как беженец гуманитарной помощи.

Тяжелая сетка, набитая индейцами, астронавтами и разведчиками, — я вываливала их на кровать, дрожа от предвкушения. Это было такое счастье — иметь, что читать!

Как религиозный фанатик вычисляет единоверцев, так я вычисляю книгоцеев. Не любых — бывают люди, которые накачивают себя невероятной дрянью. Мои единоверцы — это те, кому скучно жить в одном и том же мире. Кевин — как раз такой.

Встречаясь, мы говорим о книгах, о всевозможных «вкусностях», найденных тут и там. Наше любимое развлечение — переворачивать себе сознание.

Сегодня мы поехали на океан — бродить по песку и смотреть на корабли. Сев в машину, Кевин включил очередную аудио-книгу.

— Реинкарнация — все-таки не миф, — сказал он. — И телепортация тоже. Нужно только уметь читать книги. Или, на худой конец, слушать.

Мы мчались по 405-му фривэю, меняли линии, томились в трафике, но наши глаза ничего не видели.

Избы, огороды с репою... Мужики в поле, бабы — по домам. И вдруг крик:
«Половцы!»

Похватав детей, бежим в городище, за стены. Сердца бьются, в глазах туман.
Отобьемся ли? Нет ли?

Их туча. В лисьих шапках, на низкорослых коньках. Несутся лавиной — с визгом и воем.

Ударились о стены, откатились. Стрелы, копыта, кто-то валится рядом — убитый.

Отобьемся ли? Нет ли? Если прорвутся в городище, всех порешат: клинком по горлу и дальше поскачут — грабить.

И нет ни правых, ни виноватых. Если отобьемся, так мы сами на них пойдём. Они знатную добычу с прошлого похода привезли и у женщин их — золотые монисты...

ДИМА ПЕРВЫЙ

1984 г..

Мужья в моей жизни подобны запоям у пьяницы — они всегда появляются неожиданно, но на регулярной основе.

Первый, Димочка Кегельбан, возник на горизонте, когда я ела сосиску в студенческой столовке.

— Холодная? — спросил он, окинув меня взглядом.

— Страстная! — отозвалась я.

Компот мы уже допивали вместе. Димочка вылавливал из стакана курагу и рассказывал приличные анекдоты. Я волновалась. Мальчик был высоким и почти красивым. Особенно мне нравились губы — такими только малину кушать и девушек развращать.

Димочка подвернулся мне очень кстати. Доцент Пьющенко уже не грел сердца — из-за партийных неурядиц он сделался криклив и зануден, как вокзальная уборщица. Кегельбан же напротив обладал жизнерадостным характером и страстью к дешевому выпендрежу. Мы с ним были два сапога — пара.

Его мама — дама с внешностью семитской царицы — не знала, то ли радоваться моему появлению, то ли огорчаться. Из-за меня Димочка полюбил ходить в университет (чего раньше за ним не наблюдалось), из-за меня же начал пропускать семейные торжества и невнимательно слушать взрослых. Любовь нас залила и закрутила как пару носков в стиральной машине.

Отношения у нас были бурными. Мы ссорились так, что мама каждый раз надеялась, что ВСЕ. Но царапины на Димкиной роже заживали, штаны зашивались, и все начиналось по новой.

Мама смирилась со мной как с неизбежной зимней инфекцией. Она даже помогла мне устроиться на первую работу — в редакцию «Вечернего вагонника». Глядя на меня, Димочка тоже начал трудиться — сторожем: ему претило кому-либо подчиняться, а сразу в начальники его не брали.

Служба «ночным директором» вполне устраивала Кегельбана: в те времена сторожа с высшим образованием были в почете.

— Вольнодумец и диссидент! — говорили о нем знакомые.

— Лентяй и балбес! — кипятилась мама.

Мое сердце тоже томилось. Кегельбану было абсолютно наплевать на профсоюзные путевки и продуктовые наборы с майонезом. А биться за квартиру он и вовсе не собирался. По вечерам Димочка замирал в позе Будды перед телевизором и ждал счастья.

И счастье на него свалилось: по таинственным еврейским каналам Димочкина мама раздобыла приглашение в Америку. Кегельбаны принялись лихорадочно паковать.

— А я без моей девушки не поеду, — заявил Димочка маман.

Мама схватилась за голову.

— Неужели тебе мало меня и папы?

Димочка прикинул, на что может сгодиться папа.

— Мало!

Я была польщена. Не то чтобы мне хотелось эмигрировать — про Америку я знала только то, что она все время загнивает. Просто я впервые столкнулась с любовью, перед которой была бессильна даже мама-локомотив.

— Хочешь замуж за ленивого, вредного, скандального еврея с чувством юмора и видами на выезд? — спросил Димочка.

— А как же мои? — выдохнула я. — Папа всю жизнь ненавидел Америку.

— Пусть теперь Гондурас ненавидит.

Родители восприняли новость о моем браке и отъезде как конец света.

— Видеть тебя больше не желаю! — вопил папа и бил кулаком по столу.

Но я уже закусила удила. Мне мерещился Нью-Йорк — город контрастов, Желтый Дьявол, Белый Клык и Хижина дяди Тома.

— Что ты будешь делать в этой Америке? — причитала мама. — Там ведь небось одни безработные на улицах.

— Буду любить Кегельбана, — гордо отвечала я. — Любовь все побеждает, если ты не в курсе.

Как оказалось, любовь побеждала все, кроме счетов за квартиру.

Еврейские знакомые снабдили Димочку работой в фирме, занимающейся спецоптикой: он должен был выгравировывать на объективах слова «Made in USA». Димочка тосковал, покупал на всю зарплату пластинки и проклинал капитализм. Я работала на трех работах и проклинала его.

— Кегельбан, либо ты встаешь на ноги и начинаешь процветать, либо ты валишь из моей квартиры!

Димочка обижался и уходил в ночь. Я тряслась от любви и ненависти.

Однажды он привел с собой нежное черноокое создание с родинкой на щеке. Нет, не девочку. Мальчика.

Мы сразу друг другу не понравились. Мальчик тяжело ревновал и доказывал мне, что я не понимаю Димочкиной глубины. Я огрызалась.

Через полгода Кегельбан был спущен с лестницы вместе с другом и сворованными с работы объективами.

Сменив множество друзей и домов, он прибил к содержанию арт-галереи и остался скрашивать его досуг. Сейчас владеет половиной предприятия и делает вид, что чутко разбирается в искусстве.

Помню, как я встретила его на книжной ярмарке в Лос-Анджелесе. Смотрела и не могла понять, почему он чужой. Не как раньше — с надрывом и болью, а просто так: чужой, неинтересный, ненужный.

Димочка ни о чем не расспрашивал. Пытался хвастаться: у моего друга крутой бассейн, и мне там разрешают купаться, у него целая вилла, и я там иногда живу... Он совершенно искренне гордился тем, что подбирал объедки с чужого стола.

Я потом долго думала о нем. Некрасивый. И футболка дурацкая, и сережка в ухе... А ведь когда-то я это так любила! Все то же самое!

Не постигаю.

МЕРТВЫЕ ДУШИ

15 ноября 2005 г.

Есть такая профессия: изо дня в день, из года в год делать людей несчастными. Это не надзиратели тюрем и не преступники, это скромные клерки, работающие в американском посольстве в Москве. У них есть инструкция: расценивать каждого человека как потенциального иммигранта, и потому они отказывают в визах почти всем.

За пуленепробиваемым стеклом, как в аквариуме, сидит рыба и решает, поедет отец к дочери или нет; нужно человеку навестить подругу или не нужно; стоит бизнесмену заводить связи в Америке или нет.

Ни уговоры, ни документы, ни объяснения — ничего не помогает. Клерк смотрит на просителя рыбьим взглядом и ставит в паспорт штамп об отказе.

Многие посетительницы плачут: они пришли сюда потому, что им важна эта поездка — там, в Штатах, любимые люди, дети, внуки... В конце концов там новый мир, на который хочется посмотреть.

Но рыбе все равно: у нее есть указание. А это гораздо важнее чужих надежд.

Мама звонила: ей визу дали, а отцу нет. Чтоб они, не приведи господи, не остались вместе в Америке.

Теперь мама целую неделю будет ненавидеть США — пока не приедет и не пройдет по нашей улице. Она уже давно перезнакомилась с моими соседями. Розмари скажет ей: «Вы чудесно выглядите!» Дэн похвастается сыновьями: «Правда же, они выросли?» Саймон заведет разговор о Петербурге — он только что оттуда вернулся.

Что у этой Америки общего с той, ненавидимой?

Впрочем, люди-рыбы водятся везде. Леля, когда в прошлый раз ездила в Россию, тоже получила свое. На таможне ей заявили, что ее виза оформлена неправильно. Продержали четыре часа в аэропорту, ограбили на 300 долларов (наличкой, себе в карман, разумеется)...

Барбара говорит, что и у них в Мексике та же мерзость. Таможни, суды, полицейские участки... Сидит за стеклом рыба — у нее есть право решать твою судьбу. А у тебя — нет.

Каково это — каждый день выслушивать надрывное «Ну, пожалуйста!» Ничего? Нормально потом по ночам спится?

Очень хорошо, что мама приедет.

КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ

1987 г.

Моя должность в «Вечернем вагоннике» называлась величественно и красиво: «Техник третьей категории».

Стертый до дыр линолеум, календари «Госстраха» на стенах — здесь каждый день шла нечеловеческая работа мысли.

...«В достигнутом успехе воплощен большой энтузиазм наших добросовестных колхозников».

...«Советскому человеку глубоко чуждо нравственно убогое кривляние Мерилин Монро».

Жизнь в «Вечернем вагоннике» была ключом. Зимой редакция проводила журналистское расследование на тему «Кто спер электрокамин?», находила его у бухгалтера и со скандалом возвращала на место. Летом то же самое касалось вентилятора.

Технику третьей категории полагалось сидеть в одной комнате с корректорами — Мариной Петровной и Зямой Семеновичем.

Зяма был мал ростом и молод душой. На работу он не ездил, а бегал трусцой; под столом держал гирю и раз в месяц красил голову басмой.

— Вы теперь вылитый палестинец! — потешалась над ним Марина Петровна.

Зяма искренне огорчился: он реставрировал кудри специально для нее.

Но Марине было мало кудрей. Она ценила в мужчинах широту души, а вот с этим у Зямы Семеновича была напряженка. Он физически не мог покупать женщине мороженое (ведь она его съест и ничего не останется!), чего уж говорить о розах и духах. Зато когда в городе зацветала ничейная сирень, главный корректор был сама щедрость. Не скупился он и на домашние вкусности — когда они оставались после семейных банкетов.

Каждое подношение Зяма обставлял с необычайной торжественностью.

— Сегодня у вас, девочки, праздник, — значительно говорил он. — Я позавчера всю ночь фаршировал для вас яйца.

— А чего вы вчера ваши яйца не принесли? Дома забыли?

Зяма конфузился и спешно менял тему на перестройку и гласность.

Работа в газете дала мне многое: я научилась печатать со скоростью пулемета, составлять кроссворды и мыть жирные тарелки в ледяной воде. Там же, в «Вечернем вагоннике», появился мой первый журналистский опус. Статья рассказывала о закромах Родины и называлась «Опаленные ленинизмом».

Главный редактор Валерий Валерьевич похвалил меня на планерке:

— Какая у нас замечательная молодая поросль! Есть на кого оставить страну!

Я бы предпочла, чтоб на меня оставили литературу, но ее уже забрал себе Валерий Валерьевич. Он состоял в Союзе писателей и частенько радовал нас поэмами о коммунизме.

Вскоре я обнаружила, что для карьерного роста мне необходима самая малость — обильное цитирование Валерия Валерьевича. Мои статьи все чаще заменяли «Юмор» на последней полосе, а иногда залезали даже на «Спорт». Юмористы тихо меня ненавидели, но поделаться ничего не могли: главред считал, что «великие земляки» важнее анекдотов.

Валерий Валерьевич решил, что наконец-то нашел искреннего почитателя своего таланта. Он начал оставлять меня после работы, звал к себе в кабинет и декламировал «из новенького».

Автором он был плодовитым. Вдохновение снисходило на него после программы «Время». Насмотрится про успехи руководства и тут же настроит:

«Автозавод нам вручает страна
Как эстафету!
Только смелость нужна,
Дерзость нужна,
Мир на всей планете!»

Через несколько месяцев я не выдержала и уволилась. Но Валерий Валерьевич тут же раздобыл мой телефон.

— Приходи ко мне домой! — шептал он в трубку. — У меня жена на дачу укатила, так что нам никто не помешает.

Когда мы сели в самолет, направляющийся в Нью-Йорк, Кегельбан сказал:
— Ты — декабристка. Ты поехала за мной в ссылку на край света.
Я не стала уточнять, что в первую очередь я беженка, отчаянно ищущая политического убежища.

АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

1987 г.

До последнего момента я не верила, что долечу до Америки: все думала, что нам либо пилот попадетя пьяный, либо ракетчик меткий. У Димочки тоже были плохие предчувствия. Мама сунула ему в рюкзак банку икры, и он боялся, что его арестуют за контрабанду.

Кегельбанские родственники встретили нас по высшему разряду: мы с кем-то обалдело целовались и рассказывали «как там». Сердце колотилось, коленки тряслись.

Я все никак не могла отойти от прохождения таможни. Посольство в Москве нагнало на нас такого страху, что мы ждали обыска до трусов. Но таможеннице не было до нас никакого дела: она лениво глянула в паспорта, сказала «Welcome!»¹ и выкинула декларацию, не читая.

— Надо было больше икры брать! — стонал Димочка.

¹ Добро пожаловать! (англ.)

Заботу о нашем размещении взяла на себя Капа — бойкая старушенция в розовых брючках и кукольной шляпе с цветком.

— Я ваша двоюродная бабушка! — объявила она. — И теперь мы заживем одной семьей.

Нас загрузили в огромную машину невиданной марки. Я смотрела в окошко: Господи-ты-боже-мой!

Население лишь отчасти белое. Азиаты, индусы, черные, мексиканцы, вообще не пойми кто — как на советских плакатах «Если дети всей Земли...»

Толстяки: в Союзе люди толстели салом; здесь — пышным жиром.

В небе самолеты, вертолеты, дирижабли — стаями...

Инвалиды... Откуда их здесь столько?

Дороги!!!

Баба Капа выписала нас в Америку из-за подруги Аделаиды. Та заявила ей, что одинокими в старости бывают только дураки и грешники.

— К тебе на похороны разве что могильщик придет, — сказала она.

Капа расстроилась. Несколько недель она думала, кому из родственников доверить свое оплакивание. Конкурс выиграла Кегельбаны. Капа решила вывести их из советского рабства и тем самым обеспечить себе и место в раю, и толпу на похоронах.

Огромный автомобиль привез нас в поселок, застроенный бесконечными рядами домов.

— Я тут обычно летом живу, — сказала баба Капа, открывая застекленную дверь. — А на зиму переезжаю в Лос-Анджелес — там теплее.

Под жилье нам выделили второй этаж, где мы тут же заблудились. Искали выход, дергали двери, а там — кладовки. Полчаса гадали, как включается вода в ванной. Спросить стеснялись — баба Капа окончательно подавила нас своей шляпой, автомобилем и наличием телевизора в каждой комнате.

Воскресенье. Мне не спалось — смена часового пояса, неправильная неквадратная подушка. По телику на всех каналах — религиозные проповеди. Все по-английски. Все не по-нашему.

Инстинктивно я относилась к Штатам как к чужой стране. Тут чудеса, тут звери бродят... Теперь это была моя родина.

Дома у бабы Капы еще можно было сидеть, но стоило высунуться наружу и все — беда. Здесь водители пропускали пешеходов, здесь люди улыбались чужим и спрашивали, как дела. И на меня нападала немота и тихий ужас.

Цены не поддавались описанию. Если считать по реальному курсу доллара, то все стоило в десятки раз дороже. Но никто на это не обращал внимания.

Продукты в магазинах были красивые как на натюрмортах. Морковь — очищенная! Мясо — расфасованное! Хлеб — и тот порезан.

В овощном отделе я чувствовала себя первооткрывателем. Репа с рогами, какие-то стручки, корочки, венчики...

Все измерялось в фунтах и дюймах. Разобраться в этом было невозможно.

Каждые выходные баба Капа возила нас по окрестностям. Мы громко восторгались, чтобы доставить ей удовольствие. Нью-Йорк нам действительно нравился: в этом городе чувствовался особый пульс — как на космодроме.

Русский район Брайтон-Бич казался здесь сиротой в гостях. В магазинах — те же советские тети, в газетах — та же чушь, перевернутая с ног на голову. Мы с Кегельбаном все смеялись над местными витринами: «Айскрим: Ванила & Карамел флавор¹». Кой черт писать по-русски английские слова?

Опять воскресенье. Мне осточертело сидеть дома и я решилась на вылазку. Солнце, яркость, цветы... У соседа из клумбы росли две березки — тоненькие, жалкие какие-то... Как там мой «Вагонник» поживает? Как мама? Как сестра?

Улицы были пустынные — лишь изредка машина проносилась и исчезала за поворотом. Я бродила целый час, но так никуда и не дошла: кругом только домики, домики, домики... Не хватило терпения — повернула назад.

Двери везде стеклянные, замки условные — приходи кто хошь, бери что хошь.

Баба Капа нас не любила. Мы ржали по вечерам, а у нее — мигрень. Она звала батюшку освящать дом, а мы ему руку не целовали. Поп пел, мы приплясывали: у нас где музыка — там дискотека.

Мою свекровь Капа доводила тем, что выкидывала продукты. Груши полежат три дня — выбрасывает. А зачем брала? Мы в Союзе из-за них по пять часов в очереди давились.

¹ Имелось в виду «Мороженое: ванильный и карамельный вкус».

Димочка просил у нее машину — не давала. Ругалась, что мы у нее на шее сидим, а сама на работу не пускала: за иждивенцев ей полагались налоговые льготы.

Однажды Аделаида сказала Капе:

— Они отправят тебя в дом престарелых. Все деньги заберут, а тебе ни цента не оставят.

Баба Капа начала кричать. Соседи шарахались от нас: она им говорила, что мы у нее по шкафам лазаем и ищем золото.

Через месяц мы с Димочкой переехали в Брайтон-Бич.

КАПИТАЛ

1900-1998 гг.

Баба Капа родилась в 1900 году. Жила как все: стояла за керосином, ходила на танцы. Чтоб скопить на приданое, вышивала бирки «Собственность Николаевской Железной Дороги».

Но тут грянула революция, и Капина судьба враз переменялась.

Полковник Егорский, известный на весь фронт храбрец и кокаинист, разглядел Капу в синефотографе. Целый год они вместе спасали Россию, но потом Егорский плюнул на это дело и застрелился.

Капе срочно пришлось влюбиться в армянина Гогу. Гога, конечно, не мог сравниться с его высокоблагородием: он сморкался при дамах и передавал им вшей. Но зато он служил по интендантской части и в его вещмешке всегда было сало.

Когда колчаковцы докатились до Тихого океана, Капа поняла, что на Гоге далеко не уедешь. И тут ей подвернулся Доналд, сержант союзнической американской армии. Красивый, беленький — как цветок-подснежник. Вскоре Капа жила в городе Лонг-Бич, штат Калифорния. За время войны она так пропиталась боевым духом, что по инерции начала воевать со свекровью. Первой и единственной жертвой этих баталий стал Доналд: после очередной ссоры он выбежал из дома и попал под авто.

— Я до сих пор виню себя! — грустила Капа шестьдесят лет спустя. — Ведь он меня от гибели спас!

За рулем сидел видный голливудский актер и, чтобы избежать скандала, вдове оплатили не только гроб, но и моральные страдания.

На похоронах Капа встретила с адвокатом ответчика.

— Староват он был для меня... Да молодые тогда все без денег ходили. А я нищенствовать не собиралась.

По счастливой для Капы случайности, Великая Депрессия совпала с сухим законом: народ хотел с горя пить, а пить было нечего... Выпросив у нового бой-френда денег, Капа открыла кафе, в задних комнатах которого наливали виски.

Сел за это адвокат. Срок ему впаяли приличный, ждать не имело смысла.

Следующий Капин муж, летчик-истребитель, погиб в Нормандии. От него ей досталась военная пенсия и компания по уборке мусора.

Воюя за подряд в муниципалитете, Капа познакомилась с владельцем конкурирующей фирмы — чернобровым красавцем Гектором, на двадцать лет ее моложе. Они соединили усилия и сердца и стали королями мусорного бизнеса на побережье.

— Но этот был кобель! — хмурила брови Капа. — Я как-то зашла в офис, а он с секретаршей обнимается.

— И что? — спросила я.

— Ну что, набила морды обоим... После этого Гектора уже никто красавцем не называл.

На восьмом десятке Капа решила сменить веру с иудаизма на что-то более христианское. Она числилась прихожанкой у православных, у баптистов, у католиков и даже в Арабской объединенной церкви. Ее везде принимали с распростертыми объятьями, ибо на счету у Капы скопилось три миллиона.

Но старушка не оправдывала людских ожиданий:

— Все, что я имею, мне дал Господь! — говорила она. — А подарки назад не возвращают.

Детей у Капы не было. Ее завещание переделялось, наверное, раз сто. По настроению, в список наследников вписывались: Республиканская и Демократическая партии, зоопарк, Аделаида, Аделаидины дети, дети Капиных мужей, Кегельбаны, хор мальчишков, школа фигурного катания и даже я.

Капа умерла от воспаления легких в госпитале Святого Бенедикта. Прочитав старушкино завещание, я позвонила Кегельбану.

— Ты чего на Капины похороны не явился?

— Что я идиот, что ли?

— Видать, да. Она завещала все тем, кто пришел.

Нас было двадцать человек. Я, могильщики, священник и куча докторов с супругами.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

19 ноября 2005 г.

Мама приехала! Каждый год, встречая ее в аэропорту, я волнуюсь. Она стареет, и это видно, но какой-то особой, праздничной старостью. Деловой костюм, наимоднейшая стрижка, куча чемоданов. Завидев друг друга, мы кидаемся обниматься и плачем.

Как долетела? Как Леля? Что у тебя с работой? — Мы сыпем вопросами, на которые нельзя ответить здесь и сейчас.

Мы с мамой похожи, как шило и мыло — ничего общего. Но как же нам уютно друг с другом: болтать, молчать, смотреть телик и шить куклам одежды. У нас всегда так: как только мама приезжает — мы беремся за поделки.

Мама до сих пор велит мне «следить за осанкой». Она давно уже не в состоянии решить ни одну из моих проблем, но она все равно над ними думает и предлагает: «А что, если тебе...»

Любит меня, и эта любовь из тех, что не сломится ничем. Попаду ли я в тюрьму, совершу государственный переворот или выйду замуж за шахида. Это видно, когда тебя любят. Это светится в глазах.

— Так, сейчас ко мне, а Леля с Джошом подъедут к семи, — объявляю я.

Машины текут двойной огненной рекой — мы несемся в красном потоке, навстречу нам — поток белый. Мама смотрит на башни небоскребов вдали.

— Могла ли я когда-нибудь подумать...

По закону природы она должна была стать классической старушкой в пальто и платке. Так было со всеми женщинами в нашем роду: сначала яркая молодость, потом дети, работа... А после пятидесяти пяти — обвал. Но в какой-то момент прежние законы перестали работать. В 59 мама катается по миру, она успешна и богата и у нее масса планов на ближайшие сорок лет. Впрочем, мы все сошли с привычных рельсов. Раньше судьбы детей отличались от судеб родителей только датами. Сейчас мы понятия не имеем, что с нами будет через пару лет. Незаметно мир перевернулся вверх тормашками.

Пробка. Машины ползут еле-еле.

— Другая эпоха, — говорит мама, глядя в окно. — Ты заметила, когда она началась? Я пожимаю плечами.

— Наверное, когда рухнул Железный занавес.

— Или когда из телевизора исчезли ведущие? Помнишь, они сидели перед камерой с листком бумаги и зачитывали программу передач?

Мама достает из сумки блокнот и очки и включает свет.

— Я сейчас все это запишу!

На листке появляется крупный заголовок: «За последние двадцать лет выяснилось, что...»

Мы не виделись целый год и вроде бы должны говорить о важном. Но вместо этого мы вспоминаем всякую ерунду, спорим и хохочем. Нам просто хорошо вместе.

Мама старательно пополняет свой список:

- Выпендриваться целлофановым пакетом с картинкой глупо.
- Фотографировать, снимать фильмы, петь и писать книги может любой дурак.
- Гражданский брак — это не смертельно.
- Когда жена зарабатывает больше мужа — это нормально.
- Секс до брака — тоже нормально.
- Импорт бывает некачественным.
- Если ляпка от лифчика выглядывает из-под футболки, это сексуально.
- Кассетный магнитофон, даже если он «видео», — не стоил наших слез.
- Жизнь без интернета и сотового телефона не возможна.
- Арабы и кавказцы в черном кажутся опасней, чем сигареты (хотя у нас гораздо больше шансов умереть от рака, чем от бомбы террориста).
- Выборы президента Америки интересней наших собственных выборов.
- За границей тоже люди живут.
- Нефть — кровь экономики.
- В русском языке появились такие словечки как «голубой», «круто», «приколись», «сисадмин», «олигарх» и «суверенная демократия».
- Владение валютой и порно-кассетами не наказуемо.
- Человек имеет право быть пидорасом.
- Капиталист — это звучит гордо.
- Загорать — вредно.
- Медицина может творить чудеса: исправлять зрение, увеличивать грудь, превращать бабушек в моложавых мадам, растить детей в пробирках и делать пересадку всего, кроме мозгов.
- Рожать можно и в сорок лет. А некоторым — даже в пятьдесят.
- Земля очень маленькая. Долететь из Москвы до Лос-Анджелеса можно за то же время, что доехать на поезде из Нижнего Новгорода до Санкт-Петербурга.
- Автомобиль — это не роскошь, а средство передвижения.
- Смотреть сериалы немного стыдно. Поэтому, если смотришь, нужно всегда извиняться и говорить, что это «от нечего делать».

- Религия — это не опиум для части народа.
- В СССР секс БЫЛ!
- Отсутствие школьной формы не влияет на успеваемость.
- Братства народов не существует.
- Джинсы все-таки не стоит надевать в театр.
- Пейджер — это рекордсмен по переходу от новейшего достижения прогресса до антиквариата.
- Бананы стоят меньше помидоров.
- L'Oreal — это дешевая косметика.
- 40 сортов сыра в магазине и 100 телеканалов — это не миф. Так действительно бывает.
- Печатать фотографии не имеет смысла.
- Китай — это мировая промышленность,
Япония — это высокие технологии,
Франция — это мода и туризм,
США — это Голливуд, наука и экспорт, блин, демократии,
Германия — это хорошие автомобили,
Италия — это сантехника и обувь,
Египет и Турция — это дешевые курорты и немножко терроризма,
Ирак — это много терроризма,
Индия — это Болливуд и дешевые программисты,
Англия — это страна, где живут российские олигархи,
Россия — это газ, нефть, а также ученые и невесты на экспорт,
Афганистан — это бывшая штаб-квартира Осамы бин Ладена,
Израиль — это постоянные проблемы с арабами,
Украина — это оранжевая революция и постоянные проблемы с газом,
Белоруссия — это постоянные проблемы с Лукашенко,
Туркмения — это вообще полный мрак.
- Чтобы развалить Союз врагам потребовались три вещи: чтобы СССР разорился на Афганской войне, чтобы цены на нефть рухнули до минимума и чтобы на черном рынке появились пиратские видеофильмы.

Последний пункт расстраивает маму, и она бросает писать.

ДАМСКОЕ СЧАСТЬЕ

20 ноября 2005 г.

Каждое воскресенье Леля исправно ходит в церковь. У нее там подружки, клиенты и благотворительная деятельность. Нам с мамой тоже велено прийти: Лелино общество милосердия собралось печь блины, и ему требовались рабочие руки.

— Блины будем продавать после службы в трапезной, — сказала Леля. — А весь сбор перечислим в псковский детдом.

Когда моя сестра начинает творить добро, мне хочется запереть ее в туалете. Она настолько вжилась в роль общественной руководительницы, что даже с угодниками разговаривает в приказном тоне. «Моли Бога о мне, святой угодниче» у нее звучит как «Упал-отжался».

— Не пойду! — бурчала я. — А то Лелька припашет меня посуду мыть во славу Божию.

— А как же дети? — возмутилась мама. — Им надо помогать!

В конце концов мама сказала, что сама будет и печь, и мыть, и что от меня требуется только довести ее до церкви.

Разумеется, Леля забрала маму себе, а меня поставила переворачивать блины.

Кухня при трапезной огромная. Благотворительницы — в основном бабки за семьдесят — носятся по ней в добродетельном угаре. Время от времени кто-то из них подходит ко мне попробовать блинчик и пообщаться.

Я пользуюсь у них огромным авторитетом: во-первых, я Лелина сестра, а во-вторых, я знаменитый русский писатель. Про писателя мама им наврала еще в свой первый приезд, и с тех пор я купаюсь в лучах приходской славы.

Бабки у нас интересные: многие из них — потомки белогвардейской эмиграции.

— А папа мой краснодеревщиком был, — рассказывает Маняша — седая, пышная, как сливочный торт. — Денег приносил много, но постоянно играл. Маменька, бывало, придет домой, а грузчики мебель выносят — папа опять продулся. Она хлоп задом на сундук и не слезает, пока они не уйдут. Так и сидела до вечера: кругом голые стены, на полу ребятишки, а она — на сундуке. Ближе к ночи опять подводы по мостовой стучат. Папа вбегает: «Таштите все обратно! Я отыгрался!»

Бабки ревниво оттирают друг друга от моей персоны.

— Я видела, к вам Маняша подходила, — говорит вдовствующая княгиня Дуся. — Так вы не верьте ни одному ее слову. Папашка ее не краснодеревщиком, а китайцем был. И за всю жизнь разве что в ящик сыграл.

Через десять минут Маняша вновь возвращается к плите.

— Ты всегда меня ненавидела, потому что я раньше замуж вышла!

— Да за кого?! За бейсболиста! А мой муж — князь, с ним сам Георг V разговаривал!

— И чего он тебе оставил, кроме княжеских долгов?

Старухи шумят, бранятся и поминают обиды полувековой давности. Родство и наследство — больная тема. Оно и понятно: местные бабки имеют «бабки». Руки в золоте, в ушах бриллианты, у многих дома за миллион. Тем не менее спор у плиты напоминает ссоры на лавочках где-нибудь в Канавино. Только там выясняют, кому досталось плюшевое пальто, а здесь — кому ушли вазы династии Мин.

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

21 ноября 2005 г.

Бог — это серьезно. С ним шутки плохи. Адское пламя, суровая книга Библия, торжественность церковных мероприятий...

А по мне, шутки с Богом должны быть веселы. Бог не может подобно вдовствующей Дусе подглядывать за всеми и подмечать: «Ага, котлету в постный день слопал. Так и запишем». Он же высшее существо! Значит, ему полагается быть веселым, остроумным и незлобивым. В рай брать нужно не самых праведных, а самых умных и добрых: чтоб общество подбиралось достойное. В аду надо не на сковородках жарить, а делать хирургическую пересадку характера. Пусть дураков и мерзавцев могила исправляет не на словах, а на деле.

В Библии заменить места, где рассказывается, сколько тысяч врагов перебили древние царьки, на поучительные притчи в духе Ходжи Насреддина.

И пополнить список смертных грехов: рассылка спама должна идти сразу за алчностью.

ЧЕЛОВЕК ИЗ РЕСТОРАНА

1988 г.

Я отчетливо помню Нью-Йорк конца 1980-х. Машины были похожи на чемоданы, серьги — на кефирные крышки, а женщины — на жертв электрошока (волосы тогда «ставили», а не «укладывали»).

Нью-Йорк мне не нравился потому, что ему не нравилась я. Этот город отказывался признавать мои таланты. Вместо этого он подсунил мне место официантки в шикарном заведении под названием «Kharkov».

Хозяйкой «Харкова» была мадам Березюк, в просторечии именуемая Березючка — увесистая, как антикварный комод, громогласная тетя с усами. Березючка вела свой бизнес весьма хитроумно: на еврейскую свадьбу «Харков» превращался в кошерную столовую, на мальчишник — в злачный притон, на слет францисканцев — в филиал Царствия Небесного. В кладовке за кухней хранилось необходимое для мутаций оборудование — от марокканских батиков до стриптизерского шеста. А пианист Семен Соломонович мог сбавать для публики хоть «Взвейтесь кострами», хоть «The Star Spangled Banner»¹.

Меня Березючка любила и прочила мне большую официантскую карьеру.

— Учись, бестолочь! — говорила она сыну Ваське. — Поднос несет бережно — как раненого, заказ записывает — ну прям Пушкин!

Но Васькины мысли были далеки от общепита. В его жизни существовала только одна страсть — пресса. С утра пораньше он закупал ворох газет и жадно изучал их.

— А наши войска из Афганистана выводят! — кричал Васька, перекрывая звон тарелок.

Судомоец Хуй — старый печальный камбоджиец — качал головой и отвечал, что таки — да, погода нынче чудесная.

Васька вдохновлялся еще больше и бежал к маме рассказывать о Майкле Джексоне, к поварам — об ирано-иракском конфликте, к официантам — о новой программе IBM.

— Жалко, что ты замужем, — говорила мне Березючка. — Я б тебе Ваську отдала. А лет через двадцать — и ресторан.

Мне всегда хотелось спросить: «А можно наоборот: Ваську — через двадцать лет?» Но я не смела.

Финансов катастрофически не хватало: счета шли косяками, а Кегельбан был совсем неурожайный на деньги.

— Зря мы сюда приехали! — вздыхал он. — В России у мамы везде блат был: сосиски получали из обкомовского распределителя, главный санитарный врач за руку здоровался... А тут всем деньги подавай! Суки продажные!

Димочка смотрел телевизор, а я на кухне лепила коровьи черепа. Одна дизайн-студия закупала их, так как пластиковые кости стоили дешевле настоящих.

¹ «Знамя, усеянное звездами» (англ.) — американский национальный гимн.

Черепу у меня получались весьма реалистичные — сказывался душевный настрой. Жизнь не очень-то вдохновляла: после американских супермаркетов, я не могла скучать по Родине. Тем более, что вести из СССР шли совсем неутешительные — прилавки пустые, сахар по талонам. Но ведь и здесь, в Америке, я на фиг никому не сдалась с моим гуманитарным образованием и английским на уровне «твоя моя понимай».

Иногда мы с Васькой запирались в кладовке, чтобы тайком от Березючки напиться и забыться.

— Не хочу быть официанткой! — шипела я. — Я звезда! Мне нужна Нобелевская премия и миллионы! Вася, ну что ты свои журналы читаешь?! Там что, пишут, как мне разбогатеть?

Васька протянул мне последний номер «Miss X».

— Там конкурс рассказа объявили. Хочешь поучаствовать?

— Я по-английски писать не умею.

— А ты напиши, как умеешь. Если что — я тебе ошибки исправлю.

Рассказ мой ничего не выиграл, но описание судьбы бедной русской девушки так тронуло редактора, что через месяц я уже разносила кофе не в «Харкове», а в редакции уважаемого журнала.

МУЗА

23 ноября 2005 г.

Сажу с рукописью под окошком. Солнце в небе, солнце в бассейне. На террасе арфа — из тех, что бывают в оркестровых ямах. В дом она не влезла — у меня двери узкие.

Арфу мне подарил Артур, клиент.

На презентацию его новой книжки я пришла в чудной соломенной шляпе а-ля Скарлетт О'Хара: хотела произвести впечатление. В общем-то, у меня получилось. Девки-промоутеры стаями убегали в туалет, изо всех сил стараясь не ржать; приглашенные лица отводили глаза.

— Ну что они врут, что ты похожа на шампиньон? — возмутился Артур. — Ты у меня ангел. Да, точно! А эта шляпа — твой нимб. Тебе только арфы не хватает.

Вечером того же дня грузчики привезли мне арфу.

У Артура скоро день рождения. Думаю отомстить. Подарю ему мешок асфальта и бригаду дорожных рабочих: пусть сделают взлетно-посадочную полосу для Музы. А то, судя по его последним творениям, она не слишком часто к нему прилетает.

ИСПОВЕДЬ

24 ноября 2005 г.

В жилах моей домработницы Барбары течет гордая кровь испанских конкистадоров и покоренных ими индейцев. Кто-то там кого-то изнасиловал — и вот результат. Исконно мексиканского в Барбаре, конечно, больше: она неприхотлива как кактус и неумоима как зверек-броненосец. Но иногда конкистадорские гены все же дают о себе знать.

— С утра ваш антихрист звонил. (Бух! Бух! — гневно кастрюлями) Небось, опять хочет вас облапошить.

«Антихрист» — это Арни. Барбара считает, что психологию изобрели в аду вместе с порнографией, алкоголем и президентом Бушем.

— И за что деньги берет? (Створкой холодильника — бам-с!) Сидит, слушает ваши секретки... Эдак и я могу.

Я прикуривую новую сигарету.

— Арни, по крайней мере, смеется моим шуткам. А у тебя, Барбара, нет чувства юмора.

— Зато у меня совесть есть. (Плита пылает костром инквизиции). Я бы не стала брать деньги только за то, чтобы валяться перед людьми в кресле.

Барбара показывает, как именно валяется Арни — в позе «роды в полевых условиях».

Я вздыхаю.

— У меня кризис среднего возраста. Мне нужно, чтоб кто-нибудь говорил мне, что я не говно.

Глаза Барбары загораются:

— Сходите на исповедь к отцу Августо!

— Э-э...

— И даже не отнекивайтесь! Покаетесь в грехах и весь ваш кризис как рукой снимет. Я в прошлый раз таким говном себя чувствовала! А потом исповедалась и как заново родилась!

Я не верю Барбаре. Эта девушка — святая. Она не курит, не пьет и ни с кем не спит — даже со своим женихом Хуаном.

— И что же ты натворила?

Барбара стремительно краснеет.

— Я... Я купила презерватив.

Я в ужасе прикрываю глаза. Ну да... Католики и контрацепция несовместимы.

Через пятое на десятое мне удастся выяснить, в чем дело:

Вместе с племянницей Алехандрой они гуляли по моллу и зашли в туалет. Там был установлен автомат по продаже презервативов, и Алехандра подговорила Барбару купить резинку. Не для того, чтобы использовать — свят-свят-свят! — а чтобы просто посмотреть. Алехандра, зрелая четырнадцатилетняя нахалка, разорвала упаковку, раскатала презерватив и начала растягивать его, испытывая на прочность. А он возьми и улети на люстру.

Оставить все, как есть, девицы не посмели: Господь уже все видел. Визжа и крестясь, Алехандра залезла на плечи Барбаре и попыталась дотянуться до люстры, но презерватива так и не достала.

— Стой здесь! — велела она тетке и выбежала наружу.

Через минуту Алехандра вернулась с удочкой.

— Во, в спортивном отделе отыскала!

Она вновь взгромоздилась на плечи Барбаре и, выставив удочку как копье, подцепила резинку. В этот момент в туалет зашла пожилая леди.

— Рыбачите, девушки?

— Это был такой позор! — всхлипывает Барбара. — Я чуть сквозь землю от стыда не провалилась. Но отец Августо сказал, что Иисус меня любит, несмотря на презервативы.

Я отказываюсь исповедываться. Иисус, может, меня и любит, но отец Августо вряд ли разделит с ним это чувство.

Я — средоточие порока, и этого не замечают только мама и Барбара. Имя Господа поминаю, матом ругаюсь, аборт делала, разводилась, порнуху смотрела, «Код да Винчи» читала... А еще возжелала осла ближнего своего — Кевина (ладно хоть, пока мама здесь, я к нему не таскаюсь).

К тому же, для исповеди необходимо покаяние. Но у меня получается искренне раскаиваться только в одном грехе: в обжорстве — да и то после взвешивания.

Эх, где бы найти Бога, который полюбит меня такой, какая есть? И при этом не попросит денег за визит?

ХРОНИКИ НЬЮ-ЙОРКА

1990 г.

Выгнав Кегельбана, я остро возненавидела нашу квартиру. Жить в ней было — все равно что носить одежду покойника. Но мои молитвы, как всегда, были поняты превратно: однажды я вернулась с работы и... не нашла собственного дома.

По залитому водой пепелищу бегал домохозяин и проклинал шайтана и электропроводку.

— Пятьдесят лет все было в порядке! Ни разу ничего не менял! А тут — здрасьте!

Закопченные жильцы разыскивали в углях остатки имущества. Под каблуками хрустело стекло.

— Тебе есть где остановиться? — спросила меня соседка Виолетта, эмигрантка из Мариуполя.

— Нет.

— Тогда пошли.

У нее была фигура вышибалы и лицо царевны Софьи. Тем не менее Виолетта не сомневалась в собственной красоте.

— Видела, как на меня мужик посмотрел? — рокотала она, выходя из автобуса. — А еще парень с серьгой пялился. Он давно меня выслеживает.

Как потом оказалось, за Виолеттой следили все — от дворников на улицах до космонавтов на орбите.

Она завела меня в сумрачный, никому ненужный дворик. Кирпичные стены, мусорные бачки...

— Я договорилась с тетей Паней о комнате, — сказала Виолетта. — Только мне денег на аванс не хватает. У тебя есть наличка?

Я заглянула в кошелек.

— Пятьдесят долларов.

— Давай сюда!

Мы вошли в подъезд, пахнувший котами. Виолетта пояснила, что их разводит ирландец с третьего этажа: у него дома пятнадцать кошек, а еще двадцать в квартиру не влезли.

Лифт не работал. Лампочка не горела. Перила на лестнице отсутствовали.

Нам открыла бабка с розовыми панталонами в руках.

— Весь вечер их искала, а оне в ванной лежали, преподобные. Я уж думала, ты, Виолетта, надела. Кстати, поди-ка сюда. Чёй-то цветок у меня не растет, а? Уж три недели в стакане стоит.

Виолетта процокала вслед за ней в комнату.

— Так он у вас пластмассовый!

— Что ты брешешь?! Я его на улице нашла. Росточек у самого корня оторвала!

— Да листья-то тряпочные, клеем приклеены!

— Нет! Он уже вырос чуть-чуть!

Мне стало плохо.

Тетя Паня окрестила меня «девкой» и разрешила жить вместе с «барыней» Виолеттой.

— Вот ваша комната, — сказала она, щелкая выключателем. — Тут, правда, рояль стоит, но вы и под ним поместитесь.

Я работала в журнале без году неделю и потому не могла попросить помощи у коллег. Все мои вещи сгорели. Денег ни на что другое не было. Так что пришлось поселиться под роялем.

Во время войны тетя Паня сидела в одном концлагере вместе с американцами и научилась от них сносно изъясняться по-английски. Когда в 1945 году их освободили, она сказала жительницей Нью-Йорка, и ее, в числе других пленных, вернули на «родину». Здесь она вышла замуж, родила детей и благополучно состарилась.

Смысл жизни тети Пани заключался в войне с соседом-кошатником. С утра пораньше она выходила на балкон.

— Кобелина тухлый! И мать твоя — дура, нарожала рыжих дураков!

В ответ его кошки ссали нам под дверь.

Накричавшись, бабка принималась за «барыню».

— И чего ты тампонами не пользуешься? — спрашивала она, заглянув в мусорное ведро. — Рекламу, что ли, не смотришь?

Виолетта кривилась.

— У меня от «Тампаксов» голова кружится.

— Да ты не туда их засовываешь!

Потом наступала моя очередь.

— За кого попало не выходи, — проповедовала тетя Паня. — Мужики сейчас пошли дурные: у одного хламидии, у другого — уреаплазмы. Пусть сначала справку покажут.

Не прошло и двух дней, как Виолетта завела себе поклонника. Им оказался сосед по имени Боголюб — огромный седовласый строитель гаражей. Вся его семья осталась в

Югославии, и он жил с любовницей-медсестрой — тихой женщиной, способной варить суп.

Дрожа от страсти, Виолетта пересказывала мне подробности:

— В 50 лет он как бык! Нет — как танк! Ты бы видела его орудие!

— Это черт, а не баба! — ахала за дверью тетя Паня, которая, как всегда, подслушивала.

Медсестра работала в ночную, и до шести утра Виолетта пропадала в соседней квартире.

— Куда барыня делась? — спрашивала взволнованная бабка.

Я придумывала бесчисленные оправдания: вызвали в полицию как свидетельницу пожара, задержали на работе для переучета хренов (Виолетта работала в секс-шопе).

— Ох, Господи, помоги женщинам негодным! — качала головой тетя Паня.

На рассвете растрепанная Виолетта возвращалась домой. Стаскивала надетую наизнанку кофту — оторванные пуговицы катились по полу.

— Югославы форева! — стонала барыня, заползая под рояль.

Все тайное, разумеется, стало явным. Медсестра поставила ультиматум: или я, или она!

Ночами Виолетта не могла уснуть.

— Вот это любовь — не дай Бог мне такую! — изумлялась тетя Паня.

Вскоре Боголюб не выдержал и вернулся к прежним шалостям. Теперь они запирались у нас и любили друг друга на рояле.

Медсестра каждый день обещала удавиться. Во время очередной ссоры Боголюб затолкал обеих в кладовку и выключил свет.

— Вы там подеритесь, а потом скажите, кто победил.

Но драки не последовало. Виолетта выбежала в кухню и принялась лихорадочно собирать свои витамины.

— Я так и знала! — бормотала она. — Боголюб за мной следит! Он все нарочно подстроил, чтобы похоронить меня заживо!

Дверь хлопнула, и больше мы ее не видели.

Скучая, тетя Паня с удвоенной силой ругала соседа-ирландца. Но чем все это закончилось, мне неизвестно. За пару месяцев я скопила денег и наконец-то сняла нормальную квартиру.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ГОРОДА

26 ноября 2005 г.

Лос-Анджелес — удивительный город: вроде США, но при этом немножко Мексика; вроде субтропики, а горы в снегу; вроде Запад, но с вкраплениями СССР — как раз на знаменитых бульварах Голливуд и Санта-Моника.

Сидишь в машине, томишься в трафике, а кругом все до боли знакомое:

«Аптека» — запрещенный валокордин и карвалол из-под прилавка.

«Мелодия» — пиратские CD в ассортименте.

«Продукты» — семечки, шпроты и прочие радости советского человека.

Вдоль магазинов гуляют «русские»: черная кожа и перекись водорода.

«Русские» в Лос-Анджелесе делятся на две большие категории и одну маленькую.

Большие — это евреи и армяне. Маленькая — все остальные.

Евреи и армяне разводят Одессу и Ереван везде, где ни поселятся. Все остальные растворяются в американщине как сахар в кипятке. Единственное, что объединяет всех «русских», — это концерты российской эстрады. Звезды заезжают к нам в рамках больших турне по ресторанам. Событие широко освещается — реклама висит в каждом «Гастрономе».

Ресторан гудит, перед сценой яблоку негде упасть, а услужливые парковщики открывают двери все новым и новым гостям. Машины у «русских» шикарные. Номера многих так написаны латиницей, что получаются слова: «СТЕРВА», «НЕ ТВОЕ» и т.п.

Мы с мамой идем сквозь возбужденную толпу и забиваемся в угол. Бармен Гриша наливает нам «маргариту» и пристраивается рядом.

— Я когда в армии служил, у нас зарплата была 3 рубля 82 копейки. На эти деньги мы должны были купить зубную щетку, зубную пасту и специальную сажу для сапог.

— Гуталин, что ли? — поддерживаю я разговор.

— Не, гуталин было бесполезно покупать. Его тут же тырили из тумбочек.

— Кто?

— Все. Он же на спирту! Наши намазывали его на хлеб и ели. Забирает лучше водки. Гриша всегда рассказывает про армию. Это самое сильное впечатление его жизни.

Я заказываю ему две «Маргариты».

— Эх, а помнишь «Приму» по 15 копеек? — спрашивает Гриша. — «Памир» по десять, «Дымок» по шесть? Я как сержантскую школу закончил, стал 20 рублей 80 копеек

получать. Вино в трехлитровых банках, на губе — «Беломор»! Все девчонки Вологды были наши.

Я люблю Гришу — он хороший человек. И вспотевшего артиста тоже — вон он как, бедняга, старается. И своих разнокалиберных сограждан: раньше я думала, что столько не выпью, а оказалось ничего — справляюсь.

О ДРЯНИ

1990 г.

Работать в глянцево́м журнале мне очень нравилось. В мои профессиональные обязанности входило следующее:

- покупать кофе,
- варить кофе,
- мыть чашки.

Но уже через две недели я добилась стремительного карьерного взлета. Офис-менеджер вывалила мне на стол мешок писем.

— Отделяй буйных идиотов от тихих. Тихих отдашь Мэри, а буйных — уборщице.

«Дорогая редакция! Я собираю коньячные бутылки, из которых пили знаменитости. Попросите, пожалуйста, моделей из вашего журнала выпить для меня. Коньяк оплачу».

«Я ненавижу свекровь. Как мне лучше ей об этом сказать?»

«Вы называете себя женским журналом, а сами на мои письма не отвечаете. Вы — мужской журнал! У вас в редакции женщинами и не пахнет!»

Я не удержалась и вступила с автором в переписку: «О, боже! Как вы узнали?!»

«Я — профессиональный физиогном, — ответила тетенька. — Я сразу поняла, что ваш главный редактор Триш Пойнтер — мужик!»

Триш посмеялась и запретила мне читать письма.

— Будешь помогать новому выпускающему, — сказала она. — Его зовут Абрахам Хортон. Он только что прибыл из Вашингтона.

В каждой конторе должен быть штатный дурак и штатный мудака. Абрахам Хортон совмещал в себе и то, и другое. Его никто не любил. Однажды его укусила собака охранника, и через час ее нашли мертвой. Мы были уверены, что это отравление.

Больше всего Абрахам боялся, что его будут ругать, и ради профилактики драл задницу — себе, подчиненным и соседям.

— А Мэри распечатывает личные письма на корпоративной технике! — докладывал он Триш.

Та слала его лесом.

— Вы должны быть в курсе! — оправдывался мистер Хортон. — Вы же сами говорили: нам следует сокращать расходы. А Мэри их наращивает!

На второй день он вручил мне карту тюркского мира и велел перевести имеющиеся на ней надписи.

— Да я ж по-турецки не говорю!

— Ну, ты все равно откуда-то оттуда родом.

Я билась над словарями весь вечер и в 20:00 решила, что ВСЕ: сейчас я встаю и уйду отсюда. Абрахам навис над моим плечом.

— Вот статья про кипрских женщин. Ее надо переделать так, чтобы можно было сослаться на карту.

— На фига???

Абрахам одарил меня ледяным взглядом.

— Здесь вопросы задаю я!

В 21:30 я начала думать об убийстве. Полдесятого гражданин начальник сказал, что я написала «не то», и что он сам все перепишет.

Поливая цветы в офисе, я заодно поливала и уличные ботинки Абрахама. С боссом нужно было что-то делать. Получив работу в журнале, я впервые почувствовала себя белым человеком, а мистер Хортон отравлял мне победу.

Вечерами я, Мэри и верстальщик Али шли в бар и разрабатывали план возмездия.

— У меня идея! — горячилась Мэри. — Надо разослать тысяче человек письмо: «Я — Бог. Хотите докажу? Говорю, что на следующем футбольном матче победит такая-то команда». Пятистам адресатам предсказываем победу одного клуба, а пятистам — другого. После матча у нас остается 500 недоумевающих. Им рассылаем второе письмо: «Ну что, убедились? Или все еще думаете, что это совпадение? Давайте я предскажу исход следующего матча». И опять делим адресатов на две группы. Через некоторое время у нас останется несколько человек, свято верящих в нашу божественность. И если бы Абрахам оказался в этой группе...

План был хорош, но не результативен.

— А, может, ему женщину найти? — вздыхал Али.

— Разве что мертвую. Живьем ему никто не дастся.

— Давайте пустим слух, что он некрофил!

Проблема разрешилась легко и изящно. Я позвала Мэри к себе и громко, чтобы Абрахаму за стенкой было слышно, принялись жаловаться:

— В журнале Yankee Express не то, что у нас — зарплаты офигенные, бонусы, зубная страховка...

— Знаю, — кричала Мэри. — У меня там знакомая работает — так не наладуется.

— Слышала, они сейчас нового выпускающего ищут? Вон объявление подали. Я бы пошла...

Мы подчеркнули объявление красным маркером и, оставив газету на столе, пошли за пончиками.

Вскоре Абрахам приперся на работу в костюме. После обеда он сослался на головную боль и отпросился.

— На собеседование пошел! — ликовали мы. — Только бы его взяли!

На следующий день босс вернулся в офис в полной задумчивости.

— Девочки, а что вам известно о журнале Yankee Express?

Мэри и я наперебой затараторили, что это редакция нашей мечты. Что если бы мы не были идиотками от рождения, мы бы только там и работали.

— На праздники бонус!

— Три недели отпуска!

— Отчисления в пенсионный фонд!

Триш орала, что у нее номер горит и что ей нельзя без выпускающего. Но Абрахам был непреклонен: он твердо решил уволиться по семейным обстоятельствам.

Я и Мэри помогли Абрахаму упаковать дипломы в рамочках.

— До свидания, мистер Хортон! Мы будем долго вас вспоминать.

Абрахам не так давно вращался в глянцевом мире Нью-Йорка и еще не успел изучить, что там почем. Он не знал, что Yankee Express возглавляет титулованная сволочь. Что выпускающие редакторы там меняются раз в три месяца. Что судебные тяжбы с бывшими сотрудниками — обычное явление...

Несколько недель спустя нам пришло письмо: «Дорогая редакция! У меня нервный тик на правом глазу и все женщины думают, что я им подмигиваю. Что мне делать, чтобы меня не считали бабником?»

— Его почерк! Его! — торжествовала Мэри.

Тем же вечером мы сели сочинять ответ Абрахаму. Получилось длинно, пошло и смешно. Али перечитал послание и, скомкав, выкинул в корзину.

— Да ну его в пень! Он не наш клиент, а уборщицын.

ПОЛКОВНИЧЬЯ ДОЧКА

29 ноября 2005 г.

Мама была красавица районного масштаба. Даже начальник ЖЭКа Филькин краснел, как деточка, встречая ее у подъезда. Очи черные, подведенные, «вавилон» на голове, павло-посадский платок завязан наизворотнейшим образом... Эх, эх, если бы не супруга Татьяна свет Станиславовна...

Мама хотела стать киноактрисой, но дедушка-полковник возразил.

— Вот это я понимаю! — ликовал он, когда она поступила на металлургический. — Вот это — да, достойно. Выучишься, пойдешь на завод и встанешь на очередь на квартиру. Радуйся, что все хорошо обошлось.

Мама радовалась, как могла. Ее портрет регулярно тырили с заводской доски почета — это тоже была своего рода популярность.

Производственные совещания, кульманы, синьки... Мама утешала себя тем, что квартиру ей действительно дали, да и с путевками на юга часто везло.

— Гордиться ей нечем! — ворчал дед. — Завод план каждый год перевыполняет — а ей все мало!

Папа чувствовал, что маме не хватает самореализации, и по мере сил славил ее красоту. В половине его работ угадывались мамины черты: особенно на плакатах «Руки прочь от ... (Греции, Кубы, Никарагуа и т.п.)».

Двадцать лет мама говорила заводским трубам: «Чтоб вам пусто было!». Так и случилось: в 1992 году завод встал. Зарплату им выдали тракторными колесами — по колесу на восемь человек.

Мы с Лелей звали маму в Америку, но она не поехала: у нее там не было ни одного поклонника. А в России ее все еще обожали Филькин, Ваха из ресторана «Княжна Мэри» и еще одна таинственная личность.

— У него «Волга» и пять ларьков на вещевом рынке, — жаловался папа по телефону. — Мать мне нарочно ничего не говорит, чтобы я ему фишку не начистил.

Родители давно разошлись, но по стародавней привычке папа следил за маминой нравственностью.

Мы с Лелей предложили купить ему десять ларьков и иномарку, но папа гордо отказался. Торговлю он презирал и ездил исключительно на битой «копейке». Это позволяло ему считать себя патриотом.

Вскоре мама окончательно поддалась тлетворному влиянию и поехала в Турцию бизнесменить.

Древний Стамбул встретил ее криками муэдзинов и треском скотча, которым российские челноки заматывали баулы. Первый раз попав за границу, мама разрывалась между желаниями пойти в Святую Софию и закупить партию дубленок. София проиграла со счетом 15:0. Именно столько раз мама ездила в Лалели¹ за товаром.

В Стамбуле у нее завелись знакомые турки, которые с удовольствием показывали моложавой «Наташе» наиболее хлебные места. Папа смирился с маминой торговлей, как мирятся с железной дорогой по соседству: поначалу бесит, а потом привыкаешь. Он даже нарисовал роскошную вывеску для ее мелкооптового магазина.

Папино творчество по достоинству оценил Ваха:

— Слушай, дарагой, сделай мне княжна Мэри! Но только чтоб настоящий княжна был, как в книжка: лицо — вот такой, попа — во-о-от такой. Красивый! — И Ваха мечтательно рисовал в воздухе нужные объемы.

Пять лет назад родители вновь поженились.

— Принцев самой воспитывать надо, — говорила мама подругам. — Вот я своего в люди вывела, теперь любо-дорого посмотреть: галстук, ботинки, своя дизайн-студия.

Папа же по старой памяти отправлялся в гараж пить пиво и добивать воблой «копейку». Папины друзья доподлинно знали, кому его жена обязана успехом.

— Без рекламы щас никуда, — вздыхал Филькин и косился на пивную этикетку папиной работы.

ТЕНШ И ПУСТОТА

1 декабря 2005 г.

Мама откладывает «Темные аллеи» Бунина и долго смотрит на меня поверх очков.

— Не скучаешь по России?

Я знаю, о чем она думает. Читает мемуары эмигрантов — везде рана с обгоревшими краями: «Домой! Не могу я тут! Задыхаюсь!»

¹ Лалели — район в старой части Стамбула, в котором в середине 90-х обитали многочисленные челноки из России.

— Помнишь дядю Петю из Саратова? — спрашивает мама. — У него дочь Маша в Нью-Йорке. Уж такая умница! Вышла замуж, а счастья нет. Очень скучает.

Маме кажется, что в глубине души я тоже скучаю. Не знаю, стоит ли обсуждать с ней это.

Переехав в Америку, я постоянно исследовала себя, как после падения: все ли цело, ничего не сломалось? По идее должно было: сотрясение мозга лечится, сотрясение сердца — нет.

— Знаешь, что такое ностальгия? — отзываюсь я. — Это тоска по статусу. Бывший губернатор идет по Парижу и понимает: все, приехал, — ни прошений на стол, ни орденов в петлицу. У него как клеймо на лбу: «Никогда».

— А как же диссиденты? — не сдается мама. — Их в лагерях гноили, а они все равно скучали.

— Потому что в СССР они были борцами — их даже КГБ боялся. А здесь их борьба на фиг никому не сдалась. Помнишь, в газетах писали: «Трудящиеся всего мира с надеждой смотрят на СССР»? Диссиденты верили в это! Летели сюда, чтобы «рассказать всю правду». А их даже не заметили. Выйди сейчас на улицу, спроси, кто такой Солженицын. Скажут: «Э-э... Сербский диктатор?»

Несколько лет назад в Сан-Франциско я видела демонстрацию китайцев. Человек тридцать ходили с плакатами: «Свободу политзаключенному Сун Хун...!» (не помню как). Народ косился на портрет: «А кто это?» и проходил мимо. Так глядят на чужую аварию.

Российские дела точно так же никого не волнуют.

Мама страстно защищает от меня Россию:

— На нас смотрели и будут смотреть! Мы великая держава! А если не смотрят, то это говорит об их низком интеллектуальном уровне!

Мама не понимает по-английски, поэтому свято верит в «низкий уровень».

— У этой твоей Маши есть друзья? — меняю я тему.

— Откуда? С кем ей там дружить?

Ну да — классика жанра: анекдотов не понимают, Акунина не читали, про Саратов не слышали. А про Машин ум даже не догадываются — отсюда и тоска. Были бы у нее друзья и достижения — ни о какой ностальгии и речи бы не шло. Вот это важно: чтобы тебя уважали и чтоб ты сам себя уважал.

А еще важнее — вера в светлое будущее. Если человек видит себя счастливым в этой стране — значит, тут его дом. Он все стерпит и все перенесет: начнет с нуля, поднимется... А если у него есть только прошлое, а впереди — чернота, то ему гарантирована ностальгия: «Домой, домой! Не могу я здесь! Задыхаюсь!»

МАТЬ

2 декабря 2005 г.

Мама спит, она устала,

Ну и я писать не стала...

Выйдя из-за стола, на цыпочках подошла к ней, села с краешку на диван. Рука с истертым кольцом лежит поверх клетчатого пледа. Я помню это кольцо, когда у меня влезало в него два пальца. Ровное дыханье, трепет девчоночьих, загнутых ресниц...

От нее исходит сонное тепло — не сухое и жаркое как от печки, а какое-то особенное, мамино. В детстве я очень любила смотреть, как мама спит: она казалась мне невероятно красивой.

Обнять, прижать к себе, расцеловать любимые ладошки. Не стала, конечно, ее тревожить. Поправила плед, спустившийся на пол, и вышла.

МИЛЫЙ ДРУГ

3 декабря 2005 г.

Мама улетает домой, в Россию.

Кто бы мог подумать, что мне, бесконечно взрослой тетке, будет так больно с ней прощаться? Две недели мы не расставались — болтали, смеялись, спорили. Со временем разница в возрасте стирается, и мама как-то незаметно превратилась из личного божества в лучшую подругу.

Мы пьем дрянной аэропортский кофе и говорим друг другу обычные слова.

Мамочка, родная, зачем ты уезжаешь? Ты нужна мне!

Я завалила ее подарками. Я хотела подарить ей весь мир, а она смущалась и отказывалась: «Да зачем, да это же бог ведь сколько стоит...» Глупыш, мне ничего для тебя не жалко! И это не благодарность: благодарность — это когда ты за что-то платишь. Это просто тебе — просто так.

Баловать маму — лучшее из удовольствий. Привести в Диснейлэнд, купить шикарную шляпу, в которой ей некуда выйти, но которая так ей идет...

Она сжимает мою руку: «Знаешь, почему я горжусь тобой? Потому что ты умеешь воплощать мечты в реальность». А я целую ее в ответ: «Знаешь, почему я горжусь тобой? Потому что благодаря тебе у меня есть мечты».

Регистрация на рейс, очередь, человек в форме желает маме счастливого полета. Она идет к турникету. Мы не можем жить вместе: у меня гнездо здесь, а у нее — там. Но все равно мы до сих пор связаны пуповиной. И ничто в этом мире нас не разделит.

НЕПРИСТОЙНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

6 декабря 2005 г.

Кевин сделал мне предложение. Все было в лучших традициях жанра: уютный ресторан, вино, свечи...

— Мардж, от тебя одной зависит мое счастье.

Голос у Кевина был непривычно тихий. Он смотрел на меня поверх бокала — смущенно, как жених-новобранец.

— Ты всегда выручала меня в трудную минуту, на тебя всегда можно было положиться...

Кевин с нежностью коснулся моей руки.

— Выйди, пожалуйста, замуж за одного моего актера! Понимаешь, он из Новой Зеландии и у него виза просрочена... Его того и гляди из страны вышлют, а у нас еще работы невпроворот. Можно, конечно, попробовать надавить на Службу Иммиграции, но на это уйдет время.

Я молча переваривала сказанное.

— Его зовут Зэк, двадцать лет, выглядит как принц. Вот увидишь, через пять лет он будет звездой мировой величины.

С фотографии, подsunутой мне под нос, смотрел дивный юноша: бритая башка, золотая цепь поверх майки, на бицепсе татуировка — две титьки, перевязанные подарочным бантиком.

Зэк, стало быть... Захарка по-нашему.

А что? Дармод у меня в мужьях был, маньяк-летописец был, разводила имелся. Только Зэка для полной коллекции не хватает.

Кевин преданно заглянул мне в глаза:

— Мардж, я тебе за это все, что хочешь, сделаю!

Вот теперь сижу дома, пью абсент и размышляю, что бы мне с этого «Гудвина» слупить: мозги, горячее сердце или смелость послать его подальше?

НЕЗНАКОМКА

7 декабря 2005 г.

Я разглядываю ее уже двадцать минут. Худые руки в кулинарных перчатках, перепачканная мукой футболка, шорты. Сегодня она занимается крайне несвойственным ей делом: печет ореховый рулет.

У нее большие глаза, за которые ее в детстве дразнили лупоглазой. Если их нарисовать так, как у Вивьен Ли, а брови выщипать, как у Анджелины Джоли, то 30 процентов мужиков будут думать, что она красива. А если глаза не красить, то 100 процентов мужиков пройдут мимо и даже не оглянутся.

Треугольное лицо с подбородком, за который можно ухватиться. Маленький аккуратный нос. Узкие губы.

Я знаю ее всю жизнь и она не перестает меня интриговать. У нее нет вкуса и потому все наряды и дизайны она подглядывает у других. Она не умеет быть начальником и разводит панибратство даже с прислугой. Собственно, потому она сегодня и готовит: домработница выпросила выходной и упорхнула на свиданку.

Спит голая. Даже когда не с кем спать. Перед тем, как вымыться, тщательно себя рассматривает — ищет признаки старости, не находит и с облегчением лезет в душ.

Носит шляпы — они ей идут.

Любит строить из себя умную. Голова ее набита обрывками тысяч книг, но среди них нет ни одной научной. Она не отличает стамеску от долота и не знает, кто такой косинус.

Подруг выбирает очень скрупулезно. Следит за каждым словом и не доверяет до последнего. Зато с мужиками у нее полный бардак — может связаться за пять минут, а потом расхлебывать пять лет.

Танцевать не умеет. Я один раз смотрела по видео, как она изображает стриптиз — хохотала до слез.

Она транжирит деньги, не глядя на ценники, а потом спохватывается и долго переживает.

Не смотрит телевизор, считая это пустой тратой времени. Зато читает желтые газеты, стоя в очереди в кассу.

По-английски говорит с чудовищным акцентом. Иногда забывает русские падежи.

Ест, сидя за компьютером — потому что на еду тоже жаль времени. Говорит по телефону, проглядывая новости — по той же причине.

Мечтает выиграть в лотерею, но никогда не покупает билетов. Мечтает в реальности встретить крутого мачо, но из интернета не вылезает.

Я смотрю на ее руки, быстро скручивающие рулет. Смотрю ей в глаза... А она смотрит на меня. Она — это я. Мое отражение в черном окне напротив.

МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ

11 декабря 2005 г.

Я позвонила Кевину и велела присылать жениха.

— Буду устраивать смотрины твоему Зэку. Только скажи ему, что если он притащится в костюме, с букетом и с благодарностью на лице, я его сразу за дверь выставлю. Пусть лучше пересмотрит «Унесенные ветром»: там есть тип мужчины, который мне нравится.

Ликованию Кевина не было предела.

— Мардж, ты любовь всей моей жизни! Даже не знаю, как тебя благодарить!

— Выпей яду. По крайней мере, я буду чувствовать себя отомщенной.

Недавно прочла, что какая-то девица наказала неверного любовника тем, что приклеила ему хрен к животу. Намертво.

А вот что к чему приклеить у Кевина? Он изменяет мне не с женой и даже не с любовницей, а с кинематографом. Уверена, что если его спросить, когда, где и с кем он в последний раз занимался сексом, он скажет: на прошлой неделе, в четвертом павильоне, со съемочной группой.

Вообще идея четвертого замужества мне все больше и больше нравится. Устрою себе шикарную свадьбу: жених — Зэк, музыка — «Радио-шансон», костюм в полосочку, платье с погонами. Обменяемся наручниками при понятых — разве плохо? А Кевина не позову.

Смотрины назначила на вечер. Дала Барбаре выходной, в качестве угощения заказала пиццу. Оставалось придумать, в чем встретить будущего супруга. Когда-то давно Мелисса решила скрасить мою личную жизнь и подарила мне малиновый пеньюар с кружавчиками. А что? Выплыву к Зэку во всем этом великолепии: «Ягода малина нас к себе манила...» — тут-то он со смеху и помрет. Пусть я останусь без жениха, зато Кевин останется без актера. Что тоже неплохо.

В пять часов разносчик притащил пиццу. Я посмотрела на него: лапочка. Штаны свисали с задницы как приспущенный флаг, в ушах — наушники. Наверное, ровесник моему жениху.

— Ты мне нужен как мужчина, — сказала я. — Зайди на минутку.

Разносчик понимающе ухмыльнулся и перекатил жвачку с одной щеки на другую.

— О'кей.

— Вот, — показала я ему недра шкафа. — Найди мне, чем можно поразить малолетнего придурка. Короткие юбки я не ношу, с каблучков падаю, а голый живот покажу только паталогоанатому.

Я пересказала суть моей Личной Драмы: меня, как юную Джульетту, насильно выдают замуж. Причем у нас все закручено похлеще, чем у Шекспира: на моем замужестве настаивает ни кто иной как Ромео.

— Говорит, что любит, а сам травиться отказался. Ну не подлец?

Разносчик почтительно загрустил.

— И что вы собираетесь делать?

— Шалить. Надо устроить Парису достойную встречу, а там посмотрим по обстановке.

Мальчик оказался с пониманием и охотно подключился к проекту.

— Ну, можно встретить жениха словами: «Вы покорили меня без единого выстрела! Вот вам моя шпага». У вас есть шпага?

— Нет, но у меня есть топор.

— Хм... А что если выйти к жениху с топором, в заляпаном фаршем переднике и сказать: «А-а, ужин пришел!»

— Сильно! А еще?

— Еще можно с порога агитировать вступить в секту «Авансового поклонения мощам Пэрис Хилтон». Еще — уговаривать купить средство для увеличения пениса и средство от тараканов в одном флаконе. Наш бонус — бесплатная кофеварка.

Звонок в дверь прервал полет фантазии. Я пошла открывать. На пороге стояла тетка филиппинской наружности.

— Ваш заказ «Пицца с дикими грибами» и «Пицца по-неаполитански».

Я перевела взгляд на разносчика.

— А ты что принес?

— Да купил пару пицц в забегаловке за углом. Вроде как неудобно с пустыми руками на смотрины являться.

Вечер прошел вполне продуктивно. Мы с Зэком обожрались, оборжались и решили пожениться как можно смешнее. Кевин был прощен, а Ронский-Понский получил звездулей за кражу Зэковской кроссовки. Домой Зэк поехал в моих тапочках-тигрятах, ибо кроссовку мы так и не нашли.

Это ни фига не любовь: все-таки Зэк мне в сынки годится. Но шалить этот сынок явно умеет.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ВРЕМЕНИ

12 декабря 2005 г.

Сегодня достала из гаража коробку с надписью «Грехи молодости». Мне ее мама привезла в прошлом году. На самом дне обнаружила тетрадь в клеенчатом переплете — «Дневник друзей». В 5-м классе у всех наших девчонок были такие.

Вопросы космической важности: Что ты любишь? Чего хочешь от жизни? Только в 10-12 лет человек способен ответить на них.

Мы мерялись, кто соберет больше анкет: это было показателем нашей успешности. Помню, на каникулы я ушла вся в слезах: у меня было на одну анкету меньше, чем у Ковязиной. И никто не соглашался мне помочь.

Я взяла ручку и написала ответы самой себе:

1. Твое любимое блюдо? — Семечки. Только их я могу есть в неограниченном количестве.

2. Твой любимый актер? — У меня их три: великий слепой Гердт, великий немой — Чарли Чаплин и великий глухой — Ронский-Понский.

3. Кто из учителей тебе больше всех нравится? — По литературе — Лев Толстой, по истории — Уинстон Черчилль, по природоведению — Иисус Христос.

4. Твоя любимая машина? — стиральная.

5. Кем ты хочешь быть, когда вырастешь? — Я уже могу вырасти только в объеме. Хочу быть стройной газелью.

6. Если бы у тебя был миллион рублей, что бы ты сделала? — Ремонт в ванной.

7. Опиши, какой мальчик тебе нравится? — У него бритая башка, татуировка на бицепсе и хорошая улыбка.

8. Твое пожелание хозяйке анкеты — Ошибки считай за улыбки. И все будет хорошо.

РЕБЕНОК И УХОД ЗА НИМ

13 декабря 2005 г.

В мои свадебные планы вмешалась мировая закулиса. Двоюродная сестра Зэка, Агнесса, укатила на театральный фестиваль и оставила на него трехгодовалую дочку Памелу Пайпер, в просторечии именуемую Пи-Пи.

Утром в субботу меня разбудил телефонный звонок:

— Это твой жених. Что получится, если ребенок налопаётся туалетной бумаги?

— Ребенок с самоподтирающей попой.

— Да-а, тебе смешно! Чё делать-то?

— А я откуда знаю? Спроси Кевина.

Через десять минут Зэк снова перезвонил.

— Кевин велел сдаваться властям. Мардж!

— Что?

— Приезжай ко мне!

— Да чем я-то тебе смогу помочь? Я вообще в детях ничего не понимаю.

— Лучший друг — не тот, кто вытащит тебя из тюрьмы, а тот, кто сядет вместе с тобой.

На том конце провода послышался грохот и животный вопль.

— А-а! — заорал Зэк. — Пи-Пи кошку пылесосит!

Зэкова племянница оказалась прелестным кареглазым существом: взрослая футболка до пола, в руках — банка сгущенки.

Сгущенка также имелась на паласе, на кошке и на всей мебели.

— Пи-Пи отказывается есть что-либо другое, — вздохнул Зэк. — Пришлось дать.

— Я люблю дядю! — проворковала Пи-Пи и щедро полила его ноги сгущенкой.

Совместными усилиями нам удалось ее отмыть, причесать и нарядить в приличное. Братся за кошку мы не рискнули: она забилась за унитаз и истерично шипела.

— Пошли на пляж, — предложила я. — Так хоть квартира останется целой. А кошку запрем в ванной: она успокоится и вылизется сама.

— А что будет с кошкой, если она нажрется сгущенки? — спросил Зэк.

— Попа слипнется. Заодно у Агнессы решится проблема кошачьего туалета.

Сначала Пи-Пи бегала по пирсу, потом каталась на качелях, потом лепила куличики.

— Все-таки детям нужен воздух, — сказал Зэк, блаженно обмахиваясь бейсболкой.

Пи-Пи зачерпнула пригоршню песка и посыпала себе на голову.

— А-а! — взвыла я. — Прекрати сейчас же!

Зэк сунул мне бутылку воды.

— Надо ей голову промыть!

Полностью очистить ребенка от песка нам не удалось.

— Ты коза! — бушевал Зэк. — Привели тебя на пляж, хотели тебе океан показать...

А ты...

— Кушать! — перебила его Пи-Пи.

Мы расположились у линии прибоя. Зэк усадил девчонку на полотенце, я достала ложку и яблочное пюре.

— На, ешь!

Пи-Пи смотрела на меня доверчивым взглядом.

— Давай, за маму, за папу! Тебя что, как маленькую покормить?

— Ага!

Пи-Пи открыла рот, как галчонок, и закатила глазки. Я попыталась сунуть ей ложку пюре, не попала и капнула на кофту.

— Блин! Да что ты делаешь?! — рявкнул Зэк.

— А что я — специально, что ли?

— Ы-ы-ы! — Услышав наши слова, Пи-Пи зарыдала и аккуратно сложилась пополам: лицом и грязной кофтой в песок.

— Ты знаешь, кажется, я придумала, где нам взять няньку, — сказала я, когда мы подошли к машине. Под дворником на ветровом стекле лежала реклама фитнес-центра:

- Современные тренажеры.

- Индивидуальные и групповые занятия.

- Детский клуб.

Первое посещение бесплатно.

— Детский клуб — это такое место, куда можно сдавать ребенка на время тренировки, — пояснила я. — А тренироваться можно до-о-олго.

Мы сходили на все занятия — от аэробики до танца живота. Пи-Пи тоже была довольна: она научила детей в клубе плевать. Когда мы ее забирали, у воспитательницы был такой вид, будто она пережила наводнение.

— Нам у вас очень понравилось, — сказал Зэк. — Мы обязательно придем еще раз.

ВЕЛИКИЙ ГОТФРИ

1993 г.

Муж № 2 завелся у меня в 1993 году.

В сентябре я получила письмо от бабушки Вероники Захаровны:

«Я собралась помирать, у меня все готово, только тебя нет».

Ниже мне повелевалось прибыть на ее день рождения.

Москва изменилась, как меняются люди, пришедшие с войны.

Деньги исчислялись в тысячах. В переходах расцвели ларьки. По улицам ходили деловитые батюшки в болоньевых куртках поверх подрясников.

Несмотря на твердое намерение помереть, бабушка заказала мне кучу таблеток от ее любимых заболеваний.

— Если что, завещаю их Таисье Петровне. Таечка мне тоже дает свою гомеопатию попробовать.

В бабушкину квартиру уже понаехало огромное количество родни, и мне пришлось остановиться в гостинице. Я понятия не имела, что подарить — идти с одними таблетками было неудобно.

— Купи что-нибудь вкусное, — посоветовала мама. — Сейчас в Москве с продуктами напряженка — вот и побалуй старушку.

С утра я отправилась на рынок, где мне удалось раздобыть синюю птицу счастья — прекрасную курицу-аскетку. До метро «Баррикадная» я добралась безо всяких приключений. Вышла на свет божий... И тут меня остановил дядя в каске и с автоматом.

Он посмотрел на куриные ноги, торчащие из пакета, и потребовал паспорт. Рация на его груди забубнила.

— Второй слушает! — отозвался дядя. — Да, поймал какую-то суку. Она еду в Белый дом несет.

Из его слов я поняла, что в Москве произошел антиконституционный переворот и что враги засели в Белом доме.

— Слушайте, я иду кормить бабушку, а не ваших врагов, — сказала я. Но страж демократии не поверил.

На наши крики слетелось еще несколько вооруженных орлов. Мне сообщили, что я шпионка, предатель Родины и продажная женщина. Но тут их позвали кого-то бить, и они, забрав мою курицу и таблетки, исчезли за поворотом.

Я отошла в сторонку, села на лавочку и принялась рыдать.

— Хочешь водки? — спросил меня кто-то по-английски.

Лука Готфри делал деньги на войнах и революциях. Чуть где жопонька произойдет — он хватал камеру и мчался все фотографировать. Симки его печатались по всем центральным СМИ — от Fortune до Los Angeles Times.

В Россию Лука приехал с неделю назад. Профессиональное чутье подсказывало ему, что жопонька не за горами, и он целыми днями носился вокруг Белого дома, щелкая конную милицию и баррикады. Изъятие курицы тоже было заснято во всей красе.

Мы сидели на лавочке, хлестали водку из горла и закусывали батоном. Утешая меня, Лука много говорил и махал руками. Большой, загорелый, чуток пузатый и в дымину пьяный... Стрижка смешная — что-то вроде каре на пробор.

Батон и водку ему подарил какой-то социально-активный студент и велел пить ее «для тепла и храбрости».

— Очень хорошие люди здесь живут, — сказал Лука. — В прошлом году я снимал бунт черных в Лос-Анджелесе, думаешь, мне кто что поднес?

Он нравился мне до умопомрачения. Бывают такие уютные люди — с ними тут же море становится по колено. Я смотрела на него и гадала по пуговицам на его куртке: пристать, не пристать, пристать, не пристать, пристать... А вдруг он подошел ко мне только потому, что «некрасивых женщин не бывает, бывает мало водки»?

— Мне пора, меня бабушка ждет, — сказала я, поднимаясь. Нужно было уйти, пока он не протрезвел.

— Я тебя провожу, — с готовностью отозвался Лука. — А то здесь сейчас опасно ходить: кругом патрули.

У бабушки тем временем собралась вся родня. Дядя Володя пытался смотреть телевизор, чтобы «знать, что происходит в стране», но тетя Вика постоянно загораживала ему экран, а бабушка так громко описывала свои будущие похороны, что все равно ничего не было слышно.

После рассказа о случившемся Лука был принят в семью.

— Ты хоть и вражья морда, но все же порядочный человек, — говорил дядя Коля и дружелюбно бил Луку по спине.

Тот ничего не понимал, но тоже бил дядю Колю. Весь мир казался ему раем: хорошие люди рядом, государственный переворот под боком — что еще надо для счастья?

Бабушка вытащила меня в коридор.

— Женатый? — спросила она, показывая глазами на Луку.

— А я откуда знаю?

— Ну и балда, что не знаешь! Мужчинка видный: глянь, как котлеты ест — любо-дорого посмотреть.

Домой нас с Лукой никто не отпустил.

— Слышать ничего не желаю! Будете ночевать здесь! — кричала бабушка и демонстративно вынимала из уха слуховой аппарат.

Потом мы с Лукой курили на балконе. Он опять так интенсивно махал руками, что скинул вниз пепельницу.

— Знаешь, что я подумал, когда только-только тебя увидел? — шептал он заговорщически. — Что если ты не говоришь по-английски, то мне придется учить русский язык.

— А я подумала, что смешно, когда у американца стрижка «под горшок».

— То есть?

— Раньше на Руси так стригли: одевали на голову горшок и обрезали все, что торчало.

Лука посмотрелся в балконную дверь.

— На фига я хожу к стилисту?

— В следующий раз попроси меня — я тебя постригу.

— Обещаешь? Честно обещаешь, что приедешь ко мне в Лос-Анджелес и пострижешь меня по-древнерусски?

— Э-э... Обещаю.

До Лос-Анджелеса мы не дотерпели. Я так и не навестила никого из приятелей, а он пропустил и штурм «Останкино» и пожар в Белом доме.

Только потом из Нью-Йоркских газет мы узнали, что же произошло в Москве 3-4 октября 1993 года: президент Ельцин в обход Конституции распустил Верховный Совет — в ответ депутаты отстранил его от должности. Собравшись толпой, сторонники парламента попытались захватить телецентр. По ним открыли огонь: на улице осталось лежать больше сотни трупов.

На следующий день начался штурм Белого дома, где засели мятежные депутаты: по ним стреляли из танков. Обороняться не имело смысла.

Через два месяца, в декабре 1993 года, была принята Конституция, которая делала президента почти единоличным правителем страны.

ОТЦЫ И ДЕТИ

1994 г.

Пока я отсутствовала, в редакции «Miss X» назрела весьма неприятная ситуация. Стоило мне войти в офис, как Мэри отозвала меня в сторону.

— Когда тебя нет, начальство ТАКОЕ о тебе говорит!

Я отшутилась:

— Да пусть они хоть бьют меня, когда меня нет.

Но на самом деле мне было не до шуток. Два месяца назад я брала интервью у Ричарда Г. и нечаянно сболтнула ему, что статья выйдет в 15 странах. Как потом оказалось, он не давал на это разрешения. На журнал подали в суд, и хоть дело было замято, меня назначили крайней. Я не могла знать, что руководство мухлюет с правами на перевод, никто мне не говорил, что это секретная информация — но это уже не имело значения. Несмотря на протесты главреда, я была уволена.

Лука утешал меня по телефону и звал к себе в Калифорнию.

— Что тебя держит в Нью-Йорке?

Я пообещала приехать, как только дочитаю все книги, взятые в Публичной библиотеке.

Самолет подлетал к Лос-Анджелесу ночью. Море огней — от горизонта до горизонта.

«Парадное платье примадонны, — подумала я. — Черный бархат с люрексом».

Днем Лос-Анджелес поразил меня ударной жарой и бесчисленными пальмами. Никто не знал, как они называются, и я начала придумывать им свои имена: «шишка» — со стволом в чешуе, «слоновьи ноги», «дамский веер». Но больше всего мне нравились «пуделиные хвосты» — голые палки высотой с пятиэтажный дом, а на конце — веселые кисточки.

Лука все еще жил с родителями — вернее, жил-то он в командировках, а у родителей находились его тапочки и налоговые декларации.

Дом был большой, построенный еще до войны. Стены выкрашены в цвет какао, на террасе — склад стройматериалов. Как мне сказал Лука, они там валялись уже двадцать лет, потому что родители все время забывали позвонить в мусороуборочную службу.

Внутри тоже все напоминало не столько жилье, сколько гараж. Папа Джо — маленький, задорный, — любил, чтобы вещи находились под рукой. В буфете на кухне

лежали вилки, отвертки и пульты от старых телевизоров. В цветочных горшках — вешалки и фонарики. Самих цветов не было.

Мама Териса встретила меня очень радушно. Ей давно хотелось внуков, а непутевый сынок все никак не мог жениться.

— Понимаете, Мардж, — шептала она мне за столом, — он для всех знакомых — как старший брат. Каждому поможет, отдаст последнюю рубаху... Девчонки до сих пор бегают к нему жаловаться на бой-френдов. Но до вас он никого не любил.

— Мам, мне некогда было, — гудел Лука. — У меня же работа!

Териса махала на него руками.

— Работа — это когда ты в семь уже дома. А когда ты на месяцы исчезаешь — это каторга.

Официально главой семьи считался папа Джо: Лука с Терисой внимательно слушали его распоряжения, кивали и все делали по-своему. Когда-то Джо был лучшим игроком колледжа по бейсболу, но из-за травмы его спортивная карьера не сложилась. Он открыл ресторан, прогорел, потом бильярдную — с тем же результатом. Последней его страстью стали авторские куклы — он торговал ими на выставках, составлял каталоги и с грехом пополам делал 500 долларов в месяц. Териса же 20 лет подряд работала в бухгалтерии. По сути, семья жила на ее деньги, и это не давало Джо покоя. Постепенно доказывание «кто в доме хозяин» превратилось в смысл его жизни.

Пока Лука подыскивал нам квартиру, мы обитали у родителей. Поначалу Джо считал меня за гостью и вел себя прилично. Но однажды у него опять не заладилось дело с продажами. Нагруженный куклами, он открыл входную дверь, задел за косяк и помял коробку.

— Я тебе сколько раз говорил, что не надо было эту дверь менять! — завопил он на Терису. — Видишь, что ты наделала? Ты хоть знаешь, сколько эта коробка стоит?

Коробка стоила 3 доллара 25 центов. Джо орал три часа. Ему неважны были ни причины, ни следствия. Когда он кричал, он чувствовал себя Кинг-Конгом — страшным и непобедимым.

— Будешь есть? — спокойно спросила Териса.

— Муж пришел с работы — целый день нежрамши — а она еще и спрашивает! У тебя совесть есть? Все! Разведусь! С такой дурой жить — лучше удавиться!

Есть не стал и ушел в Макдоналдс.

— Ты же прекрасно знаешь, что мне жирного нельзя, — сказал Джо на прощание. — Нет, тебе обязательно нужно довести мужа до могилы!

Я вышла в кухню, чтобы утешать Терису, но она и не думала расстраиваться. Собрала разбросанные коробки, помыла посуду...

— Да не обращай внимания! — улыбнулась она, заметив мой ошалелый взгляд. — Джо всю жизнь такой.

— Мама привыкла, — подтвердил Лука, когда мы улеглись спать. — Отца все равно не переделаешь.

— Кой черт она живет с ним?

— Он любит ее. Папа только орет, что разведется. На самом деле, он шагу без нее ступить не может.

Меня всю трясло.

— Он ведет себя, как будто ему 6 лет! Взрослый мужик, скоро на пенсию, а чуть что не по его — сразу в крик.

— Ну вот видишь — как она его бросит?

Любить и нуждаться в ком-то — это совсем разные понятия. На любовь «возьми!» способны только взрослые люди; в любви «дай сюда!» всегда есть что-то детсадовское. Кто-то вырастает из детских штанишек, кто-то нет. И тому, кто не вырос, — главное, найти мамку, которая согласится вытирать за ним сопли.

На самом деле и Джо, и Терису все устраивало. Скандалы давали папику дозу «уважения», а Терисе — дозу «любви». Раз он орал — значит, ее «ребенок» нуждался в ней. И она бежала на помощь.

ШКОЛА БИЗНЕСА

1995 г.

Лука зарабатывал много, но жить только на мужнину зарплату мне не нравилось. Душа просила собственных денег и достижений.

Лука предлагал устроить меня в один из многочисленных журналов, с которыми он сотрудничал. Я отказывалась. Работать на дядю я уже не могла: обжегшись на молоке, дуешь на воду.

Единственной альтернативой был свой бизнес. Но я выросла в стране, где деловая активность приравнивалась к растлению малолетних. Это засело в подкорке, в спинном мозгу: торговать — стыдно! Нужно все раздавать с изяществом графини Ростовой: «А, забирайте, на что глаз ляжет! Сдачи не надо». И равнодушно ронять в снег соболью шубку.

Между тем интересные идеи шли косяком.

Строить планы обогащения я любила в компании Сэнди — веселой камбоджийской девицы, жившей в соседнем доме. Тысячи долларов нас не интересовали — мы хотели зарабатывать миллионы. Почти каждый вечер мы садились на диван, обхватывали руками подушки и начинали мозговой штурм:

— Давай откроем сеть кафе рядом с университетами. Назовем "Прогульщики". У нас все студенты зависать будут.

Глаза Сэнди округлялись от восторга.

— А во время лекций будем давать скидки: «Тот, кто прогуливает занятия у нас, получает кока-колу бесплатно!».

Разумеется, ни черта мы не открыли. Придумать концепцию — это запросто, а вот сражаться с системой общепита, выбивать сертификаты и лицензии... Ну на фиг!

— А что насчет банка спермы? Назовем «Семена героев». Солдат тысячами шлют на войну, они могут не вернуться, а если они оставят нам по баночке спермы, то у них будет шанс на бессмертие. К тому же представляешь, сколько патриотов захотят родить от героев?

— Давай лучше издавать аудио-журнал для бизнесменов. Права на статьи будем скупать у крутых СМИ. Бизнесмены — люди занятые, им читать некогда, а так они будут сидеть в пробках и слушать наш журнал. По-моему, очень удобно.

Что нам мешало воплотить это в жизнь? Бизнесумен — это состояние души. Если ты хочешь заработать миллион, ты должна верить, что ты стоишь миллион. А мы с Сэнди в глубине души считали себя дешевками — отмытыми, временами привлекательными, но все же дешевыми иммигрантскими попрыгушками.

Как-то раз мы с ней забрели в ресторан. Через 10 минут к нам подсел арабский дедок в ковбойской шляпе и стал рассказывать о том, что он только-только вернулся со своих нефтяных промыслов.

Все это мы тысячу раз проходили: такие дедки притворяются, что интересуются тобой, а на самом деле не в состоянии запомнить твоего имени. Единственное, что им нужно, — это лишний раз удостовериться, что они еще «ого-го!»

— Вы, наверное, фотомодели, — сказал дедок. — Хотите, я вам съемки в Playboу организую?

Мы возмутились:

— Бог с вами! Я — журналист!

— А я — социолог.

И тут же вывалили на бедную ковбойскую голову список наших достижений.

Дедку стало скучно и он ушел.

Осадок от этого был — как от плевка на туфле. Не потому, что журналист и социолог не заинтересовали его, а потому что мы — две идиотки — начали доказывать ему, что мы сами — ого-го! А раз надо что-то объяснять, то уже ничего не надо объяснять.

Вот в этом-то вся загвоздка и была: мы не могли отважиться ни на какой серьезный шаг, потому что сами не верили в себя и очень боялись, что это заметят окружающие.

В КРУГЕ ПЕРВОМ

1975 г.

Мать Сэнди — маленькая, бойкая, крикливая, — командовала прачечной на соседней улице. Где-то раз в месяц Сэнди скреблась в мою дверь.

— Мамка сегодня опять не в духе — газетой дерется.

Она оставалась ночевать, и мы трепались до утра — о друзьях, мужиках и о наших странах.

У ее родины было впечатляющее прошлое — когда-то империя Кхмеров простиралась почти на весь Индокитай. Но солнце Камбоджи закатилось в 15-м столетии. Тайские воины на боевых слонах растоптали империю.

Три века средневековой тьмы сменились веком колониальным. Французы выторговали Камбоджу у тайского короля как связку бананов. А потом пришли бледнолицие люди с пушками — высшая раса, японцы. Но и их сдуло ветром перемен.

Независимость 1953 года, дележки престола и портфелей... США с Советским Союзом перетягивали страну каждый на свою сторону: американцы — чтобы громить соседний Вьетнам, русские — чтобы прикармливать Вьетконг¹. Оружие и деньги потекли в Камбоджу и унавозили почву до такой степени, что началась гражданская война.

Правительство шаталось, граждане не знали, куда бежать и где прятаться.

В 1975 году к столице подошло войско товарища Пол Пота — тихого человека с мертвыми глазами. Дранные штаны, соломенные шляпы, на груди — автомат советского производства — Красные Кхмеры!

Пол Пот верил в коммунизм и немногого желал для себя. Он хотел сделать народ счастливым. Первым делом приказал выгнать жителей из городов. Ибо доподлинно

¹ Вьетконг — военно-политическая организация в Южном Вьетнаме в 1960-1977 годах, занимавшая анти-американскую позицию.

известно — в городах все зло: деньги, торговля и дух эксплуатации. Людям сказали, что американцы собираются бомбить жилые кварталы и нужно срочно уезжать в деревню. Через несколько дней дороги были запружены беженцами. Это был еще один способ подчинить себе население: еды у городских не было и они вынуждены были идти на службу к Красным Кхмерам: за горсть риса, за глоток воды для детей.

Мать Сэнди вместе с другими женщинами попала в деревню, в загон, где держали буйволов. Их разделили на трудовые бригады и отправили на рисовые поля. Лекарства — запрещены. Чтение — запрещено. Смотреть невесело тоже запрещается. Наказание одно — смерть.

Сезон посадки риса всегда совпадал с новым витком террора. Начальство составляло списки: жены бывших военных, родственницы вьетнамцев, агентши империализма... Отобранных сгоняли во двор — вместе с детьми, кормили до отвала, потом сажали на телеги и увозили. Оставшимся говорили, что это перевод в другую деревню. Но все знали, что пункт назначения — общая могила в джунглях.

Надсмотрщиками на рисовых полях были дети — двенадцати-тринадцати лет. Их еще не успела разлупить буржуазная бесовщина, и потому Пол Пот доверял им. Мама Сэнди помнила такого мальчика — гладил автомат, как кошку. А у самого сопля до губы.

Когда режим пал, непонятно было, что делать с этими зверенышами. Под уголовную ответственность они не попадали — как-никак несовершеннолетние (с послужным списком в сотню трупов). Сейчас им по сорок с копейками лет. Ничего — живут себе спокойно.

Мальчики-надсмотрщики как-то поспорили на заключенных: кто выиграет, получает команду противника для расстрела. Мать Сэнди трое суток пряталась среди трупов. Там же, на раскисшем от воды поле, родила дочь.

Потом было бегство в Тайланд. Ночами, когда стражи революции спали, сотни теней выходили из джунглей и брели на северо-запад, к спасительной границе.

Оттуда по беженской квоте Сэнди с мамой попали в США.

Через три года вьетнамские войска сковырнули Пол Пота, и он со своей дрянной армией отступил в джунгли. За время правления Красные Кхмеры истребили четверть счастливого народа Камбоджи.

Пол Пот умер, сидя под домашним арестом: его соратники решили, что с них хватит причуд старичка и заперли его под замок. Все, что от него осталось — это десятки тысяч

мин на рисовых полях, на которых до сих пор подрываются буйволы и деревенские ребяташки.

ЖЕНИТЬБА

16 декабря 2005 г.

Я долго думала, в чем мне пойти на свадьбу. Фасон первого свадебного платья я подглядела на пластинке «Царевна-Лягушка» — с боярскими рукавами и стоячим воротником. Перед самой церемонией Леля погладила мне подол и оставила рыжий треугольный след на самом неприличном месте.

— Не расстраивайся! — утешала меня мама. — Мы сюда бантик пришьем. Или передничек повяжем: ничего не будет видно.

Но ни банты, ни передники не вписывались в боярский стиль и я до вечера проходила с букетом, загораживая «срамоту».

С Лукой мы женились в футболках, на которых были нарисованы свадебное платье и костюм. Было очень удобно — при калифорнийской жаре.

В третий раз я выходила замуж в смокинге — точно таком, как у жениха.

— Всю жизнь ощущала себя мужчиной, — говорила я будущей свекрови. — Мы с Максом решили, что мне необходима операция по смене пола: только это отделяет нас от подлинного счастья. Обещайте, что будете называть меня «сынок»! Это нас так сблизит!

Наряд для четвертой свадьбы у меня так и не придумался. В конце концов я решила ограничиться значком на лацкане: «Отличник культурного шефства над ТМ». «ТМ» означало тамбовскую милицию, но я расшифровала надпись по-другому: «Отличник культурного шефства над текущим мужем».

По дороге в Лас-Вегас мы с женихом поругались. Все началось невинно: Зэк рассказывал мне про родителей — немецких иммигрантов, перебравшихся в Новую Зеландию.

— Это все дедушка устроил, — сообщил Зэк. — Он был удивительным человеком — героем войны, летчиком. У нас до сих пор его ордена хранятся.

Я напряглась.

— Прости, а за что ему дали ордена?

— Ну я же тебе говорю! Он во время Второй мировой на Восточном фронте был. Двадцать шесть русских самолетов сбил. О нем даже в газете писали.

— Фашист был твой дедушка! — разъярилась я.

Мы подрались, и Зэк огреб и за Минск, и за Смоленск, и за каждый из дедушкиных орденов. Нашим, правда, тоже досталось: враг оборонялся, и я получила фотоаппаратом по лбу.

— Капитан, тут драка! — орала стюардесса, пытаюсь нас разнять. — Вызовите полицию к трапу!

Заслышав о полиции, я тут же утихомирилась.

— Это мы играем.

— Репетируем, — подтвердил Зэк. — Я вообще-то актер. Вы смотрите сериал «Скорая помощь»? Я там под капельницей умер.

— Мы жениться едем.

В качестве доказательства я обняла Зэка.

Стюардесса посмотрела на нас как на больных, но про полицию больше не вспоминала.

— Не пойду за тебя! — шипела я. — Кевин меня не предупреждал, что ты нацист.

— Я не нацист, я дедушку люблю! — отозвался Зэк.

Отказываться от свадьбы было жалко. Я уже запланировала, как буду хвастаться перед Мелисской новым мужем. К тому же я заказала по интернету свадебный экипаж: настоящую карету, кучера и пару скакунов — серых в яблоко.

Мысль о свадебном экипаже волновала меня с юных лет. Бабушка рассказывала, как она ехала расписываться на лучшем мерине города Порхов. Мерин был старый, но парторг написал на его шкуре «Вперед к коммунизму», и это сразу придало лошадке презентабельный вид.

— Замуж надо не выходить, а выезжать, — учила меня бабушка. — Чтоб люди взглянули и подумали: «Ну и королевшна!»

Я посмотрелась в карманное зеркальце: из-за шишки на лбу я стала напоминать молодого единорога. Зэк молчал: наверное, думал о депортации.

— У меня вообще-то сюрприз для тебя заготовлен, — сказал он мрачно. — Чтобы свадьба надолго запомнилась. Что с ним делать будем?

Я подумала еще чуть-чуть.

— Хрен с тобой. Замуж выйду, сюрприз получу и все — чтоб духу твоего рядом не было!

Зэк благодарно шмыгнул носом.

— Прости за шишку. Я не хотел.

Мы закатились в Свадебное Бюро графства и получили лицензию на брак.

Я сверилась с часами: было без пяти восемь.

— Пошли, сейчас будем кататься в карете, — сказала я мужу. — Я заказала нам самых навороченных скакунов Лас-Вегаса.

Зэк тоже посмотрел на часы.

— А куда ты хочешь поехать?

— Без разницы.

— Тогда поедem к моему сюрпризу. Я его на девять назначил.

В этот момент зазвонил мой сотовый. Это был Кевин.

— Ну что, поженились? Слава тебе, господи! Мардж, а у меня есть подарочек для вас. Вы ведь в Свадебном Бюро, да? Сидите там и никуда не уходите! Сейчас за вами придет Элвис.

— Кто?

— Король рок-н-рола! Я вам свадьбу заказал: «Элвис и гавайские гитары». Элвис, конечно, ненастоящий, но говорят, очень похож. Он вам споет «Вива Лас-Вегас» и «Гавайскую свадебную». А еще будут танцы живота, шампанское, церемония в часовне и лимузин.

— В жопу лимузин! У меня будет карета!

— Церемонию тоже в жопу! — встрял Зэк. — Я Мардж обещал сюрприз в девять часов!

У выхода нас ждали две танцовщицы в гавайских юбочках, король рок-н-ролла, лимузин и кучер с кобылами.

— Пресли к нам в карету, баб — в лимузин, — распорядился Зэк и продиктовал кучеру адрес. — Элвис, затягивай «Гавайскую свадебную»!

Огни рекламы, роскошные казино, дикие пробки... Водители высовывались из окон, чтобы лично обматюкать наших лошадей.

— Куда вы с каретой претесь?! — вопил осипший полицейский. — Поворачивай, поворачивай!

— Зато весь Стрип¹ в курсе, что мы только что поженились! — радовался Зэк. У него было отличное настроение.

Наконец мы выехали из туристического района.

— Та-дам! — пропел Зэк, показывая на вертолет на взлетной площадке. — У нас будет свадьба в небе над Лас-Вегасом. Элвиса и баб берем с собой!

¹ Стрип — главная улица Лас-Вегаса, вдоль которой расположены казино.

Нас загрузили в вертолет, выдали наушники и целых 12 минут катали.

Ночевали мы в роскошном «Венишене». Я все поглядывала на Зэка и пыталась угадать: будет у нас секс или нет. Новый муж вышел из ванной в трусах — у меня аж сердце забилось.

Легли на кровать — каждый со своего краю.

— Ну тебе хоть понравилось выходить замуж? — спросил Зэк.

Я кивнула. Супруг лежал поверх одеяла. Пресс, бицепсы... Ы-ы-ы!!!

— Зэк, выключи свет... А то глаза режет.

Он щелкнул кнопкой настольной лампы. Я повернула голову и чуть с кровати не упала: на Зэковых трусах проступили фосфорицирующие динозаврики.

— Ты что, читать под одеялом собрался?

— Не, это я расставил маяки.

Секс был. И все было хорошо.

МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ

19 декабря 2005 г.

И все-таки разница в возрасте чувствуется. Меня никак не покидает ощущение, что я завела себе «бой-френда», от слова «бой»¹.

Он верит в светлое будущее, я не верю даже в прививки.

Он считает приспущенные штаны классикой обольщения.

Он не знает, что значит слово «остеохондроз».

Он думает, что я профукала свою жизнь и постоянно пытается мне помочь.

Особенно после секса.

— Мардж, давай сделаем из тебя всемирно известного писателя!

Я растягиваю послевкусие разврата.

— Давай.

Записывайте меня хоть в писатели, хоть в Красную армию, хоть в библиотеку. Лишь бы мне никуда не надо было идти прямо сейчас.

Зэк воодушевляется.

— Вот смотри, тебе нужно написать книгу, издать ее и как следует раскрутить. Ты отправишься в гастрольный тур по стране и каждый месяц будешь проводить как минимум десять встреч с читателями.

¹ Мальчик (англ.)

Я поправляю одеяло на груди.

— Можно мои читатели будут встречаться без меня? Мне так лень куда-либо ехать!

Зэк озадаченно чешет в затылке.

— А что если тебе податься в актрисы? Хочешь, я поговорю с нашим звукорежиссером? Он все плачется, что не может найти голос для озвучивания убийства.

— Кого убивают?

Зэк запинается.

— Самку павиана. Понимаешь, там будут браконьеры и они нападут на колонию...

Но это только для начала!

Надо попросить Мелиссу погадать нам на картах. Все-таки интересно, кто из нас кого бросит: я Зэка или он меня.

РЕВИЗОР

20 декабря 2005 г.

Мелисса Зэка не одобрила. Пришла в гости, посмотрела...

— Зачем он тебе сдался? Такая аура бывает только у бомжей и прокуроров. Знаю я эту породу — с ними поведешься, потом все чешется! А ты его у себя поселила!

— Он умный и красивый.

— Мне неинтересно, какой он. Я спрашиваю, чего ты от него ждешь?

— Я люблю окружать себя привлекательными людьми.

В ответ на это Мелисса опять заявила, что я ненастоящая женщина.

— Это мужская психология: искать в ближних эстетику. Женщины ищут в мужиках пользу, и если бы это было не так, то род человеческий давно бы вымер.

Я — тупиковая ветка эволюции.

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

21 декабря 2005 г.

Три дня назад мне позвонила бывшая начальница — Триш Пойнтер, главред «Miss X».

— Слушай, ты ведь литагентским бизнесом занимаешься, да? А я как раз книжку написала. Хочешь меня представлять?

Предложение звучало заманчиво. Триш писала блестящие статьи: пожалуй, это было лучшее, что я читала из публицистики.

— Давай встретимся и все обсудим. Ты в Нью-Йорке?

— В Мемфисе.

Тришка долгое время была моей тайной страстью: она была настолько умна и талантлива, что я аж поскуливала от зависти, читая ее статьи. Ее трудно было назвать идеальной начальницей. Она орала на подчиненных, являлась на работу с похмелья и дымила как Фидель Кастро. Женственности в ней было не больше, чем в лопате. Тем не менее личная жизнь ее протекала весьма бурно. Мы по очереди водили ее секретаршу в ресторан, и та выбалтывала нам подробности.

Большинство девушек в нашей редакции не задерживалось. Глупых Триш уничтожала на месте, а красивых медленно травила. Однажды на Рождество генеральный провозгласил знаменательный тост: «Выпьем, девчонки, за ваш ум. И еще за красоту — какой бы она ни была».

Сблизились мы следующим образом:

Я уже уходила домой, когда в редакцию вломилась взмыленная Триш.

— Там! На улице! У мужика лиса и енот в клетках! И еще медведь на цепочке! Он их мучает!

Я подхватила сумку, и мы помчались на помощь.

Куда смотрели полиция и всевозможные «зеленые» — бог весть, но факт оставался фактом: у входа в Пенн Стэйшн сидел пьяный бомж и выклянчивал деньги на «лечение зверей».

Тришка спикировала на него как истребитель.

— Это подло — эксплуатировать животных! Тем более, когда они не могут ответить вам тем же!

Глазки мужика с нежностью смотрели друг на друга: ему было хорошо.

— Отпустите их! Вы слышите?! — крикнула Триш. — Мы из полиции!

Бомж сфокусировался на ее лице.

— Бля-я-я...

И выронив поводок, побрел прочь.

— Стойте! — завопили мы.

Ситуация была хреновая. Мы стояли посреди города с лисой, енотом и медведем и понятия не имели, что нам делать.

— Побудь здесь, а я найду телефон-автомат, — сказала Триш. — Пусть их заберут в зоопарк.

Но я запротестовала:

— Не бросай меня! Я не справлюсь с ними одна!

Медведь — тощий подросток со скатавшейся шерстью, — заурчал и двинулся к нам.

— А-а!

— Держи его!

Лиса заметалась в клетке, енот заскулил.

Разумеется, ни в одно такси нас не взяли.

— Вы бы еще с коровой пришли! — ворчали водители.

Триш порылась в записной книжке.

— Кажется, Конни живет недалеко, — вспомнила она. — Идем к ней, а там разберемся.

Я взяла лису, Тришка — енота, а медвежью цепочку мы решили продеть под ремни наших джинсов.

— Вместе мы больше весим, — сказала Триш. — Нас двоих он не своротит.

Медведь нам попался на редкость мощный. Мы протащили его сто ярдов, а потом ему захотелось на дерево.

Как мы орали, когда он потянул нас за собой! Отцепиться было невозможно — в руках у нас были клетки.

— Не бросай лису! — вопила Триш. — Она может ногу сломать!

Спасли нас проезжавшие мимо пожарники: медведя сняли с дерева и вместе с лисой и енотом сдали в приют для животных.

— Пошли ко мне, выпьем рому, — позвала Триш, когда все уже было позади.

Так мы и подружались. Потом, когда я переехала в Лос-Анджелес, я потеряла ее из виду. Несколько раз пыталась созвониться, но безуспешно, а потом оказалось, что Триш вообще бросила журналистику и уехала на родину пенсионерствовать.

Город Мемфис поразил меня обилием церквей и негритянок в фиолетовом.

Местные церкви выполняют самые разнообразные функции — от душеспасительных до физкультурных — у них при храмах есть и спортзалы, и детсады, и даже дискотеки. Что ни возьми — все находится под божественным присмотром.

В отличие от Калифорнии, народ в Мемфисе одевается по-модному. Особенно черные. Наши тетки нацепят на себя майку со штанами и вперед; а тут все в костюмах (большой частью фиолетовых). По воскресеньям у них вообще показ мод: к Богу на прием в чем попало ходить нельзя — может неправильно понять.

За время, что мы не виделись, Тришка умудрилась похудеть, помолодеть и выщипать брови.

— У меня теперь муж, — хвасталась она. — Нормальный! Даже посуду мыть умеет!

— Где взяла?

Тришка немного смутилась.

— В виварии... Там, где крыс подопытных разводят. Понимаешь, здесь есть детский госпиталь Сент-Джуд: они такие технологии разрабатывают, что у них излечимость рака почти 80 процентов. А раньше выживал один пациент из пяти.

— И что, твой муж разводит лабораторных крыс?

— Знаешь, как ему их жалко! — шмыгнула носом Триш. — Но они для дела умирают!

Было видно, что ей нелегко согласовывать гринписовские принципы и профессию мужа.

— Я решила, что мне надо что-то сделать для восстановления равновесия в природе, — сказала Триш, когда мы прибыли к ней домой. — Сегодня я тебя кое с кем познакомлю. Иди в душ, потом будем завтракать, а потом поедем.

Триш подвезла меня к сооружению, построенному в египетском стиле: на стенах — фрески с фараонами, перед входом — скульптуры.

— Пошли! — скомандовала она. — Только не падай, когда увидишь ЕГО. Это такой самец — одна рожа чего стоит! А мускулы! Я никогда в жизни не видела таких мощных рук.

Я подозрительно покосилась на нее.

— погоди... А как же муж?

— Он одобряет. Он даже рад, что мне есть чем заняться. Да ты сама в НЕГО влюбишься, как только увидишь!

Триш оказалась права — я впечатлилась по полной программе. Здание с фараонами оказалось зоопарком, а ОН — самцом гориллы по имени Гоблин.

— Во зверюга, да? — хохотала Триш. — Я уже три года работаю с ним — кормлю, убираю, экскурсии провожу. Думаю, это компенсирует то, что делает Майк, да ведь?

Вечером мы отправились в ресторан праздновать день рождения Майка. Тришкин муж был полной противоположностью ее нью-йоркским бойфрендам: здоровым, добродушным и ничего не понимающим в искусстве. На все крики и метания жены он реагировал ухмылкой, а когда она особенно кипятилась, поднимал ее и переносил в другое место — охладиться. Тришка возмущалась, но было видно, что ей нравится насилие над личностью.

— А какую песню поют русские на день рождения? — спросила Триш, когда официанты принесли торт со свечкой.

Я задумалась.

— «Пусть бегут неуклюже...»

— Спой!

Пришлось грянуть песню.

— Какая-то она у вас не очень веселая.

— Она подходит к русскому менталитету, — отозвался Майк. — Представь себе: бескрайняя равнина, боевой конь и певец в седле...

— Ты не поверишь, но этот певец — крокодил с гармошкой.

За целый день мы так и не удосужились поговорить о деле. И только когда я пошла спать, Триш заглянула в мою комнату.

— Если фигня — так сразу и скажи, — буркнула она, вручая мне рукопись.

Я пробежалась глазами. Это был сборник детских стихов про крыс и мышей. На титульном листе стояло посвящение: «Всем невинно убиенным во имя науки».

Стихи были чертовски хороши.

ПОСТОРОННИЙ

23 декабря 2005 г.

Странная штука — бывшая любовь. Душа уже давно чистая и белая как выстиранная наволочка, а привычка к любви осталась: вот и звонишь, непонятно зачем, общаешься, подписываешь открытки...

Я все думала: что бы написать Кевину на это Рождество? По традиции хотела сказать что-нибудь искреннее и доброе. Но сочетать одно с другим уже не получается.

Написала: «Дорогой Кевин! Поздравляю тебя с Рождеством и желаю осознать, какой ты дурак, что упустил свое счастье. Здоровья тебе, гадина: живи сто лет и каждый день рви на башке волосы и посыпай то, что останется, пеплом.

Уже давно не твоя,

Мардж».

Разумеется, не отправила. Только открытку зря испортила.

Сегодня встретились на Санта-Монике: у Кевина был обеденный перерыв, а я так — мимо пробегала. Обоим хотелось послать друг друга в жопу, но вместо этого мы стали обсуждать новости.

Кевин очень переживал за судьбу родственников Саддама Хуссейна:

— Что ни день, так сообщение: убит кузен, ранен дядя. Такое впечатление, что их всех либо переранили, либо перебили, и даже в большем количестве, чем было.

Я не выдержала и сбежала первой. С горя купила себе два наряда вне очереди.

Хорошо, что у меня есть Зэк.

ГОСПОДИН ИЗ САН-ФРАНЦИСКО

1996 г.

Жизнь с супругом № 2 не заладилась с самого начала.

Каждые три месяца Лука уезжал в командировки и каждый раз — на войну. Я иступленно ждала его, пытаюсь не бояться неурочных звонков и официальных конвертов. На висках появилась первая седина.

Для меня любовь означала близость — не только абстрактную, но и фактическую. Для Луки она равнялась письмам «с фронта». Он получал все, я — ничего. Как мозоль сначала кровотоцит, а затем покрывается твердой коркой, так зарубцевалась и моя любовь.

Я все еще инстинктивно боялась разрыва. Но стоило мне представить, что так будет всегда, и мне хотелось мстить за погубленную молодость.

Отношения с Лукой треснули окончательно после того, как он попал под автоматную очередь в Чечне. Четыре месяца провалялся в больнице — из башки провода торчат, из рук — трубочки: киборг на ремонте да и только.

И хоть бы жизнь его чему научила!

— Мардж, ты не поверишь! В Перу захвачено пятьсот заложников! Ох, мне туда надо!

Я вопила, что не могу каждый день ждать похоронки, что мне нужен муж, а не герой фольклорного эпоса... Лука смотрел на меня глазами несчастного спаниэля: «Как это нельзя на охоту? А как же дичь? Как же вольные пампасы?»

Не знаю, зачем мы поехали в Тайланд. Наверное, каждый в глубине души надеялся, что еще не все потеряно.

В самолете я смотрела на храпящего рядом мужчину. На пузе газета с дикими заголовками, на лице — улыбка. Во сне он наверняка делал историю.

Мы тянули в разные стороны: мне хотелось затащить его в свой кофейно-литературный мир, где подвигом считался поход в спортзал. Лука мечтал о танках, истребителях и минометах.

Эх, эх... Шило из задницы врачи ему так и не удалили.

На курортном Пукете Луке не понравилось. Он покатался на слонах, откушал лобстера и заказал в ателье ненужный костюм.

— Джонни, — сказала я нашему гиду, — отведи его на экстремальный стриптиз. А то он весь отпуск будет CNN по телику смотреть.

Джонни сообщил Луке, что его ждет в местных притонах. Глазки у супруга загорелись, щеки разрумянились.

— Чего, бритву прямо ТУДА сует?

— И курит ею, курит!

— Идем! — воскликнул Лука и побежал переодеваться.

Я до самого последнего момента надеялась, что он никуда не пойдет. Он пошел.

Жизнь была таким говном, что ни в сказке сказать, ни совочком убрать. С Лукой надо было расставаться — нам было очевидно плохо вдвоем. А если расставаться, то чем жить дальше? Я представила себе, как буду приходить в пустой дом и включать погромче телевизор, чтобы слышать хоть чей-то голос... Впрочем, разве я не делала этого в течение последних трех лет? Лука вечно был в командировках — так что изменится?

«Мне некого будет ждать — вот что», — в тоске думала я.

Купаться по ночам было запрещено, но я все равно пошла: очень хотелось погибнуть при невыясненных обстоятельствах. Свет из окон гостиницы доходил только до середины пляжа, а дальше был черный провал — только слышался шелест волн.

Море я нашла наощупь. Потрогала ногой водичку. Сердце билось как колокол: сейчас нырну и пропаду! Луке даже некого будет опознавать в морге.

Размазывая слезы по лицу, я стянула майку, расстегнула шорты и голышом ринулась в воду.

У меня хватило смелости только на то, чтобы макнуться и, трясясь от ужаса, выбежать на берег. И тут я поняла, что не могу найти одежду.

Бог ведает, где я ее оставила: кругом была тьма — хоть глаз выколи. Перспективы вырисовывались очень неприятные: в отель не войдешь (в Тайланде с порнографией строго), фиговых листков вокруг не имеется... Я представила, как буду сидеть тут — голая и несчастная — до утра.

Ощупью я нашла шезлонг и легла. О, боги, сигарету мне, сигарету... И яду! И еще, пожалуйста, дайте яду Луке, и Джонни, и портье в фойе отеля. Если бы портье отключился, я бы успела прошмыгнуть в номер.

— Чудесная ночь! — Какой-то мужик плюхнулся на соседний шезлонг.

— Ага. Зашибись какая.

— Мардж! Вы?

Это был Макс — мы с ним сидели за одним столом за завтраком. Кажется, он был каким-то предпринимателем из Сан-Франциско.

— Что же это вы тут делаете одна? Где муж?

— Пошел по стриптизершам.

— Хм... А вы?

— А я тоже решила подготовить номер стриптиза. Вот, репетирую на свежем воздухе.

Только тут Макс заметил, что я голая.

— Не пяльтесь зря, — проворчала я. — В такой темноте все равно ничего интересного не видно. Лучше принесите мне полотенце и сигареты. Ужасно хочется курить.

Сложно было сказать, сколько Максу лет. Смуглый, тощий, гибкий — на дискотеке он зажигал так, что парни вынуждены были оттаскивать от него своих обалделых подруг. Волосы зализывал гелем, посасывал вонючие сигары, тайцам давал большие чаевые. Будь мне 15 лет, я б непременно влюбилась.

— Я взял вам «лайт». Подойдет? — спросил он, вернувшись.

Я мысленно прокручивала возможные сценарии: поведать ему о горе; поговорить о вечном; послать в жопу и заявить, что я ненавижу мужиков...

— Пойдем изменять моему супругу, — сказала я наконец. — И давайте сделаем это громко. Пусть мне обзавидуются все женское население отеля.

Лука расстроился, когда с утра я сообщила ему новость: по возвращении в Штаты мы разводимся.

— Ты что, влюбилась в этого... из соседнего номера? — тихо спросил он.

Я нервно бегала по комнате — все мосты сожжены, отступать некуда.

— Нет. Я не влюбилась. Я просто должна оторваться от тебя.

Мне казалось, что у меня по всему телу проступают отпечатки рук Макса.

— Но как же ты будешь одна?

— Выйду замуж. Я уже придумала за кого: за фиолетового телепузика. Он идеально подходит к занавескам на кухне.

Лука не удерживал меня, и в тот же день я вылетела в Бангкок. Смотрела в иллюминатор: «Я воздушный шарик. Я оторвалась и улетаю в небо».

А в голове крутилась песня: «Ты знаешь, мне грустно в небе без тебя».

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ МИСТЕРИЯ

25 декабря 2005 г.

Рождество. Потоки людей вливаются в освещенные двери церкви. Стекло, бетон и скоростные лифты. Хрустальный Собор — самый большой храм в штате.

В карманах наших с Зэком курток спрятано пиво с подведенными к нему трубочками. Время от времени мы прикладываемся к ним и с каждым глотком становимся все веселее и набожнее.

Пи-Пи держит за одну руку меня, за другую — Зэка и качается, поджимая ноги.

— Тоже хочу пива, тоже хочу, тоже хочу!

Зэк сдуру похвастался перед ней нашим изобретением и Пи-Пи уже выторговала себе дядькин плеер и мои бусы.

Задабривать ее удастся ровно на десять минут.

Мы входим в храм, и она забывает про свой черный бизнес. Хрустальный Собор огромен, как олимпийский стадион. Роскошная сцена, телекамеры... Жидкокристаллические экраны демонстрируют то оркестровую яму, то ликующих прихожан.

Хор в сотню голосов ахает гимн. От изумления Пи-Пи роняет жвачку.

На сцену выходит священник — звезда религиозного телеканала.

— Братья и сестры! Сегодня мы собрались для того, чтобы отпраздновать великое событие. Чтобы вспомнить, как две тысячи лет назад раздался чудесный детский крик...

— ХОЧУ ПИИИИИИВАААААААА! — на весь зал.

Таких оваций, наверное, не срывал даже папа Иоанн Павел II.

СЕСТРА ЛЕЛЯ

30 декабря 2005 г.

Леля не любит Зэка. Говорит, что на порог его не пустит, если я приведу его с собой.

— Блядствуй сколько хочешь, только не в нашем доме. У меня как-никак ребенок. На ребенке-Джоше уже проб негде ставить, он с шестнадцати лет по девкам гуляет. А мой муж — законный. Но это Лелю не колышит: она всегда была эгоисткой и козой.

Я не могла простить Леле самого факта ее рождения. Она ворвалась в мою жизнь и начала лишать меня мамы, кукол и желтого горшка с цветком.

На прогулке Лелю — как младшую — сажали под капюшон коляски, а меня — в ноги, на солнышко. За это Леля всегда получала по шее.

— Мы тебя на помойке нашли! — шептала я, когда родители, поцеловав нас на ночь, уходили в другую комнату.

— Неправда! — кричала Леля.

— Ну ты глянь на себя в зеркало — ты же больше на Жулю похожа, чем на кого-либо из нас!

Жуля была соседской пуделихой.

— Зато во всех сказках младшие сестры выходят замуж за принцев, а старших никто не берет! — мстила Леля.

— Вот щас как дам по башке!

— А я как заору, и тебе ремня всыпят.

Я выливала ей в волосы белый клей, чтобы ее побрили налысо, она тырила из моей сумки проездной, чтобы меня оштрафовали. Мы самозабвенно дрались, рыдали в мамины колени и от безысходности мирились.

— Будешь домик под столом строить?

— Бу-у-уду!

Научившись читать в пять лет, я с головой ушла в книги и каждую ночь пересказывала Леле прочитанное. В результате она пошла в школу, не зная ни одной буквы, но зная содержимое всех детских библиотек в округе.

В классе Леля снискала себе репутацию девочки-вамп. У нее тут же появились хахали, которых она беззастенчиво пользовала. Она открывала платные курсы курения в женском туалете и бесстыже врала завучу, что школьное платье «так и продавалось» с короткой, чуть ниже попы юбкой.

Как-то раз классная поймала меня на улице и показала на Лелю, гуляющую по карнизу.

— Твое?

— Мое.

— Вот иди и разбирайся с ней! А то обоим замечание в дневники напишу.

Единственным, кого Леля любила в то время, были звери. У нас в доме жили четыре черепахи: Жозефина, Одетта, Пенелопа и Аглая. На панцире каждой Леля написала их инициал, а потом составляла из черепах слово «ЖОПА».

Еще у нас были рыбки, крысы, кошки, а также пуделиха Жуля Вторая.

Однажды Леля притащила домой клетку с породистыми и чрезвычайно горластыми курами. Мама выставила их на лестницу.

— Мне курятник в доме не нужен!

Леля забрала свое зверье и ушла, хлопнув дверью. Через час нам позвонили соседи:

— Ваша дочь устроила в лифте зоопарк. Мы вызываем кабину, а там куры!

Мама залила горе валерьянкой и согласилась пустить кур в дом. Впрочем, они у нас жили недолго. В их коллектив затесался крайне озабоченный петух, который всегда хотел секса. Возбуждаясь, он начинал вырывать дамам перья, отчего они переохлаждались и дохли. Петух тоже вскоре помер — жить без секса он не умел.

ЛЕЛИНА ЛЮБОВЬ

1984 г.

Когда я доучилась до второго курса, я поняла, что мне нужна своя квартира. Таскать мальчиков к нам домой было совершенно невозможно: мама разговаривала с ними о саженцах, а папа вообще доводил до припадков. Стоило мне закрыться с очередным кавалером, как он подходил к двери, громко топал и многозначительно сопел.

— Пусть знают, что я все время начеку!

Все лето я работала как проклятая и накопила на съем частной квартиры.

Моя новая обитель пахла покойными старушками и не имела ванной, но зато там не было папы с мамой.

На новоселье я пригласила всех друзей и друзей друзей. Стола у меня не было, еды тоже, поэтому водку мы пили на газете, расстеленной на полу.

Было весело и жарко. Всем хотелось целоваться, но тогда публично лобызаться могли только жених и невеста.

— Давайте, что ли, кого-нибудь поженим, — предложила я, втайне надеясь, что женить будем меня и Пьющенко.

Чтобы определить новобрачных, мы затеяли игру в бутылочку. Жениться выпало Леле и тихому юноше, имени которого никто не знал. Впоследствии выяснилось, что это был мой сосед снизу, который пришел ругаться из-за громкой музыки. Входная дверь была открыта, он заглянул в комнату и тут все заорали: «Жених!»

Свадьба была почти настоящая. Пьющенко, как самого бородатого, назначили попом.

— Венчается раб божий... Как тебя звать, раб? Коля? Венчается раб Коля с рабой Лелей...

Дальше Пьющенко слов не знал и понес отсебятину про рабовладельческий Рим и восстание Спартака.

— Но к вам это не относится, — заключил он. — Мы — не рабы; рабы — не мы. Горько, товарищи!

— Горько! — завопили мы.

За отсутствием колец Коля с Лелей обменялись резинками для волос, и жених так поцеловал невесту, что у нее очки свалились.

После этого с Лелей произошли необратимые изменения. Она начала спать в бигуди и покупать у цыганок кружевные трусики. Через месяц Коля поехал с нами в лес на шашлыки, а затем бесследно пропал.

Тайну его исчезновения я узнала десять лет спустя. За день до похода Леся исписала целую тетрадь откровениями на тему «Я не знаю, люблю ли я его... Мне кажется, у него нет цели в жизни», после чего «нечаянно» забыла дневник в Колиной палатке.

Коля полночи читал Лелину фантастику, а затем свернул вещички и ушел на станцию. На месте его палатки остались лежать Лелин дневник и записка «Прости за все».

Вскоре я встретила у мусоропровода незнакомую девушку — на ней были Колины тапочки и рубашка.

— Меня Милой зовут, — радостно сообщила она. — Я ваша новая соседка.

Леся рыдала три недели и попеременно проклинала то вероломство жениха, то собственную дурость.

— Да я ему рога поотшибаю! — кипятился папа.

— Это у меня рога, а не у него!

Но на этом история не закончилась. Колина девушка по ночам работала в привокзальном ресторане «Антей»: добрые языки говорили, что официанткой, а злые — что не только ею. Денег Мила приносила до обидного много.

У нас на кухне отлично было слышно, как они с Колей выясняли отношения. Он спрашивал ее: «Почему?» Она отвечала: «По кочану!» и добавляла «Пошел вон, придурок!»

Как-то раз Коля действительно пошел вон — в тридцатиградусный мороз. Следствием стала пневмония.

На следующий день в Колиной палате появилась Леля — серьезная, деловая, с супом в термосе и тефтелями в банке. Она забрала у Коли ключи и пообещала устроить все «как раньше».

Изнывая от любопытства, я стояла на кухне и прислушивалась к разговору в соседней квартире. Там было на удивление тихо. Выглянув в окно, я увидела, как Мила — в незастегнутой шубе и с непокрытой головой — выскочила из подъезда и понеслась к стоянке такси.

— Чем ты ее припугнула? — спросила я Лелю.

Она показала на папины боксерские перчатки, лежавшие в углу.

— Я надела их и сказала, что сейчас мы будем драться.

В конце зимы у Лели состоялась всамделишная свадьба.

Перед моим отъездом в Америку мы с Лелей страшно поругались. На нашем местечковом телевидении был объявлен конкурс ведущих — сидеть перед микрофоном и рассказывать об успехах. Леля пошла на конкурс, ничего мне не сказав.

Когда я узнала, что моя родная сестра получила место стажера на телевидении, я чуть не прибила ее.

— Ты просто завидуешь! — кричала Леля.

— Если бы ты не была такой гадиной, это тебе пришлось бы завидовать! Я всю жизнь мечтала о телевидении! Я бы туда прошла!

— Может, я и гадина, но, по крайней мере, не дура — плодить себе конкурентов!

Я поклялась никогда больше не разговаривать с предательницей и укатила в Штаты. В принципе первые несколько лет я даже держала слово — телефонные переговоры с СССР стоили безумно дорого.

Вместо этого мы обменивались письмами. Леля писала, как весело и интересно проходит ее телевизионная жизнь: «Наш канал теперь популярнее Останкино. По вечерам мы выпускаем в эфир заграничные фильмы. Только там дубляж какой-то дурацкий — за всех говорит гнусавый мужик».

С наименьшим ехидством я отправляла ей фотографии со Статуей Свободы, конструктор «Лего» для Иннокентия (будущего Джоша) и теплые колготки для нее самой. Чтоб знала!

Как я готовилась к своему первому возвращению на Родину! Одних шляп с полями было заготовлено пять штук. В рюкзак они не влезли, и мне пришлось сложить их одну в одну и повесить на спину.

Багажную тележку в Шереметьево я не нашла. Напялила шляпы на голову, взвалила рюкзак на плечи...

— Господи! — ахнула Леля, увидав меня в толпе.

Но дальше все пошло так, как надо. На фоне пост-перестроечной разрухи мои рассказы звучали легендами об Эльдорадо. Разумеется, я опускала некоторые подробности вроде хронической нищеты первых лет: я хотела выглядеть победителем.

Леля слушала, затаив дыхание. Глаза ее горели. И тут мне захотелось сделать шикарный жест.

— Хочешь, я помогу тебе эмигрировать?

План эмиграции разрабатывался недолго. Американское посольство мы обдурили безо всяких проблем. Леля с сыном попросили визу и сказали, что у них в России остается папа. А Коля попросил визу, поклявшись, что у него дома жена и ребенок. Американцы тогда были наивными и всему верили.

Я решила разместить Лелино семейство у себя. Воображение рисовало мне идиллические картины: вот мы с сестрой гуляем вдоль океана; вот она, преисполненная благодарности, помогает мне мыть полы... Хре-на! Мы с ней поссорились в первый же день. Она потребовала уют, чтобы отгладить Иннокентию трусы, а я сказала, что у нас тут белье не гладят. Ну и покатилося...

— Теперь понятно, почему вы тут все жеваные ходите!

— А вы моетесь раз в неделю!

— А вы жвачку все время жуετε!

— А вы водку все время лопаете!

— А вы жирные!

— А у тебя совести нет! Я тебя приютила, а ты меня оскорбляешь!

В результате обе ревели.

«Я — баба Капа! — думалось мне. — Ведь один в один все повторилось!»

Леля довольно быстро сумела выхлопотать статус беженки, пострадавшей от КГБ (который к тому времени уже не существовал). Врать убедительно и проникновенно она умела на профессиональном уровне.

Иннокентий пошел в школу. Вернулся оттуда, заикаясь от ужаса.

— У нас учительница — Баба-Яга! — сказал он о Мисс Пэм, пожилой тетеньке африканского происхождения.

Коля вложил почти всю наличность в автоматы по продаже бабл-гама, газировки и сэндвичей. Бизнес его продвигался туго. Он думал, что это самая непыльная из работ:

заправил автомат товаром и гуляй. Но оказалось, что жвачку любят муравьи, газировку — бактерии, а сэндвичи не любит никто — даже покупатели.

Вскоре на Колю подали в суд — какой-то придурок кинул в автомат кирпичом и получил в глаз осколком. Колю обвинили в недобросовестном отношении к клиентам: на его автомате не было знака «Не разбивать тяжелыми предметами».

Леля помчалась в церковь молиться о справедливости, и Господь ее услышал: судья постановил, что истец неправ и взыскал с него издержки.

Леде так понравилось общаться с Господом, что она подрядилась торговать иконками в церковной лавке.

— Почем у тебя Иисус? — спросила я.

— По тридцать.

— Серебряников?

Леля в очередной раз обиделась, собрала монетки и съехала от меня подальше.

Сейчас у нее свой бизнес. Она шьет облачения всем попам без различия конфессий: архиерейские митры, еврейские талиты и кардинальские шляпы. Но во все еретиковские одежки она тайно зашивает молитву о спасении души.

ИНТЕРВЬЮ С КУМИРОМ

2 января 2006 г.

Играли с Эком в интервью:

Корреспондент: Вы неоднократно заявляли, что вас устраивает ваш брак. Но, наверное, в юности вы иначе представляли себе будущую супругу?

Зэк: До 12 лет я очень хотел жениться на контролерше из соседнего кинотеатра: тогда бы мы с друзьями ходили бесплатно в кино. К тому же у нее на руке был протез со специальными щипцами. Мужу она наверняка дала бы посмотреть, как там все устроено.

Корр.: Вы действительно верите, что вы с Мардж предназначены друг для друга?

Зэк: Ну посудите сами: я храплю по ночам, а она не просыпается. Я терпеть не могу убираться, а у нее есть домработница. Я люблю петь в душе, а у нее нет слуха — и ей даже нравятся мои песни. По-моему, это знаки свыше.

Корр.: О чем вы с ней говорите?

Зэк: Как правило, о высоком: о кино, о литературе. Например, сегодня она цитировала мне своих клиентов-писателей: «Глаза у девушки были умные, как у слона».

Корр: Как вы думаете, зачем вы нужны вашей жене?

Зэк: Чтобы злить ее собаку, сестру и подругу. Я — специя, я придаю остроту жизни.

Корр.: Экий вы жестокий! Кем вы были в прошлой жизни — палачом при падишахе?

Зэк: Наверное, кабаном.

Корр.: С чего вы это взяли?

Зэк: Я тут передачу по телику смотрел. Кабан всеяден: в основном питается корневищами и плодами. Ведет ночной образ жизни. Спаривается в ноябре-январе... Это же точно про меня!

Корреспондент заглядывает в энциклопедию.

Корр: Хм, тут написано, что в марте у самки рождается три-четыре поросенка. Вот уж спасибо!

Зэк: Ничего не поделаешь: судьба у тебя такая.

Корр.: Э! Э! Руки прочь! Не смей ко мне приставать! Я в домике!

Зэк: А у меня ордер на обыск домика!

Корреспондент пищит и отбивается подушкой.

Зэк (прижав кулак ко рту): Первый! Первый! Я — второй! Занял стратегическую высоту. Вас понял: есть приготовиться к запуску!

Корр.: А-а-а!

Полчаса спустя:

Корр.: Ничего, что я голову тебе на плечо положила? Не тяжело?

Зэк: Да ладно, чему у тебя там тяжелому-то быть?

ПО ТУ СТОРОНУ ДОБРА И ЗЛА

1997 г.

Улетая из Тайланда, я оставила свой телефон Максу. Не то, чтобы я хотела его любви. Мне хотелось звонков от мужчин, которым я нравлюсь.

Макс объявился через месяц, когда я уж и думать про него забыла.

— Алло! Ты что сегодня делаешь?

— Еду в Африку.

Он несколько растерялся.

— А может, ну ее? Пошли лучше гулять.

— А ты где? В Лос-Анджелесе?

— Да нет, у себя в Сан-Франциско. Мне все равно вечером нечего делать, так что я могу прилететь к тебе в гости.

Я оглянулась на чемодан, набитый средствами от тропической лихорадки и назойливых поклонников. Панамка в мухоморчик, купальник «граница на замке», книжка

«Разводитесь с умом: как заполучить себе дом, ребенка и т.п.»... Ближайшие три недели я собиралась посвятить нравственному очищению в глухой африканской деревне.

— Макс, я еду в Африку с миссией доброй воли, — сказала я сурово. — Мы тут зажрались! А в Танзании люди не доедают. У них дизентерия, холера и вообще черти что! Мы должны делиться!

— Ага, — фыркнул Макс, — ты с ними поделишься хлебом, а они с тобой — холерой.

Я села в самолет со смешанными чувствами. Развод с Лукой давил на психику. По возвращении из Тайланда мы окончательно разругались, и он отправился на четыре месяца в Палестину. Я тоже не могла сидеть дома.

Звонок Макса буквально воскресил меня из мертвых. Мне страстно хотелось продолжения, но за миссию доброй воли я уже заплатила пять штук баксов.

В самолете мне было два знамения:

Несколько часов подряд мы летели навстречу восходу. Все небо было розово-золотое, и мы как будто неслись в светлое будущее. Зато когда мы пролетали над Кенией, я видела лесные пожары: кругом чернота, а на дне — огненная лава.

То ли в рай ехала, то ли в ад.

Африка — это тьма народу, бешеная зелень и запахи — как на советской овощебазе. Все гремит и двигается. Водители — полные отморозки. Нищета — пятый век до нашей эры с редким вкраплением телеантенн и велосипедов.

В аэропорту Дар Эс Салаама нас встретила Гэйл — жилистая, крепкая, загорелая до бурого цвета.

— Деревня, в которую мы едем, называется Поммерн, — сказала она, загрузив добровольцев в автобус. — Там мы будем строить школу.

Наша группа напоминала дом престарелых на экскурсии. Половине было под семьдесят. Остальным — под шестьдесят. Я там была самая молоденькая девушка, которую все баловали и учили жизни.

Выйдя на пенсию, эти заслуженные врачи, адвокаты и аналитики озаботились классическим вопросом: а на фига все это? Деньги есть, карьера состоялась, любовь была. А толку?

Когда человек хочет, но не может, он спивается. Когда человек может, но не знает, зачем, — он едет в Африку строить школы.

Я сидела, зажатая между двумя чемоданами. Из-под переднего кресла время от времени вылезал гигантский таракан и махал на меня усами. Я визжала, но ему было не страшно.

Кондиционер с ручным приводом — газета, по-братски разделенная на всех. Туалет — на «зеленой стоянке»: дедушки направо, бабушки налево. Выходить из автобуса было страшно: из окна мы неоднократно видели львов и слонов. Писали по очереди: один идет в кусты, другой стоит на часах, остальные болеют и морально поддерживают.

Поммерн оказался вполне цивилизованной деревней на четыре тысячи народа. У них даже имелся бар-магазин, в котором продавалось танзанийское пиво. Гэйл объяснила нам, что это свежий бамбуковый сок с добавлением специй. Бродить он начнет в животе. Через несколько часов после принятия в голову шибает так, что виски кажется компотом.

Под общагу нам отвели миссионерский домик, построенный еще в начале 20-го века. Из удобств там имелось: окно с прекрасным видом, двухъярусные нары и туалет с дыркой, хранивший память о первых посетителях.

Питались мы по-царски: угали (смесь муки и воды), омлет и фрукты. Мяса не было. Местные жители ели его раз в год — по случаю большого праздника. Уже перед самым отъездом в знак дружбы нам принесли древнего петуха, но ни у кого не хватило совести отправить его в суп. На национальное достояние можно покушаться только тогда, когда оно большое и условно ничейное.

Умывались бутылочной водой, фрукты мыли щетками... Танзания — не только колыбель человечества, но и колыбель всех известных микробов.

Прежде, чем приступить к строительству, мы занялись врачеванием. Местная больница работала по графику «Когда приедут белые врачи». Они приезжали довольно часто: раз в год на три недели. И это счастье — в других деревнях вообще никого нет.

Люди шли к нам пешком по десять часов. Несли больных детей, стариков, сами ковыляли кое-как. Врачи работали в две смены: сначала доктор Макгир (бывший кардиолог), потом доктор Филдс (бывший онколог). Записями ведали Ванесса (бывший финансист) и Дороти (бывший прокурор). Взвешивание младенцев досталось мне (бывшему журналисту).

— Я не знаю, как быть! — чуть не плакала доктор Макгир. — У меня нет никакого оборудования, никаких лекарств, кроме аспирина и тайланола. А как мы диагнозы ставим! Тетка мне объясняет на суахили, пастор переводит на английский. Никакой истории болезни, ничего! В результате даем обезболивающее и кричим: «Следующий!»

Топ-топ... Приблизиться на два шажка, вытянув шею, взглянуть, и тут же броситься назад, к дружбанам — млеть от собственной дерзости.

Эти ребятишки — совсем как воробьи. Не дай бог заговорить или кивнуть — тут же спугнешь. Я развешивала постиранное белье и делала вид, что ничего не замечаю. Впрочем, приручить их — пара пустяков. Я сняла с дерева веревку и начала прыгать через нее как через скакалку. Вскоре вся окресная ребятня была в моем распоряжении.

Я не могла запомнить их имен. Про себя называла их Ванька, Петька, Николай Дроздов (этот все время носился с живностью)... Господи, как мы бесились! Играли в футбол, в вышибалы, в «Двенадцать стекляшек». По ходу дела я вспомнила все игры своего детства.

И как понимали друг друга? Дикая смесь английского, суахили и русского неприличного (когда мячом в живот засандаливали)...

Ночами меня мучали кошмары (побочный эффект таблеток от малярии). Боясь уснуть, я все думала об этих ребятишках. У большинства нет обуви. И вероятно, никогда не будет. Те, кто побогаче, носят истертые тапки не своего размера, которые у нас, в Штатах, раздают бесплатно, в качестве бонуса к покупке.

Работая на стройке школы, я порвала кроссовку и хотела ее выкинуть. На меня ТАК смотрели! «Отдайте ее нам, мы все починим, заклеим — все будет как в лучших домах Африки!» И как же мне было стыдно за двадцать пар обуви, валяющихся в моем шкафу!

У этих детей было два пути: либо всю жизнь ковыряться в земле, выращивая бобы, либо помереть в юном возрасте. Детская смертность тут высока: почти все они беспрерывно кашляли, сопливились и чесались. Каждый восьмой не доживает до 20 лет. Смотришь на этот пестрый табунчик: раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь — покойничек, раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь — еще один.

Единицы смогут уехать отсюда. Поммерну хорошо — здесь есть школа (60 учеников в классе, общежитие, кормежка каждый день). Правда, учиться — это удел избранных. Школа стоит 300 долларов в год — запредельная сумма.

Вечерами, когда отключали электричество (генератор работал строго с 7 до 10), мы все рассуждали: а может, они вовсе не несчастны здесь? Может, им наша жалость не только не нужна, но и непонятна? В некоторых случаях они явно смотрели на нас с превосходством: во время мессы наша группа должна была исполнить церковный гимн. С

грехом попалам мы сбацили Amazing Grace¹ — потом самим было смешно. А эти ребята поют так, что сидишь и тихо таешь от восторга. Причем поют все: от мала до велика.

Они умеют выживать в таких условиях, в которых мы загнулись бы через неделю. У них нет никаких радостей в нашем понимании, но они гораздо чаще смеются. У них нет не то что интернета, у них допотопный приемник считается верхом роскоши.

Ванесса рассказывала, как дочь отреагировала на ее решение поехать в Африку.

— И какую пользу вы собираетесь приносить?

— Мы будем строить школу.

— Дурдом какой-то! У вас у всех есть образование, опыт, связи...

— Этим людям нужна школа, а не мой опыт. У них нет ни времени, ни денег, чтобы ее построить. А у меня есть и то, и другое.

Разумеется, я ехала в Танзанию с несколько эгоистичными целями: мне хотелось доказать всему миру, что я ужасно хорошая. Доказала?

Через три недели мы подсчитывали, что нам удалось сделать: построен новый школьный корпус, в столовой покрашены стены, проведены несколько уроков английского, кое-кому (далеко не всем) оказана медицинская помощь. Изменит это жизнь в Поммерне к лучшему?

Столетия нищеты и неграмотности — это такая яма, что засыпать ее невозможно. Все, что ты дашь, — проестся. Все, чему ты научишь, — забудется за ненужностью. При этом делая благородные жесты, мы порой только ухудшаем ситуацию. Мы учим, что спасение утопающих — дело рук больших бледнолицых братьев, а утопающему надо медленно и красиво идти ко дну, и тогда помощь всенепременно придет.

В свой последний день в Поммерне я разговорилась с Гэйл.

— Все не так, как ты представляла? — спросила она.

Я кивнула. Я чувствовала себя комиссией, приехавшей на место катастрофы: поохала, поахала и укатила восвояси.

— Знаешь, что мы тут делаем? — улыбнулась Гэйл. — Мы показываем этим людям, что бывает по-другому. Мы не даем им образец, мы не навязываем стереотипы, мы просто даем информацию: бывает так, бывает эдак. А их право — выбирать.

В фильмах про Африку главные герои всегда осознают, что цивилизация — это ужасно, и остаются жить в гармонии с природой.

¹ Изумительная благодать (англ.)

Чушь собачья! После трех недель без душа хочется МЫТЬСЯ! Хочется зависнуть на сутки в интернете, проверить почту и узнать, что происходит в мире. Поспать на чистой простыне, слопать огромный стейк и наконец-то по-нормальному причесаться.

Я была счастлива вернуться в Лос-Анджелес. Тем более, что на автоответчике меня ждало семь сообщений от Макса.

Что до спасения человечества... Все-таки кое-что полезное я сделала. В Поммерне живет девочка-альбинос: негритянское лицо и абсолютно белая кожа. У нее были жуткие солнечные ожоги, и люди шарахались от нее, как от прокаженной. Я купила ей ящик солнцезащитного крема. И теперь каждые полгода посылаю чек на имя Гэйл, чтобы она покупала ей новую партию.

НОЧНОЙ ПОЗОР

7 января 2006 г.

Я так и знала, что это была дурная идея — ехать в ночной клуб. Но мне так хотелось одеть мое новое суперменское белье! Синий лифчик с буквой S и красные трусы с плащиком я купила специально для Зэка, но продемонстрировать их все никак не удавалось: секс у нас всегда происходит внезапно.

Неприятности начались на третьем светофоре: Зэк уставился на девку в соседней машине. Я рассказала ему анекдот, подергала за рукав и даже переключила радио на классику. Пофиг! Зэк пялился на девицу, как на НЛО — с отвисшей челюстью и остановившимся взглядом.

Всю дорогу он врал, что его заинтересовала реклама на той стороне улицы. Ага... На той стороне у нас химчистка и зубоврачебный кабинет.

В ночном клубе мне не понравилось: грохот, спиртом воняет как в вырезителе... Зэк посадил меня на диванчик и ушел с кем-то здороваться. Его тут же облепили малолетки. Одна — с волосами как китайская вермишель — даже целоваться полезла. А я сидела в своих суперменских трусах под юбкой — дура-дурой.

Зэк звал меня танцевать, подносил зажигалку... Я сбежала от него в туалет. Видеть никого не хотелось.

— Интересно, зачем Зэк мамашу свою притащил? — слышался голос из кабинки.

— Она у него из какого-то новозеландского Зажопинска, — отозвались рядом. — Вот Зэк и показывает ей Америку.

Когда я — в настроении «пипец котенку» — вылетела из туалета, навстречу мне вырулил Джош.

— Теть, а чего ты тут делаешь?! — заорал он. — Мне мама говорит, что тебя теперь на молоденьких тянет. А где этот твой... Хрен Марджовый?

Получив сумочкой по роже, он обиделся.

— Ну что ты сразу дерешься? Не нравится хрен, пусть будет морковь. Любовь-морковь.

Я вела себя хорошо. Я взяла себя в руки и сказала Зэку, что у меня болит голова. Он отдал мне ключи от машины.

— Ты не беспокойся, меня кто-нибудь из ребят подкинет.

Ага, не беспокойся! В последнее время я только и делаю, что беспокоюсь.

Зэк — хороший мальчик. С ним весело, он умненький, у него чудесный мальчишеский затылок и шея, еще не заросшая самцовым жиром. Он как щенок, которого хочется прижать к груди.

Но у нас нет будущего. Мне будет шестьдесят, а ему только сорок; я буду принимать таблетки от мааразма, а он — виагру. И виагра наверняка будет не для меня. Заранее не могу этого простить.

На сто первом фривее за мной увязался Дорожный Патруль. Я видела его в зеркало заднего вида: мотоцикл с мигалкой, шлем, гусарские сапоги. Только штрафа мне не хватало для полного счастья.

Я свернула на обочину. Патрульный подошел ко мне.

— Добрый вечер, мэ. Вы знаете, что вы гнали под девяносто миль?

От расстройства я начала врать первое, что пришло на ум:

— У меня в машине живет мышка, и я все никак не могу ее поймать. Она шмыгнула под педаль газа, ну я и прижала ее к полу.

Офицер вздохнул.

— Но мышка все-таки сбежала.

— Да, сэ.

Я заглянула в патрульные глаза: «Дяденька, отпусти ты меня Христа ради! А то я кого-нибудь убью на хер по дороге!»

Он достал штрафную квитанцию.

— Где историю-то выудили? Из интернета?

— Сэр, у меня такой день поганый выдался...

Самое удивительное — он меня отпустил. Сказал, что у него тоже сегодня все наперекосяк.

Я ехала домой и думала: как это прекрасно, когда тебя понимают дорожные патрульные! Еще бы самой себя понять...

Из суперменского комплекта я сделала новогодний костюм для Ронского-Понского. Из чашечки от лифчика вышла отличная шапка, а из трусов с плащиком — плащик. Остаток вечера я запускала в полет Супермена: от комода до кровати. Супермен сначала покорно летал, а потом обоссал управляющего полетами.

ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕНОК

1997 г.

После развода № 2 я ощущала себя, как раненный в попу боец: вроде никакой важный орган не задет, а все равно ни сесть, ни лечь, ни хвостом покрутить.

Пока я была в Африке, Макс несколько раз перезванивал мне домой и интересовался, жива ли я. Слушая записи на автоответчике, я волновалась. Мне надоело страдать и искать смысл жизни. Я хотела приключений.

О Максе я знала только то, что он живет в Сан-Франциско и что у него есть деньги. Впечатлений от ночи «любви» у меня не осталось: в такие минуты думаешь не о том, с кем мстишь, а о том — кому.

Я размышляла: перезвонить? Не стоит? К утру придумала все неизвестные и решила, что с Максом стоит зажечь.

Проверив определитель номера, я набрала его телефон. Мне ответила молодая женщина:

— Корпорация National Petroleum Projects. Офис Макса Уорнера.

Я положила трубку. Несколько дней назад я читала в Time интервью с мистером Уорнером, вице-президентом одной из крупнейших нефтедобывающих компаний Америки.

— Твою маму! — охнула Леля, когда я рассказала ей о случившемся. — Так ты что, познакомилась с миллионером? А потом он тебя еще и гулять звал?!

Вечер мы потратили на подсчеты Максиных доходов.

— Понесло тебя в эту Африку! — стонала Леля. — А вдруг он уже передумал?

Я и сама боялась этого «вдруг». У меня было ощущение, что перед моим носом пронесся ШАНС и я его проморгала.

Следствие показало, что Макс в разводе и имеет дочь.

— Так, завтра идем в магазин и покупаем тебе приличное платье, — сказала Леля. — Это я беру на себя.

Я не слушала ее. На меня накатили апатия и отвращение: я его не хочу. Мне было страшно от его миллионов.

Лука несколько раз заезжал после командировок — он так и не снял новую квартиру. Я отдавала ему ключи и уходила к сестре.

— Ты не вернешься? — каждый раз спрашивал он.

— ТЫ не вернешься, — констатировала я.

Мне нужно было заново придумывать свое будущее. За два года я написала несколько рассказов. Но их никуда не взяли.

— А что ты хочешь? — удивлялась Леля. — Такую херню никто печатать не будет.

Я жила на деньги Луки. Он присылал мне чек, не требуя никаких отчетов. И это было ужасно.

— Позвони Макс! — уговаривала меня Леля. — Он тебе подскажет, на чем можно заработать.

Но звонить не потребовалось. Макс сам появился на пороге — с огромным осетром под мышкой.

— Коллеги из России прислали, — сообщил он. — Я подумал: может, ты любишь?

Я с суеверным ужасом взирала на чудовище.

— Ты уверен, что мы сможем его съесть?

Макс был странным мужчиной. Слишком спокойный, слишком тонко улыбающийся. Когда он был рядом, меня не покидало ощущение, что мне необыкновенно повезло. Макс, вероятно, считал так же.

«А полы-то у меня грязные!» — думала я, приглашая его на кухню. Бабушка как в воду глядела, говоря: «Дом у девушки всегда должен блестеть! Никогда не знаешь, когда к тебе заглянет очередной жених».

Стесняться я перестала только после распития бутылки Cardinale. Если бы на свете не было алкоголя, я бы ни разу не вышла замуж.

Макс не пьянел — меня же развезло. Я вывалила на него все проблемы — от немытых полов до отсутствия дохода.

— Занимайся тем, что ты любишь, — посоветовал Макс.

Я фыркнула.

— Я люблю только одно — прославляться. Кто мне за это будет платить?

— Напиши хорошую книгу.

— Даже если ее возьмут в печать, она все равно затеряется. Таких, как я, знаешь, сколько? Чтобы тебя заметили, нужны связи.

— Ну так заведи! Стань литературным агентом и помогай другим опубликоваться. Заодно наведешь мосты и изучишь рынок. А когда напишешь бестселлер, отдай его издателям, которые не просрут его.

Паззлы, рассыпанные в моей голове, сложились в картинку.

Соседи давно уже погасили свет, а мы все болтали. Привкус чужеродности стал чуть заметным.

Макс умел слушать совсем не так, как мои прошлые мужчины. Пьющенко в принципе не верил в мой ум; Кегельбана чужие мечты только бесили; Лука слушал из вежливости и уважения. А Максу было интересно. Он наблюдал за мной, как наблюдают за кошкой: что еще она отчеблучит?

Это была его форма любви: кормить, баловать и чесать за ушком. Но при этом дистанция «хозяин» — «питомец» никогда не нарушалась.

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

1997 г.

Макс был обязан своим рождением нефтяным аппетитам США. В начале 1950-х правительство Ирана отобрало у иностранцев все нефтепромыслы, и в Тегеран была срочно направлена группа американских экспертов — свергать антидемократический режим. В числе этих засланцев был и молодой нефтяник Джонни.

Там он познакомился с Диной, дочкой местного генерала. Иранская элита уже тогда была космополитична. Религиозный фанатизм, чадры и ослики — это все для народа, а генеральские дети умели и по-английски объясняться, и экспертов-нефтяников очаровывать.

Переворот удался на славу, и Джонни отправился домой — шокировать родню персидской супругой.

Не знаю, что уж там впитал Макс с молоком матери, но нефть — это то, чем всегда была заполнена его голова.

Карьеру он начал в 1973 году, когда страны ОПЕК наложили на Израиль и его союзников нефтяное эмбарго. Америка на всех парах влетела в затяжной кризис: цены на

бензин поднялись в четыре раза. А двадцатилетний Максик незадолго до этого купил дешевые нефтяные фьючерсы.

Все шло замечательно — нефть заливалась в трубопроводы, бабло — на счета, но в середине 1980-х счастливая звезда Макса перегорела. Во время ирано-иракской войны чей-то бомбардировщик — до сих пор неизвестно чей — потопил принадлежащий ему танкер. Еще несколько судов были повреждены при ракетном обстреле. К тому же цены на нефть ухнули вниз.

Но Макс не отчаивался. Он съездил в Китай и в Индию, побеседовал со знающими людьми и решил, что не все потеряно.

— Мы здесь понятия не имеем, какой потенциал заложен в Азии, — говорил он партнерам. — В Китае, если ты гений — один на миллион, то таких, как ты, — тысяча человек. Сейчас компартия постепенно ослабляет хватку, и знаете, что будут делать эти гении, когда им развяжут руки? Они будут строить заводы и богатеть! А это означает потребление нефти в промышленных масштабах.

Оставалось придумать, где закрепиться и начать все заново. Выбор Макса пал на Россию.

Он не прогадал: его партнеры, вложившиеся в Кувейт, потеряли все во время иракской оккупации 1991 года. Саддама, конечно, вышвырнули из страны в два счета, но было поздно: перед уходом его солдаты сожгли все, что горело. А в России нефтяной бизнес как раз начал набирать обороты.

Со временем Макс разобрался, что там к чему.

— Московские бюрократы работают по принципу автоматов со сникерсами, — говорил он. — Ты ему денежку, а он тебе — шоколадку. Иногда, правда, автомат заедает: ни денег нет, ни «Сникерса». Ну, тогда его пнуть надо. И все будет о'кей.

Приехав в Россию, Макс обнаружил, что там можно делать прибыль не только на нефти. Российские нувориши отчаянно нуждались в посредниках для переправки денег за рубеж. Тогда еще мало кто знал, как работают швейцарские банки и как купить замок в Англии. Макс давал советы, предоставлял счета и получал щедрые комиссионные.

Потом грянула приватизация — населению раздали ваучеры. Макс в спешном порядке создал инвестиционный фонд «Доверие» и разослал бойких мальчиков по деревням — менять ваучеры на акции «Доверия».

— Мы вложим их в рентабельные заводы и будем получать сказочные дивиденды!

Собственно, они, то есть Макс и Ко, действительно их получили: на чужие ваучеры они прибрали к рукам несколько нефтеперерабатывающих предприятий. А селянам было

сказано: «Если вас что-то не устраивает, переизберите директора». Ага, переизберите: акционеры жили за сотни километров друг от друга, ни черта не смыслили в праве и не имели ни денег, ни возможности нанять адвокатов. Впрочем, переизбирать гендиректора уже не имело смысла: Макс продал все заводы самому себе, а вырученные деньги потратил на мифических консультантов. «Доверие» обанкротилось, а с ним и все три тысячи акционеров.

— Ты жулик! — возмутилась я, выслушав его историю.

— Ничего подобного! — горячо запротестовал Макс. — Я — Робин Гуд! Простым людям никогда не принадлежали эти заводы, и не могли принадлежать — они не знают, что с ними делать. Они бы все равно отдали свои ваучеры за водку. Я отобрал богатства у партийцев и профинансировал пятнадцать детских домов. Неужели оно того не стоило?

Я промолчала. Отступить было поздно. Я влюбилась в святого негодяя.

О СТАРОСТИ

10 января 2006 г.

Я придумала себя в восемьдесят лет: седая голова, выразительная попа и костлявые плечики. Куча бижутерии — чтобы греметь при ходьбе. Шлепанцы и панамочка от французских кутюрье.

Обязательно — маленькая лысая собачонка. Назову Волкодавом. Буду им старперов в парке соблазнять: подсяду к какому-нибудь старику на лавочку, раскрою сумку, вытащу Волкодава за шкуру...

Старичок меня спросит:

— А что это у вас за собачка?

— Радиационный борзой. Очень полезное животное: термитов и мышей из дома как ветром сдувает. А еще он светится по ночам. Хотите посмотреть?

Так и познакомимся.

Дом обставлю в антикварном стиле — а-ля кремлевская номенклатура. Чтоб малахита побольше, карельской березы всякой. На стенах портреты: «Мардж в костюме Маркса», «Мардж и ходоки», «Мардж с трубкой, усами и детьми»...

Загородный дом назову «Шушенское». Будем там с приятельницами съезды устраивать. Партию какую-нибудь организуем, типа «Друзья утилизации».

Подруга Мелисса похвастается:

— Я в прошлое воскресенье сходила на пляж, собрала пятнадцать бутылок и сдала.

Сестра Леля скажет:

— Я всю нашу улицу сагитировала на сбор макулатуры. Сдали пятьсот фунтов!

А я им:

— Эх вы, старые! А я вчера сдала тонну анализов!

Сериалы — это смысл бытия. Вникать в подробности, переживать: «От кого родит Мария?», ссориться с соседками из-за беспутного Родриго.

Поездки в Лас-Вегас и растрата пенсии — тоже святое. Потратить надо как можно больше, чтобы наследников понервировать. Слушать: «Ой, тетя Мардж, не надо бы вам в такую даль ездить!» И с ехидством отвечать: «Да-да... Больше ни-ни!»

Еще поучать человечество. Открою в интернете сайт и выложу туда весь кладезь своих знаний. Основные темы докладов: «Есть ли Бог на Марсе?» и «Кому евреи продали Россию?»

Рассказала Зэку о планах на будущее. Он посмеялся и сказал, что нам еще рано об этом думать. А я-то надеялась, что мой муж будет ревновать к старичкам. Он надеется, что не доживет?

ЗОЛУШКА

1997 г.

Семейка Макса невзлюбила меня с первого взгляда. Встреча миров произошла 4 июля¹. Меня провели в бальную залу, где уже собрались гости: члены элитных кантри-клубов и всякие доктора-профессора.

Действом заправляла Максина мама. Каждый гость был представлен с перечислением должностей, наград и заслуг перед Отечеством.

— Надеюсь, вам есть, что рассказать о себе, — прошептала она, улыбаясь.

Я рассказала:

— Мардж Тенш, обладатель Почетной грамоты за первый класс, лауреат всесоюзного конкурса хороших коллективов, выпускник детсада, школы и университета, автор месседжа на автоответчике, читатель библиотек, выгуливатель собак и трахатель с Максом.

С тех пор мама меня невзлюбила.

После свадьбы я переехала к Максусу: мне у него очень понравилась ванная-витраж с подсветкой.

¹ День независимости США.

Но оказалось, жить мне предстояло не столько с мужем, сколько с падчирецей: супруг № 3 тоже целыми днями пропадал на работе.

Мадмуазель было 18 лет. Одевалась наша Золушка, как и положено, в лохмотья: футболки с катышками и юбки коровьей раскраски. Решив, что у нее некрасивые щиколотки, Золушка навсегда отказалась от туфель и даже в жару носила сапоги. Картину дополняли очки от Шанель и потертая матерчатая сумка.

В ожидании принца с хрустальным сапогом, Золушка развлекалась хамством, и никто из прислуги не задерживался у нас дольше недели. Искать новых людей приходилось мне. А пока они не находились — убираться в хоромы размером с дворец пионеров.

Чуть ли не каждый день Золушка пыталась совершить в доме переворот. Мятежницу приговаривали к исправительным работам, но тут в дело вмешивалась иностранная агентура в лице бабушки.

Максина мать была уверена, что я по подлости превосхожу Гитлера и ее собственную свекровь.

— У тебя нет сердца! — кричала она по телефону. — Ты садистка-педофилка!

Но как только бабушка встревала в наши дела, Золушка тут же принимала мою сторону. Бабушку она ненавидела еще сильнее, чем мачеху.

В редкие минуты примирения она рассказывала мне о своей жизни, половина которой проходила в ночных клубах.

— Я пошла в туалет, так по дороге пятнадцать человек дали мне телефоны.

Я старалась не хихикать, представляя себе эту сцену: ага, все пятнадцать в очередь выстроились. Параллельно с очередью в туалет.

Когда Золушка описывала кого-нибудь из парней, то вместо фамилии называла марку его автомобиля: «Дэниэл с "Мерсом"», «Билли на "BMW"».

Самой сильной Золушкиной эмоцией было возмущение.

— Не, ну он такой наглый: я ему звоню, а он говорит: «Мне некогда!» Я его сразу на хрен послала. Если любит, все равно приползет.

— А ты его любишь?

— Я? Я жить без него не могу!

Однажды мы с ней составили Кодекс Любви, причем Золушка отнеслась к его написанию со всей серьезностью.

Любящий мужчина должен:

а) все прощать,

б) выводить гулять,

- в) за все платить,
- г) слушать(ся),
- д) приставать,
- е) бить морды недоброжелателям.

Любящая женщина должна:

- все время думать о Нем,
- рассказывать о Нем подругам (Золушка не верила в тихую любовь),
- скучать, когда его нет рядом (и, соответственно, некому реализовывать указанную выше красоту).

Как-то раз Золушка вернулась с бала вместе с пьяным в хлам принцем. Пока мы выясняли отношения, он успел наблевать мне в ноут-бук. Я огрела его стойкой от торшера.

Золушка позвонила бабушке и родителям принца. Ночь я провела, доказывая, что «ребенок» отключился не из-за того, что я сломала ему хребет, а из-за переизбытка алкоголя в башке.

Утром я позвонила Максу в Даллас:

— Твои бабы передрались между собой. Приезжай нас разнимать.

Макс приехал и свел все на шутку. Мы поплакали, посмеялись... Но стоило ему выйти за порог, как пауки в банке снова вцепились друг в друга.

КЛИЕНТ

1998 г.

Первый клиент моего литературного агентства появился семь лет назад.

Макс укатил в Эмираты и мы с сестрой решили встретить Рождество в Анкоредже, на Аляске — без мужиков и детей.

— Не будем покупать ничего традиционного, — мечтала Леля. — Никакой рождественской ветчины и никаких печений!

На ужин мы договорились сделать фондю, а в качестве развлечения — всю ночь пропеть караоке.

Я почему-то подумала, что нам сойдет хозяйская пластмассовая елочка. Но Леля с негодованием ее отвергла:

— От нее пахнет не хвоей, а пылью веков!

Весь день она мне доказывала, что сидеть в Рождество под искусственной елкой, это все равно что танцевать со стулом.

— Я приготовлю все для фондю, а ты съезди на базар, — приказала Леля, вручая мне ключи от арендованной машины.

Стемнело. Снег валил так, что дворники не успевали расчищать лобовое стекло. Стоянка перед елочным базаром была забита. Кое-как разыскав местечко между двумя авто-сугробами, я запарковалась и помчалась исполнять сестрино желание.

Разумеется, к этому времени все приличные деревья уже расхватали. Продавец оказался перуанцем, причем наиколоритнейшим. Орлиный взор, длинные волосы: ни дать, ни взять — индейский вождь.

— Леди, елка хочешь? Красивый Рождество хочешь? Смотри, какой товар! Персик! Себе бы взял, детишкам, только у меня детишков нету.

Залепленный снегом «персик» возвышался надо мной футов на семь. Я немного порылась в оставшихся елках, но они были еще хуже.

— Эта дубина не влезет в мою машину, — сказала я с тоской.

— Где твой машина? — засуетился вождь. — Сейчас положим аккуратно, красиво — будет лежать как женщина в кровать.

Вскоре я осознала, что такое работать на лесоповале: даже вдвоем тащить елку через сугробы было тяжело.

Кое-как я разыскала среди заснеженных машин свой фордик. Попробовала открыть багажник, но ключ и не думал поворачиваться.

— Замок замерз, да? — посочувствовал вождь.

Минут десять я билась, пытаюсь отомкнуть хоть одну дверь: дышала в скважину, грела ее ладонями, пинала колесо...

Каким образом вождь вскрыл багажник, я не поняла: он нагнулся над замком, пошептал, и дверь отворилась.

— Я волшебный слова знаю, — смеясь, пояснил он.

Как назло, свет в салоне не зажигался. Ветки цеплялись за сиденья, иголки осыпались...

Распрощавшись с вождем, я села за руль, вставила ключ в зажигании... Глухо! Мотор и не подумал заводиться.

Некоторое время я сидела, уставившись в пространство перед собой. Чтоб я еще раз за елкой поехала?! И тут краем глаза я заметила маленького Микки Мауса, болтающего на зеркале заднего вида. Мужские перчатки на пассажирском сидении, полная пепельница... И тут до меня дошло: это была НЕ МОЯ МАШИНА!

Я чувствовала себя кошкой, захлопнувшей в холодильнике: сейчас вернется хозяин и убьет меня.

Сбежать, бросив елку на произвол судьбы? Попытаться хоть как-то спасти ситуацию? На подгибающихся ногах я выскочила из машины и, ухватив елку за макушку, потащила ее наружу.

— Что делаем? — осведомился кто-то за моей спиной.

У меня перехватило дыхание. Хозяин вернулся!

— Это не то, что вы подумали! — лихорадочно затараторила я. — Я не пытаюсь угнать вашу машину! Мне просто хотелось достать елку и...

— Интересно, как вашу елку засосало в мою машину?

Я посмотрела на обличителя. Тоненькие очки, лыжная шапка.

— Было темно, к тому же снега столько налетело...

Молодой человек заглянул в салон. Машина выглядела как жертва стихийного бедствия.

— М-да...

— Я все уберу! — поспешно сказала я. — Давайте поедem к нам, мы с сестрой сняли дом неподалеку, и там, кажется, есть пылесос. Мы протянем через форточку провод и...

— Справлять Рождество, пылесосить машину, — это, конечно, романтично.

Я совсем растерялась.

— Ну, я не знаю, что еще сделать... Вы любите клубнику в шоколаде? Мы с сестрой хотели сделать рождественское фондю...

Молодой человек посмотрел на меня заинтересованно.

— А рождественская ветчина у вас будет? Я только что вернулся из Кореи. Приехал сюда на праздники — захотелось отметить Рождество, как полагается.

Через минуту мы уже названивали по мобильникам: я велела Леле срочно добыть хоть какую-нибудь ветчину, а Артур (так звали моего знакомого) сообщил друзьям, что он не приедет.

— С машиной проблемы, — пояснил он. — В нее дерево попало.

Рождество мы справляли втроем. Артур оказался молодым писателем, который только что закончил первый роман и искал себе литагента.

— О чем книга? — поинтересовалась я.

— Про парня по имени Гораций.

Сюжет у романа был занятный. Гораций в один день потерял и работу, и семью. Идти ему было некуда и он забрался в пустой особняк. Вечером пришел хозяин. Он все время сидел за интернетом и не замечал, что у него на чердаке поселился сосед. Так и жили рядом, не мешая друг другу. Потом этого богатого мужика начали шантажировать, и Гораций тайно ему помогал разоблачать злодеев.

— Слушай! — Леля выразительно поглядела на меня. — Ты давно искала клиента — не дайте пропасть друг другу!

Мы смотрели телик и лопали магазинную снедь. А в углу стояла несколько побитая, но все же величественная елка-палка с макушкой набекрень.

Артур действительно оказался бесценной находкой. Встретив его, я наконец отважилась на собственный бизнес.

Крупные издательства в Нью-Йорке не принимали рукопись от абы кого: им нужны были весомые рекомендации. Если человек не работал в издательстве или литературном журнале, у него было очень мало шансов на успешную карьеру литературного агента. Мой послужной список явно не дотягивал до нужного уровня: единственное, чем я могла похвастаться, — это репортерская должность в «Miss X».

Но произошло чудо: редактор сначала посмотрел синопсис и только потом — мое резюме.

А дальше дело пошло само собой. Роман о Горации вырос в сериал, который вот уже несколько лет кормит и меня, и издательство, и пару телеканалов.

КОЛЛЕКЦИОНЕР

1999 г.

Через несколько месяцев после свадьбы с Максом я окончательно удостоверилась, что опять по ошибке вышла не за человека, а за императорского пингвина: у них, у пингинов, так положено — завел себе самку, застолбил, и в море — нагуливать жирок.

Иногда нас прорывало: мы болтали, советовались друг с другом и целовались... А иногда находил какой-то ступор. Эмоции повисали в воздухе — лишние, как остывший сигаретный дым. В такие моменты мне хотелось уйти. Я пыталась заинтересовать Макса своими успехами, но он перебивал или отвечал невпопад. Мысли его были далеко.

В Максином доме было полно вещей, купленных по принципу «петух клюнул в задницу» — китайские болванчики, маски, пепельницы. Он забывал о них через день после покупки, и они заваливались под диваны и за шкафы. Я ощущала себя таким же болванчиком. Мною наигрались и потеряли. Но стоило мне разреветься, как Макс тут же кидался меня утешать, причем делал это так ловко, что через пять минут я уже смеялась.

Он выматывался на работе, и я не смела приставать к нему. Сам он не делал никаких телодвижений. Лежа в кровати, я смотрела в потолок и думала. Как он мог не касаться меня? Как это вообще возможно?

Недотрах отравлял мне жизнь. Нелепейшее ощущение, тем более, что в те времена я чувствовала себя красивой. Завести любовника я не могла. У меня был четкий барьер: не могу! Только Макс. Только он.

Как глупо...

ПРОЩАЙ, ОРУЖИЕ!

2003 г.

В феврале 2003 года Макс улетел в Россию, а я осталась в Сан-Франциско. Мои литературные дела пошли в гору: очередная книга Артура попала в список бестселлеров, от предложений отбоя не было. Но этого уже не хватало. Душа просила потрясений: личных, социальных — без разницы.

— Хочу быть знаменитой как кока-кола! — жаловалась я Леле по телефону. — Я делаю из людей звезд, а сама как была никем, так и осталась. У меня автограф просили всего один раз в жизни!

— Когда это? — не поверила Леля.

— Да месяц назад. Какой-то тинейджер подошел и спросил: «Это вы вчера из тюрьмы сбежали? Я ваш фоторобот по телику видел».

Леля задумалась.

— В президенты тебя не возьмут — у тебя родина неподходящая. В писатели тоже...
Писать надо уметь. Иди в спорт.

— В какой?

— Езда на офисном стуле с препятствиями. У тебя получится.

— Я серьезно спрашиваю!

— Ну, устрой в Америке революцию. Только изобрети достойный повод.

Повод нашелся очень быстро: Президент Буш решил, что в Ираке есть оружие массового поражения и ему срочно нужно перебить кучу людей, не имеющих к этому никакого отношения.

По телику крутили войну, а я тушила капусту. В голове вертелись недодуманные мысли. Мне отчетливо представлялось, что это я сижу в бомбоубежище: земля трясется, вокруг орут очумевшие дети. Хотелось плакать и драться.

Потом показали рыдающую девчонку-американку, которая только что вышла замуж за военного. Вчера ее мужа отправили в Ирак.

— Если его убьют, я не переживу!

Наташка Смирнова, школьная подруга, прислала имейл: «Я ненавижу вашу Америку! Я была бы рада, если бы всех американцев разорвало на куски! Тогда бы вы узнали, что такое бомбить мирных жителей! Хоть бы у вас было еще одно 11 сентября!»

Это были слова не темной бабушки из деревни, а молодой женщины с высшим образованием. У нее только что родился сын.

С утра я была в парке у Тихого океана. Мамашки с детьми, влюбленные парочки, пенсионеры на лавочках... Наташа искренне желала им смерти. Интересно, она бы обрадовалась, если б ей принесли оторванные руки-ноги американцев в качестве трофея?

Люди ненавидели друг друга скопом, не разбирая, кто прав, кто виноват. А повод для ненависти был самый банальный — гражданство и национальность.

— Что делаешь? — спросил Макс, позвонив мне после обеда.

— Шью боевое знамя. Завтра в Даун-Тауне будет проходить марш протеста.

— И ты собираешься пойти?!

— Мне не нравится этот мир! Я хочу построить новый — шаг за шагом, как в компьютерной игрушке.

Макс на секунду оторвался от трубки:

— Брюс! Продавай на хер все акции Electronic Arts¹! Мардж опять в их дурацкие игры наигралась. Видеть их больше не желаю!

Плохому меня научили вовсе не компьютерные игрушки, а Дин Салливан — пухлый вертлявый парень с яркой харизмой. Раз в две недели он чистил мой аквариум в спальне. Дин был поэтом, и всем, кому ни попадя, пытался продавать свои стихи — на вес, по 100 долларов за фунт. Поэзия расходилась плохо.

— Может тебе скинуть цену? — как-то намекнула я.

Дин окинул меня высокомерным взглядом:

— Если уж я не продам мои стихи, то хотя бы не продам их за большую сумму.

Я была в восторге от каждой извилины в его кудрявой башке. Дин был прирожденным революционером и боролся за все, что под руку подвернется: экологию, свободные аборт, гомосексуальные браки, права профсоюзов и т.п.

Когда изобрели проблему глобализации, у Дина наступил праздник души. Он работал от зари до зари, расчищая рыбки говна, копил деньги и несся на очередной Давос — поорать и повозмущаться политикой транснациональных корпораций.

¹ Фирма по производству компьютерных игр.

У него была масса последователей — десятки некрасивых девочек и мальчиков, любящих читать книги, но не любящих ходить в школу. Я один раз была на их «партсобрании». Действо проходило в подвальной забегаловке, украшенной диктаторами в музейных рамах. Под потолком висела колючая проволока. В меню значились «ГУЛАГ-пицца», коктейль «Молотова» и сэндвичи «Оружие пролетариата». Марихуана, гогот, пиво...

Взобравшись на стол, Дин громил капитализм. Толпа рукоплескала.

Эти люди были объединены особым душевным родством. Дружба — это несколько не то. Друг любит и ценит лично тебя, а ты любишь и ценишь его. Здесь же любили всех, кто верил в Высшую Идею. Ради этой Идеи они могли пожертвовать всем: временем, деньгами и жизнью — как своей, так и чужой.

Я завидовала их сплоченному братству. Нападут на одного, и на защиту поднимутся все. А меня защищать не придет никто, даже Макс. Он считал, что я и сама справлюсь.

Мы отправились протестовать с самого утра. Солнце пело на небесах. В центре творилось невообразимое: дороги были перекрыты, на перекрестках сидели демонстранты, не давая никому проехать. Стрекот вертолетов, хохот, барабаны и дудки... О, Сан-Франциско!

— Нет войне! Нет войне! Нет войне! — скандировали тысячи голосов.

Народ был самый разный — от седеньких бабулек до зеленоволосых панков. Мимо проплывали плакаты: «Буш воюет — ты платишь!», «Нет нефти в обмен на кровь!» Множество разрисованных лиц.

Мало-помалу чувство праздника охватывало даже самых скептических. Мы были силой, и правительство должно было считаться с нами.

Дина аж подбрасывало от возбуждения.

— Каково, а?! Мощь! — вопил он, хватая меня за руку. — Ох, мы и натворим сегодня!

Его друзья уже ждали нас на перекрестке Третьей улицы и Ховард Стрит. Глаза у них были — как у солдат перед атакой.

— Вот, держи, — сказал Дин, вытаскивая из кармана бандану. — Повяжешь на лицо, когда дело запахнет керосином.

— А оно запахнет? — удивилась я.

— О, да!

Мое знамя с надписью «Бомбить ради мира = трахаться ради девственности!» привлекало массу внимания. За час я успела сфотографироваться с дюжиной демонстрантов и договориться на интервью с телекомпанией.

Корреспондентка встала на фоне знамени:

— Многие удивляются — кто именно вывел на улицы этих людей? Как нам стало известно, инициаторами марша протеста стали более трех десятков различных организаций. Это и афро-американцы, борющиеся за свои права, и лесбиянки, и геи, и коммунисты, и пацифисты...

В этот момент толпа загудела, приветствуя Дина, взобравшегося на мини-автобус.

— Мы — народ, от имени которого управляется эта страна. Мы говорим «Нет войне!» и Буш обязан нам подчиняться! Блокируйте улицы! Не давайте чиновникам просочиться в центр! Долой войну! Американцы не будут убийцами!

Улица встала на дыбы. Бросив меня, журналистка ринулась к Дину. Но ему было не до интервью. Он заметил в стороне нескольких мальчишек с самодельными плакатами «Поддержим наши войска!»

— Ба! Политические противники! — закричал он.

Все взоры обратились на милитаристов.

— «Долой войну!» — звучит классно, — воскликнул старший из них. — Но война уже началась! Мы не можем просто собрать вещи и поехать домой. Иначе весь мир будет считать, что Саддам сделал Америку. Вы этого хотите?

Толпа недоверчиво молчала.

— Если мы прекратим войну, то террористы уверуют, что нас можно задавить! Нас всех! Они не будут разбирать, кто из нас выступал против войны, а кто «за». Мы для них враги просто потому, что мы американцы!

— И что ты предлагаешь? — насмешливо спросил Дин. — Пусть война продолжается?

Тот отступил на шаг.

— Тут надо придумать какое-то здоровое решение.

— Оно у тебя есть?

— Нет, но...

— А у нас есть! — гаркнул ему в лицо Дин. — Наше решение — это гражданское неповиновение. Мы не можем поехать в Ирак и встать на пути завоевателей. Но мы можем встать на пути чиновников, принимающих решения за солдат. Мы можем не пустить их в их офисы! Мы можем не дать им работать!

Толпа взорвалась аплодисментами. Милитаристов толкнули. Кто-то вырвал их плакат и десятки рук разодрали его в клочья.

В этот момент я поняла, что мне никогда не стать настоящим политиком. Для этого нужно уметь передергивать карты. Тебе задали вопрос, на который ты не можешь ответить? Смени тему на нечто понятное. И тогда не останется неразрешенных проблем.

— Полиция! — вдруг завопил кто-то.

Со стороны Тёрк Стрит на нас двинулась фаланга полицейских со щитами. Я оглянулась на Дина.

— Держи копов на своем углу! — кричал он в мобильник. — У нас сейчас будет столкновение — не дай им подбросить резерв! Делайте баррикады! Пусть Жульет сагиотирует своих йогов помедитировать на мостовой.

Дин заметил мой взгляд.

— Надевай бандану!

— Немедленно освободите проезжую часть! — гудел полицейский громкоговоритель. — В случае неповиновения мы вынуждены будем арестовать вас!

— Город Сан-Франциско сегодня не работает! — заорал Дин, доставая из рюкзака упаковку с яйцами. — Все закрыто до прекращения войны!

Яйцо сочно чмокнуло по полицейской каске. Желтые сопли потекли по забралу.

Вдохновенная толпа принялась швырять в копов булки, газеты и собственные кроссовки.

Довести полицейских не стоило особого труда. Они начали хватать демонстрантов. Народ бросился на выручку, завязалась драка.

Дин дернул меня за рукав.

— Отходим!

Удрать нам не удалось: полицейские перегородили все входы и выходы. Два копа подхватили меня под мышки и без церемоний запихнули в автобус, где вповалку, как дрова, валялись демонстранты. Я разыскала в общей куче Дина и от души вмазала ему по роже.

— На хрена ты начал кидаться яйцами?! Смотри, что ты наделал!

Дин ухмыльнулся.

— Нам нельзя без насилия — это наша реклама. Если мы будем «хулиганить», пресса сама раскрутит нас — точно так же, как Бин Ладена и его Аль-Каеду.

— Зашибись! Так ты у нас террорист?

— Я использую их методы для наших целей. На месте правительства я бы давно запретил показывать нас по телевизору. Но оно никогда не пойдет на это: для Белого дома свобода слова дороже мозгов. А журналисты тем более от нас не откажутся: как только мы что-нибудь затеваем, у них поднимаются тиражи. Людям нужны злодеи! Они готовы расплачиваться своей жизнью за право видеть чужую смерть.

Места в полицейских участках не хватало, и нас препроводили в ангар на 27-ом пирсе. Когда-то тут был товарный склад: бетонный пол, под потолком — висячие лампы.

Сидели до вечера — без жратвы, без права позвонить домой. Дин подбил соратников на бунт, но охранник пригрозил им пожарным шлангом.

Дин был прав — без насилия тебя никто не заметит. Кому был нужен Ирак до войны? Никого не интересовало, как жили его граждане. А вот их смерть — весьма интригующее событие.

Мы все — и иракцы, и демонстранты на улицах, и я — были похожи на гладиаторов... Мы показывали друг другу шоу, и если в нем не было привкуса секса и смерти, на нас не покупали билеты.

К заграждению подошли несколько копов. Следом появился офицер с огромной стопкой полароидных фотографий.

— Кто готов назвать свое имя, подойти сюда!

Дин почти на четвереньках перебрался ко мне.

— Надеюсь ты не взяла с собой документы? — тихо спросил он. — Сейчас они начнут идентифицировать задержанных. Отказывайся называть свое имя. И ни за что не узнавай себя на фотографиях.

— А что, нас фотографировали?

Дин кивнул.

— Они не имеют права задерживать нас, если нам не предъявлено обвинение. А доказать что-либо в этой свалке можно только одним способом: если они успели заснять тебя за преступлением. У них заранее по всему центру были расставлены люди с полароидами. Полиция тоже готовилась к демонстрации: места в тюрьмах освобождали, людей вызывали из отпусков, наручники со складов выписывали...

Дин засмеялся. Ему ужасно нравился этот переполох.

— Если копы найдут тебя на снимках и будут спрашивать, ты это или не ты, всегда отвечай: «Не знаю. Трудно сказать». К ночи нас отпустят.

Я саркастически посмотрела на него.

— Что-то ты слишком доволен. Тебя арестовали, дело не сделано...

— Ты так думаешь? — Брови Дина поползли наверх. — Мы заявили о себе — и это главное! Завтра сообщения о нашей демонстрации будут во всех информационных лентах. Ну и, кроме того, мы заработали кучу денег на новые акции. У наших спонсоров в Сан-Франциско две охранные фирмы, и за эти дни они сделали колоссальные бабки. Владельцы даже самых захудалых лавчонок всегда нанимают охрану на время манифестаций. Так мы собираем дань с буржуев на наши проекты.

Дело с опознанием продвигалось медленно. Арестованные упорно отказывались сотрудничать с властями.

— Я шел по улице и тут на меня набросились полицейские, — повторял каждый.

Около одиннадцати на допрос вызвали и меня.

За столом сидел немолодой человек в форме — под глазами круги, шея взмокла от пота. Чувствовалось, что он и спрашивает, и слушает уже на автомате.

— Как ваше имя?

— Я не буду его называть.

Полицейский не отреагировал на мои слова.

— Просмотрите эти фотографии и попытайтесь найти на них себя или кого-либо из ваших знакомых.

Он вывалил снимки на стол — поверх обертки от сэндвича и потрепанной Библии.

Я смотрела на огненные глаза и вдохновленные лица... Один в один — христианские мученики, готовые на все ради веры.

Революционеры не придумали ничего нового. Они всего лишь воссоздали великий миф Средиземноморья и Среднего Востока: к человечеству должен прийти Спаситель, страдания которого очистят и возродят мир.

Я вспомнила Дина, едущего на плечах соратников.

В христианстве роль помазанника исполняет Христос, в учении революционеров — пролетариат, партия, новая нация...

Я держала в руках портреты мучеников, вышедших сражаться со злом. Они были сильны своей решимостью, силой духа и желанием подвига. Но все это утекало в песок — без смысла и без следа.

Когда меня отпустили, уже была глубокая ночь. Сияли окна небоскребов, за спиной вздыхал Залив.

Меня подобрала падчерица.

— Все папе расскажу! — пообещала она, открывая дверь машины.

Ехали молча. События дня крутились перед глазами.

Мученики — счастливейшие из смертных. Они знают ответ на вопрос «Зачем я?»

Они ни в чем не сомневаются и уверены, что их жертвы пойдут на пользу.

А я так не могла. Я сомневалась. И потому не было мне счастья.

К СЕВЕРУ ОТ ГРАНИЦЫ, НА ЗАПАД ОТ СОЛНЦА

20 января 2006 г.

Ходила вместе с Барбарой в церковь. Ей вчера сообщили, что семья ее двоюродного брата погибла при пересечении американо-мексиканской границы. Контрабандисты засунули в фургон около двадцати человек — мужчин, женщин, детей — и повезли через пустыню. Дело было в августе. 113 градусов в тени¹. Машина сломалась и водитель, не открыв двери, бросил фургон на произвол судьбы.

Душегубку нашли через сутки: все уже были мертвы.

Не первый случай. И далеко не последний. Ежегодно десятки тысяч мексиканцев нелегально переходят границу США. Выбор у них простой: решишься — и, возможно, вырвешься из нищеты. Не решишься — и ничего не изменится: все пойдет по тому же кругу, что и у тысячи тысяч твоих предков.

Каждый день пограничники ловят насмерть перепуганных нелегалов и отправляют их обратно. Несколько сотен ежегодно гибнет в пустыне.

Мексиканское правительство поощряет незаконную иммиграцию: те, кто прорывается в Штаты, присылают домой деньги, составляющие немалую часть национального дохода. Публикуются специальные брошюры, описывающие, где и как пересекать границу. На возмущение американских дипломатов чиновники только руками разводят: «Да-да, сплошное безобразие...» И все остается по-прежнему.

По большому счету Америка нуждается в нелегалах: иначе кто будет строить, убирать, мыть посуду и собирать клубнику под палящим солнцем? Кто будет делать это за деньги, ради которых ни один гражданин задницу от стула не оторвет?

Но для Хосе и Мигелей эти гроши — целое состояние, поэтому они вгрызаются в американскую землю, как только могут. Снимают дом и живут в нем по пять-шесть семей. Покупают раздолбанные машины за 300 долларов и ездят без прав — пока полиция не остановит. А как остановит, бросают все и убегают. Они работают на трех работах: утром стригут траву, днем моют тарелки, вечером разносят пиццу. Зато ко дню конфирмации у

¹ 45 градусов по Цельсию.

их дочерей будут красивые платья. Зато старенькой маме будет на что купить мазь от варикозного расширения вен.

Каждый имеет право на достойное существование, на достойно оплачиваемую работу, на свободу от нищеты и начальственного произвола. Только есть одно «но»: Америка может «переварить» лишь определенное количество иммигрантов, и если этот лимит будет превышен, то вольно или невольно США превратятся в Мексику, и тогда некуда будет ехать за американской мечтой. Арабы поглотили золотой Египет, османы — роскошную Византию, пришельцы из Европы — индейские цивилизации... Пришли, осели и растворили в себе хозяев. Примеров тому — тьма.

Барбара стояла у алтаря и плакала. Я молча держала ее за руку. Бог не смотрел на нас. У истории свои ценности — и наши жизни далеко не первые в этом списке.

«ОСТРОВ СОКРОВИЩ»

2004 г.

С мужем № 3 мы поссорились, да так и не помирились. Год жили порознь, потом я подала на развод.

Мелисса долго выпытывала, что именно произошло между нами, но я не говорила.

Через пару месяцев мы поехали в Лас-Вегас. Остановились в гостинице «Остров сокровищ», спустились вниз в казино.

Крупье тассовал карты.

— Вам где больше везет? В картах или на автоматах? — спросил он Мелиссу.

Та фыркнула.

— Да на автоматах никогда не выиграешь!

— Нет, это вполне реально. Все автоматы изначально запрограммированы на выигрыш и рано или поздно выдают нужную комбинацию. Надо только набраться терпения и ставить на кон не меньше четырех долларов. Поставишь доллар — выиграешь несколько тысяч. Поставишь пять — получишь миллион.

— Ага, — пробурчала я. — Только неизвестно, что быстрее приключится: твой инфаркт или джек-пот.

Крупье улыбнулся в подкрученные усы.

— У нас был такой случай. Одна леди упорно ставила по четыре бакса. Сидела всю ночь, проиграла, наверное, тысяч семь, не меньше. Ей уж и есть хотелось, и в дамскую комнату сходить... А как бросишь игру? Вдруг кто-нибудь займет твой автомат и выиграет все, что ты ему скормила? В конце концов она позвонила мужу: «Покарауль. Я сейчас

вернусь». Сидеть просто так было скучно и он решил сыграть на доллар — безо всякой задней мысли. Леди не успела дойти до туалета, как на всех табло замигала надпись, что кто-то выиграл «джек-пот». Сумма выигрыша соответствовала ставке: семь тысяч ровно. От мужниного горла даму отгаскивали с охраной.

— Знаешь, как ее звали? — шепнула я на ухо Мелиссе. — Мардж Тенш. После этого она потеряла веру в игровые автоматы и высшую справедливость.

— А супруг что? — вытаращив глаза, спросила Мелисса.

— Макс отделался легким разводом.

Это был повод, а причина была следующей: мне не доставало Лос-Анджелеса гораздо больше, чем Макса. На деньги, доставшиеся от бабы Капы, я купила дом в Северном Голливуде и зажила в гордом одиночестве.

ДАМА С СОБАЧКОЙ

27 февраля 2006 г.

Зиму в наших краях можно разглядеть только при помощи бинокля: она как раз на горизонте, в горах. В долине — плюс двадцать по Цельсию, а наверху снежок и приятный морозец. Ехать из лета в зиму ровно два с половиной часа.

На Новый год Зэк подбил меня покататься на лыжах.

— Снимем домик в Биг Беар! Пять комнат, три туалета. Можно моих друзей-актеров позвать — вскладчину дешевле.

Мелисска нашу затею не одобрила.

— Ага, десятка трэф, — сказала она, раскинув картишки. — Так я и знала. Знаешь, что это?

— Что?

— Печаль и меланхолия! Ты либо лыжи потеряешь, либо шею сломаешь!

Как всегда, мы провозились и прибыли в Биг Беар самыми последними. К этому времени все пять комнат в доме уже были заняты актерами. Нам достался гараж, переделанный в жилое помещение. Зэк окинул взглядом печку-буржуйку, бильярдный стол и гребной тренажер.

— Вау, какой сексодром!

Дом был роскошный: огромный камин, головы оленей на стене.

— Сейчас будем делать барбекю, — сказал Хэрри — упитанный мальчик с двуспальной рожей. — Я уже договорился с хозяином насчет углей. Он в эти выходные тоже сюда приехал: дом сдал нам, а сам гостит у друзей.

Раздался звонок в дверь, и я пошла открывать. На пороге стоял невысокий дядька в расстегнутом пальто и с мешком угля на плече.

— Привет! Меня зовут Пол.

— А я — Мардж, ответственный квартиросъемщик.

Мы пожали друг другу руки. Его глаза выглядели смутно знакомыми.

— Мы раньше встречались? — спросила я.

— Не уверен. Я к вам приставал?

— Вроде нет...

— Тогда это точно был не я.

Мы посмеялись... Внезапно его лицо изменилось. Он смотрел через мое плечо в комнату. Ронский-Понский сидел на кожанном диване и самозобвенно жрал подлокотник. На ковре валялись остатки-сладки — драные лоскуты и щепки.

Пол велел нам выметаться в течении часа. А куда мы пойдем? Ронский-Понский забился под диван и глядел растерянно и покаянно: извините — бес попутал.

Актеры жаждали крови: Ронского — на первое, моей — на десерт.

— Зачем ты взяла эту скотину? — орал Зэк. — Теперь нам залог не отдадут.

Народ шумел и ругался и в конце концов отправил Зэка на переговоры.

— Ты скажи ему, что мы из башки Ронского чучело сделаем, — шумел Хэрри. — Пусть вешает себе на стену.

Пока Зэк отсутствовал, я изобретала Ронскому наказания:

— На выставку тебя отведу! Посажу в клетку рядом с ротвейлером. Знаешь, как он на тебя будет смотреть? С аппетитом! Он подумает, что ты биологическая подкормка. А потом скажу детям, что ты не кусаешься. А потом поташу на соревнования — ты попробуешь сбежать, а фиг: я на тебя медалей навешаю. Все пять фунтов!

Зэк вернулся с условно хорошими новостями:

— Пол взял залог и разрешил нам остаться. Но Ронского велел убрать.

— Да куда ж я его дену? — возмутилась я. — На улицу в мороз выкину?

— Оставь пока тут. Только смотри, чтобы он никому на глаза не попался.

На всякий случай мы отогнали мою машину на другую улицу — типа я уехала вместе с Ронским. Настроение было подавленное, и мы решили немного подлечиться текилой.

После третьего тоста нам стало весело. Девки полезли танцевать на столы, но тут Бьянка навернулась и разбила локоть. Кто-то принес медицинский клей и все понеслось по новой.

С утра я проснулась от дикого крика. Оказалось, что пузырек с клеем опрокинули на ковер, на котором Шон и Стейси упражнялись в любви. А спина у Шона очень волосатая. И ладно бы к коврику прилипли только волосы. Медицинский клей — серьезная штука: отдирается только с мясом.

— Отвезите меня ко врачу! — вопил Шон.

Ковер был большой — метра три на три. Мы закатали в него Шона: в дверь он пролез — ногами вперед, а в машину — никак.

Было решено вырезать из ковра силуэт. Резали вшестером: Стейси — маникюрными ножницами, я — походным топориком, остальные — кухонными ножами. За этим делом нас и застал Пол.

Вообще-то я понимаю его чувства: голый мужик лежит на ковре, вокруг него вооруженные до зубов люди.

— Полиция!!!

Я догнала Пола на улице.

— Стойте! Да стойте вы, господа!

Он поскользнулся на льду, шлепнулся, я побыстрее насела на него, чтобы он не удрал и не натворил еще больших бед.

— Я вам заплачу за ковер!

Пол смотрел на меня дикими глазами.

— Э-э... Так вы что, не уехали?

— Уехала. То есть, это уехала моя сестра-близнец со своей собакой.

В этот момент из распахнутой двери выскочил Ронский-Понский и помчался меня спасать.

— А это брат-близнец той собаки?

В общем, на нас с Эком подали в суд.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

2 марта 2006 г.

Когда мне хорошо, я пишу прозу, когда плохо — поэзию. Поэтому почти все мои стихи депрессивны и посвящаются злодеям.

Кто изгрыз мою туфлю?
Я кому сейчас ввалю?
Кто зачем-то вырвал с корнем
Традесканцию мою?

Коврик в ванной, провода,
Почтальонова нога...
Что сожрать не получилось,
Понадкусано слегка.

Скромный вид, невинный взгляд:
«Я ни в чем не виноват!»
Вот отдам тебя корейцам
И они тебя съедят!

ЗАВТРА БЫЛА ВОЙНА

8 марта 2006 г.

Пришло письмо от бабушки, Вероники Захаровны, — так трогательно! Старинная открытка, еще времен моего детства, — с палеховской росписью и трехкопеечной маркой в углу.

«Скучаю по тебе и жду в гости. Жалко, совсем старой стала: ничего не вижу. А была бы помоложе, так съездила б в твою Америку. Очень мне хочется знать, как ты живешь».

Мне трудно представить бабушку молодой. Как-то не верится, что когда-то она была голопятой девчонкой, влюбливой девушкой, молодой мамашей...

Между тем все было... Она родилась в деревне. Жили богато: корова, коза, дом о трех комнатах. А потом наступил колхоз. Приехал какой-то, сказался председателем и велел делиться. Вероника помнила, как все плакали. Корову провожали как в последний путь. И не напрасно: председатель оказался запойным, скотину загубил, кассу растратил, а самого в 1936-м году расстреляли.

В деревне ловить было нечего, и Вероника отправилась в Порхов — блестящий райцентр, где имелось и кино, и больница, и даже уличные фонари. В железнодорожный техникум Веронику не приняли из-за химии: она брякнула на экзамене, что водородный показатель — это заплаканные глаза. Вероника уже собралась назад в деревню, но встретившаяся в очереди девица подговорила ее пойти в школу медсестер.

— Там химия не требуется. Стипендия 14 рублей и общежитие!

Сорок человек в комнате, кухни нет, еда всухомятку. Будущие медсестрички весьма котировались среди танкистов и пехоты, расквартированных в Порхове. Крутить романы было престижней с танкистами:

Не ходи за пехотинца —

Он с войны не возвратится.

А танкист придет домой

Трезвый, целый и живой.

С танкистами ходили в клуб, слушали концерты в фойе кинотеатра и расписывались в комендатуре.

Зима 1940-41 года была самой счастливой в жизни Вероники. Мама отдала ей трофейную шубку, привезенную отцом с варшавского похода: верх панбархатный, низ — белка. На танцы Вероника собиралась как на бал: брови выбрить в ниточку, покрасить урсолом, на губах помада — смесь вазелина с толченым карандашом. На голых ногах, «затемненных» чаем, нарисовать «швы» — как на фильдеперсовых чулках.

Витя Антошин — комсомолец и танкист — не смог пройти мимо такой красоты.

К тому времени Вероника уже сделала карьеру: ее перевели из медсестер в клинические лаборанты (делать анализы анализов) и дали ставку в 40 рублей.

Поженившись с Витей, зажили барами — сняли себе комнату на частной квартире. С печкой! С окошком!

— Любила его до слез, — рассказывала Вероника. — Проснусь с утра, смотрю на него, а сердце — тук, тук... Витенька, родненький ты мой!

Было воскресенье. Вышли с утра на улицу, а там репродуктор на столбе надрывается: «От советского информбюро. Сегодня 22 июня в 4 часа утра гитлеровская Германия вероломно, без объявления войны, напала на Советский Союз»...

— Испугалась? — спросила я.

— Нет. Витя сказал, что скоро все кончится. Мы же знали, что мы — непобедимая страна.

Веронику мобилизовали на следующий день. Обрадовалась — служить направили в Витин полк. Санитарок, лаборантов и акушерок срочно переучивали на хирургических медсестер. Потом погрузили всех на автобусы и повезли куда-то в лес под Лугу.

Лагерь разбивали обстоятельно — здесь должен был быть полевой госпиталь. Все ждали наступления.

Витина рота размещалась по соседству. Иногда получалось урвать минутку и встретиться.

— Что штабные-то говорят? Когда наступать будем? — спрашивала Вероника, глядя из-под ладони в небо. Над лесом стаями шли немецкие бомбардировщики — бомбить Ленинград.

Витя понятия не имел, что происходит, и только повторял слова начальника штаба Сергеича: «Это пока военная тайна».

— Ты не бойсь, у Сергеича прямой провод со Сталиным. Нам сообщат, когда...

Стали прибывать раненые. Операционные работали круглосуточно, но все равно не справлялись с потоком.

От раненых скрывали, что медсестры ни черта не умели. Веронике запомнился мальчик, умерший от аневризмы аорты: никто не знал, как остановить кровь, а доктор был занят на ампутации.

Солдаты целыми днями рыли землянки для раненых и могилы для покойников.

Досидели до октября. Поток раненых внезапно иссяк, и опять потянулись странные путанные дни. Однажды на рассвете кто-то ворвался в землянку: «Немцы!» Вероника вскочила, в чем была — выбежала... Небо загудело, завывало, и тут разверзся ад.

Лес полыхал, по земле катались горящие люди... Несколько раз Веронику швыряло взрывной волной — об дерево, в чей-то труп, снова об дерево. Бежали черной обезумевшей толпой — по лесу, без дороги. Ноги стерли так, что кровь из сапог выливали. Но все-таки вырвались из окружения.

Вероника металась меж людей: «Антошина никто не видел? Товарищ, стойте, товарищ... Витя...»

Никто не видел, никто ничего не знал.

После разгрома под Лугой остатки 21-й танковой дивизии отправили в Вологду на расформирование. Жили в недостроенном льнозаводе. Продуктовый паек — 200 грамм масла, 200 грамм печенья, 200 грамм сахара, несколько банок консервированной лососины и американской тушенки. Англичане присылали белые шерстяные гольфы, которые госпитальные девчонки перевязывали в шарфы. А еще давали пачку табаку. Свой табак Вероника выменивала на бумагу и все писала, писала запросы по инстанциям: Виктор Михайлович Антошин, пропал без вести в октябре 1941 года...

Неужели убили? Не верю! Где ты, Витенька?

В 1945 году вслед за войсками госпиталь передвинули в Польшу. Победа застала Веронику в Торуне. Рано утром началась стрельба. Она выскочила на улицу. Думала,

прорвался немецкий десант. Кругом было полно народу. Все палили в воздух: «Конец войне! Победа!»

Летом Веронику направили в лагерь для военнопленных, где началась эпидемия брюшного тифа. Немецкие врачи не особо доверяли русским и относились к ним почти презрительно. А рядовые наоборот заискивали: тощие были, замученные... Некоторые медсестры подкармливали их — но не все. Были и такие, которые считали, что с ними надо поступать так же, как они с нашими — в газенваген и вся недолга.

— Ты бы знала, какая у них чистота в лагере была, — рассказывала Вероника. — У нас так на Красной площади никогда не бывало. — И ведь видно, что культурные и совсем незлые люди. Как они могли учинить с нами ТАКОЕ?

Там же, при лагере, Вероника познакомилась с моим дедом — Алексеем Александровичем, очень представительным юношей, на четыре года ее моложе. Он заведовал складом немецкого оружия. В должность прибыл на фэртоне, с четырьмя чемоданами трофейного барахла.

Вероника никогда не задавалась вопросом, была ли у них любовь. Алеша был плечист, нордически красив и имел виды на будущее. К тому же он был целый — со всеми руками-ногами. После войны найти мужа было ой как нелегко. Калеки, пьяницы, лечившие душу водкой, ловеласы, охреневшие от обилия вдовушек...

Кроме того, у Алеши был доступ к благам. В 1946 году буханка белого хлеба из-под полы стоила 200 рублей, а зарплата у медсестры — 72 рублика.

Была ли Вероника счастлива с мужем? Когда как. Когда рождались дочери — была. Не была, когда Алеша взял в любовницы машинистку Тоську (ему по майорскому статусу полагалось).

Когда у него обнаружили опухоль в желудке, ни Тоська, ни ее последовательницы ни разу не заглянули к Алеше в госпиталь. Выхаживала его Вероника. И только после этого он оценил, какое золото — его жена.

Перевод в Ташкент, страшное землетрясение 1966 года, когда их чуть не прибило рухнувшей кровлей. Перевод в военный городок, по которому Вероника щеголяла в шляпке с перьями и огромных резиновых сапогах. Пенсия, возраст, дети детей.

Однажды Вероника включила радио и услышала мужской голос. Ветеран войны Антошин Виктор Михайлович рассказывал, как в 1941 году их часть разбомбили под Лугой. Он был ранен, попал в плен, потом, после освобождения, оказался в советском лагере (в то время всем военнопленным давали 10 лет «за измену Родине»). Выйдя на свободу, Виктор поступил учителем в школу в Арзамасе.

Вероника сидела, не смея передохнуть. Прошло 50 лет.

— Прошу откликнуться моих однополчан, — звал голос по радио. — Мой адрес...

— Алеша! — Вероника кинулась искать ручку и бумагу. — Там! Антошин по радио выступает! Дай, чем адрес записать!

Дед появился из своей комнаты — сгорбленный, помертвевший.

— Ты его до сих пор помнишь?

У Вероники опустились руки. О чем она могла написать Антошину? О том, что она вышла замуж за другого, о том, что пролетела целая жизнь, о том, что она сожгла Витину фотографию, чтобы не травить сердце?

Алеша смотрел на нее, как будто ждал приговора. У него был рак и он знал, что не доживет до весны.

— Извини, — прошептала Вероника. — Мне показалось...

— Ты так и не записала его адрес? — спросила я.

— Я запомнила. Все до единой строчки.

— И?

— Я не стала ничего писать. Он помнил меня молодой. А тогда я уже была старухой.

— А почему «помнил»? Думаешь, он забыл тебя?

— Нет. Просто он недавно умер.

— Как ты узнала?

Бабушка Вероника приложила руку к сердцу.

— Так.

АНТИКВАРИАТ, ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА И КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ

22 марта 2006 г.

Я фетишист. Я люблю свои маникюрные щипчики: они мне нужны для колки семечек. Когда-то школьный стоматолог сказал, что если я буду грызть семечки зубами, то мы с ним еще не раз встретимся. Пришлось усовершенствовать технологию грызни.

Еще люблю свой холодильник. Он у меня большой — хоть корову загоняй. Внутри — анти-диетическое великолепие, снаружи — коллекция записок от Барбары: «Ронского-Понского опять стошнило. Вся еда на плите. Кушайте на здоровье», «Сегодня зайдет уничтожитель термитов. Спросите его, каким ядом нас будут травить».

Еще у меня есть антикварный письменный стол. Широкий, помпезный, пахнущий стариной и богатством... А Ээк кладет на него ноги!

Три дня назад прихожу домой — весь лак на краю столешницы облуплен. Зэк орал, что он тут ни при чем и что всегда задирает ноги только в носках. Я ревела и пугала разводом.

Целый час мы закрашивали сколы коричневым фломастером. А сегодня глядь — опять пара новых. Я помчалась на второй этаж убивать Зэка, не нашла, вернулась...

У стола стояла Пи-Пи и самозабвенно грызла полировку.

Вопрос: Чего не хватает ребенку, жрущему антиквариат?

Ответ: Мозгов.

ЗВЕЗДА ПО ИМЕНИ СОЛНЫШКО

23 марта 2006 г.

Ее зовут Sunshine, по-русски, примерно, Солнышко. Фигуры нет, на руках, страдающих от экземы, — митенки. Зато маникюр самый что ни на есть шикарный — с узорами и блестками. Черный парик, очки в поллица, глухой свитер. Все закрыто так, что кажется, подмени Солнышко под этой аммуницией и никто ничего не заметит.

Понятия не имею, когда мы познакомились. Но это точно не могло случиться на трезвую голову.

Она явилась без предупреждения — с дурацким тортом из супермаркета. Накурила, насорила.

Солнышко болтлива как волнистый попугай. Врет на каждом шагу — чтобы круче звучало.

— Я себе дом в Малибу купила, но там сейчас ремонт. Можно я у тебя поживу?

— Не-а. Но можешь поужинать.

Солнышко ничуть не обиделась. Это уже раз пятый, как она пыталась у меня поселиться.

Бог ведает, где она живет на самом деле и кем работает. Каждый раз она приезжает на разных машинах — иногда на «Бентли», иногда на фургоне с мороженым. Время от времени в ее руках появляются крупные суммы. Однажды она притащила коробку из-под принтера, битком набитую мятыми купюрами. Вывалила все на диван и принялась считать.

— Банк, что ли, ограбила?

Солнышко замотала головой.

— Не мешай! Пятьсот тринадцать, пятьсот двадцать три...

Потом она сказала, что это деньги на операцию больному ребенку и что их дали «хорошие люди».

Солнышко пишет фантастические романы. Приступ вдохновения может найти на нее в любую секунду.

— Ты сама жарила курицу? А как?

Внезапно она изменилась в лице, вытерла руки о штаны и полезла в сумку за ноутбуком.

В течение получаса Солнышко ожесточенно барабанила по клавиатуре. Потом закрыла ноутбук; взгляд ее просветлел.

— Так ты говоришь, это Барбара готовила? А пусть она рецептик мне даст?

Последняя ее книга рассказывала о планете, где облака были живыми. Они состояли из крошечных существ, которые передвигались по воздуху подобно планктону. Их стаи всегда принимали форму предметов на земле: это мог быть дом, или мотыга, или кошка. Люди смотрели на облака и думали, что это боги диктуют им свою волю. Однажды оракулы увидели на небе топор и подумали, что боги хотят войны. Вскоре облакам стало нечего отражать, кроме мечей и пожаров. Человечество почти полностью истребило себя, но тут облака поразил вирус, и они вымерли. Боги уже ничего не писали на небе, и вот это оказалось самым серьезным испытанием для людей.

— Кофе будешь? — спросила я.

Солнышко вздрогнула всем телом.

— Ой, нет!

И тут же рассказала историю.

Южный и Юго-Восточный Лос-Анджелес издавна имеет дурную репутацию. Воровство, кокаин, уличные разборки. Каждый район поделен между бандами, где они царствуют по мере ума и арсенала. Днем полиция еще ездит по улицам Саут Сентрала, а ночью — даже не суется.

Но Саут Сентрал — отнюдь не нищий район. Те, кто выживает в гангстерских войнах, делают на наркоте целые состояния. Особенно это заметно по роскошным церквям, выстроенным на деньги грешников. Пасторы в перстнях, дамы в шляпах, размером с канализационный люк... На парковке — элитное автошоу.

Солнышко остановила машину перед обшарпанным домом. Один из ее приятелей сказал, что именно здесь живет негласный мэр Саут Сентрала по прозвищу Два Доллара.

Калитка в заборе была открыта и Солнышко вошла.

— Ты не представляешь, у него был полный дом девок! Еще какие-то мужики — все в золоте, и пиджаки на голое тело. Меня обыскали. Я спрашиваю: «Где Два Доллара?» А они мне на ванную показывают.

Солнышко заглянула внутрь. Два Доллара — огромный негр с бритой башкой — сидел на унитазе и читал «Приключения Тома Сойера».

— Заходи, — велел он. — Чего хочешь? Денег или просто потрахаться?

Солнышко начала объяснять, что трахаться она не хочет, но Два Доллара перебил ее.

— Сиди здесь, — сказал он, подтянув штаны. — Тебя позовут, когда понадобится.

Через полчаса за ней явился тощий парнишка с татуировкой на шее.

Два Доллара лежал на диване и пил кофе.

— Налей ей тоже, — приказал он мальчику.

Кофе был такой сильный, что у Солнышка перехватило горло. Два Доллара мрачно смотрел на нее.

— Он мне рассказал — где я родилась, с кем жила, от кого у меня сын, — округлив глаза, прошептала Солнышко.

— У тебя есть сын?!

— А что ж я — не человек? Его Эйтан зовут... Потом Два Доллара сказал, что я поеду с ним.

Солнышко подумала, что она умрет со страху. Ее затолкали в лимузин, по бокам сели два телохранителя.

— Рэп любишь? — спросил Два Доллара. — Нет? А я люблю.

Всю дорогу Солнышко пела куплеты собственного сочинения. Никто не улыбался, только когда она прерывалась, один из амбалов толкал ее в бок:

— Еще.

Они приехали на какую-то виллу, кажется, в Беверли Хиллз.

— Знаешь, кого я там видела? Уилла Смита!

Солнышко задрала свитер, показывая футболку с каракулями на животе.

— Смотри — он на моей майке расписался! Я ее уже четвертый день ношу!

Я не знаю, верить или нет Солнышку. Она себе верит — по глазам видно.

Все перепились и нанюхались. Солнышко посадили в кадку, дали ей пальмовый лист и велели изображать дерево. Потом привели мексиканца, который был должен банде. Орали, махали пистолетами. Но Солнышко никто не трогал. Она была деревом Двух Долларов.

Мальчик с татуировкой предложил устроить конкурс красоты. Идея понравилась, и всех дам выстроили вдоль бассейна.

— Раздевайся, — велел Два Доллара Солнышку.

Ее все еще трясло от переизбытка кофеина.

— Все снимать?

— Все.

Но когда Солнышко стянула с головы парик, Два Доллара передумал.

— На хер!

Через пять минут она сидела в лимузине. Шофер привез ее к дому — не спрашивая адреса. Там уже стояла ее собственная машина.

— Так кой черт тебя понесло к гангстерам? — спросила я.

Солнышко застенчиво улыбнулась.

— Мы тут с Эйтаном мультик смотрели, «В поисках Немо»... Немо считал, что его папа ни на что не способен, а папа взял и поплыл к акулам! И разговаривал с ними!

— А ты решила поговорить к бандитами?

Солнышко закурила новую сигарету.

— Я ужасная мать! Эйтану пять лет, но иногда мне кажется, что он совсем меня не уважает. Я должна была что-то для него сделать.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БРАВОГО СОЛДАТА ДЖОША

24 марта 2006 г.

Димочка Кегельбан говаривал, что он мечтает жить в «Звездных войнах».

— Там совсем иная реальность! Ты можешь носить оружие, сражаться в рукопашную, освободить далекие планеты! Там есть Добро, Зло и Сила...

Подобные разговоры меня бесили: я начинала подозревать, что Димочка — никакой не мачо, а обычный кухонный мечтатель.

Если бы я знала тогда, что иную реальность можно отыскать, не вылетая в космос! Димочке следовало записаться в морскую пехоту США, и фантастических впечатлений ему бы хватило на всю жизнь.

Этой звездной дорогой пошел Джош. Лукавый рекрутолог (получающий большие деньги за каждую проданную душу) заехал за ним в 6 утра.

— Тебе это не понадобится, — сказал он, оглядев его багаж. — Твоя прежняя жизнь останется дома.

Джош с легким сердцем скинул с плечей рюкзак. И правда — зачем кибер-солдату теплые штаны и пирожки с черникой?

Превращение в героя началось с того, что его побрили как пуделя. Потом отобрали личные вещи — вплоть до трусов.

— Получишь, когда выйдешь из игры, — сказали ему.

Взамен Джошу выдали форму и очки в огромной пластиковой оправе. На армейском слэнге они назывались «противозачаточное средство».

— Спать не давали двое суток, — с гордостью рассказывал Джош, — Сначала гоняли по врачам, потом читали инструкции.

— И какие были первые ощущения от службы? — спросила я.

— Ну какие, какие... Башка чешется, жопа болит от прививок и спать дико хочется.

В армии США все очень четко продумано. Рекрутов отрывают от реальности — с корнем, с мясом, — чтобы они думать забыли о жизни за воротами базы. Задача командиров — сломать людей и превратить их в существа иного порядка — в солдат. А для этого нужно подавить главное в человеке — волю.

До окончания Школы молодого бойца рекрут не имеет права называть себя «я». О себе он говорит в третьем лице: «Рекрут Подкопски по вашему приказанию прибыл», «У рекрута Гонзалеса есть вопрос».

Сержант — это бог. Новобранцы не смеют называть его не то что по имени, но даже по званию. К нему положено обращаться только «сэр».

В американской армии никого не бьют. Но там орут. Орут так, что новобранец стоит весь оплеванный. За малейшую провинность заставляют отжиматься до рвоты. А за провинность чуть серьезней отвечает весь взвод. Круговая порука, как известно, лучший способ воспитания.

О чем думает американский солдат после отбоя? Нет, не о голых женщинах. Он думает о том, почему у него с утра не встает.

Всякие мысли приходили в голову Джошу: застудился, валяясь в грязи, сглазил сержант Моррисон, старость — не радость...

— Парни! — горячим шепотом из-под одеяла. — А у вас — как?!

Вся казарма загудела как вертолетное нутро: да-да, у всех то же самое!

Уже решили письмо в штаб писать, парламентаров выделили: «Сержант Моррисон гоняет нас по ядерному полигону!»

На следующее утро паника распространилась на соседние казармы. По лагерю поползли темные слухи.

— Только у Гонзалеса все в порядке. Он, кстати, никогда желе в столовке не ест. Они небось подмешивают селитру в желе, ну вот мы все и того!

За завтраком никто не притронулся к желе. Расстроенные повара кричали друг на друга.

Солдаты ждали утренних результатов больше, чем писем из дома.

— Ну как?!

— Ничего...

— Ничего...

— Бли-и-ин! И это что, навсегда?

— А у Гонзалеса опять стоит!

Кто-то высказал догадку, что дело не в желе, а в картофельном пюре. Потому что Гонзалес не жрет и картошку.

После обеда поварам пришлось выкинуть три бака пюре. Завкухней сказал, что ему пора на пенсию.

— Гонзалес, ну будь человеком... Скажи честно, ты кетчуп ешь?

— Ем.

— А чай пьешь?

— Пью, отвяжитесь!

— А руки после туалета моешь? Ребят, может, они в мыло что-нибудь подмешивают?

Один раз в три месяца новобранцам разрешалось поговорить с офицером: зайти в кабинет и рассказать о наболевшем.

Джош долго не мог решиться задать вопрос. Стоял по стойке «смирно», не сводя глаз с капитана.

— Разрешите обратиться, сэр!

Капитан внимательно выслушал жалобу.

— Ну так ведь это и хорошо, что он не того...

— Как?! — возопил Джош.

— Ну, смотри: стоишь ты в карауле, все честь-честью: форма, оружие, ботинки...

Идет мимо генерал — а у тебя такое безобразие.

— Да мне хотя бы с утра... Нас тут травят, да?

Капитан не ответил прямо. Лишь улыбнулся по-отечески и сказал, что скоро все будет в норме.

Так оно и случилось.

Легенда о селитре родилась еще во времена Первой мировой войны. Высшие чины клянутся, что ничего хуже яичного порошка в еду не подмешивается, и что «*dick be gone*¹» — всего лишь результат переутомления и смены обстановки.

— Ну и баб тут в округе мало, — добавляет сержант Моррисон.

Но бойцы не верят.

АДВОКАТ

7 апреля 2006 г.

Когда-то баба Капа рассказала мне анекдот:

Пришла женщина заказывать надгробие для мужа. Мастер спрашивает:

— Какую надпись хотите?

— «Здесь лежит адвокат и честный человек».

— Не получится. В нашем штате запрещено хоронить двух людей в одной могиле».

С тех пор у меня аллергия на адвокатов.

— Кевин, мне нужен адвокат: на меня подали в суд.

— Кто?

— Козел в пальто.

Я вкратце описала ситуацию с изгрызенным диваном и придурком-домовладельцем.

— Позвони «Картеру и партнерам», — отозвался Кевин. — Я с ними сотрудничаю уже пятнадцать лет — исключительно профессиональные ребята.

Мне вспомнился Капин анекдот.

— Им хоть можно доверять? Мне нужен действительно хороший юрист.

— Знаешь, чем отличается хороший юрист от блестящего?

— Ну?

— Хороший юрист знает закон, а блестящий — знает судью. «Картер и партнеры» — блестящие.

Разумеется, я купилась на рекламу.

Секретарша переключила меня на дежурного адвоката.

— Уничтожьте, пожалуйста, моего врага, — сказала я. — Причем, желательно, за его счет.

Адвокат, не перебивая, выслушал мою историю.

¹ Армейский слэнг. Фраза примерно переводится как «Хрен, прощай!»

— Я к этому мудаку по-хорошему: обещала и за диван, и за ковер заплатить... А ему моральный ущерб подавай! Представляете, какая жаба?

Адвокат помолчал.

— Сложный случай. Вы не могли бы встретиться со мной и обсудить детали?

— Да, конечно. Мне подъехать в ваш офис?

— Давайте пересечемся во время ланча. «Старбакс» вас устроит?

Это было странно — обсуждать дела в дешевой кофейне. Хотя кто их разберет, блестящих юристов?

В дороге я осознала, что не запомнила имени адвоката и не спросила, как он выглядит. «Буду вычислять по «Ролексу» и по наглой роже», — решила я.

В «Старбаксе» было почти пусто: только студентка сидела с ноут-буком, да мужик в костюме заказывал кофе. Он обернулся на хлопок двери... Это был Пол Вардлоу — мой истец.

Теперь я вспомнила, где мы пересекались: он вел дела Кевина, когда тот судил фирму по изготовлению водяных кроватей. Я была свидетелем и рассказывала, как чуть не утопла, когда эту кровать прорвало.

Пол поставил на стол два кофе.

— Угощаю. Я не жадный, я просто хотел с вами встретиться. А другого повода, кроме суда, не было.

Мы сели за столик. Очечки. Тонкие губы. Черный костюм. Пара прядей, несмотря на гель, торчали дыбом. Черт с рогами да и только.

— Так вы что, не в претензии? — спросила я.

Пол размешал сахар.

— Не-а.

— А я бы с вами побилась. Чтобы наказать, как следует.

— У вас не было бы шансов. Для того, чтобы победить в суде, нужно знать рецепт.

— И какой же?

— Для начала следует разогреть публику — она должна кипеть от любопытства. Добавьте иронии и тщательно смешайте оппонента с дерьмом. Пусть он начнет шипеть и выпускать пар: чем громче, тем лучше. Завалите его фактами, в которых он не разбирается, и словами, которых он не знает (можно выдуманными). Когда оппонент будет выглядеть как законченный дурак, блюдо можно считать готовым.

Я хмыкнула.

— А что идет на гарнир?

— Подавайте вместе с непробиваемыми шаблонами: «Не стоит вставать в позу» и «Не сравнивайте божий дар с яичницей». В качестве украшения можно использовать «Вы говорите как законченный фашист» — это придаст блюду особую пикантность.

Я устроила Полу овацию.

— Знаете, я все-таки найму вас на работу, — сказала я. — У моей подруги сейчас проблемы с законом, и нам нужен человек с хорошо подвешенным языком.

Пол сказал, что согласен.

ЯРМАРКА ЗЛОСЛОВИЯ

9 апреля 2006 г.

Каждый год в Санта Фе проводится Ярмарка Ренессанса. На огромном поле разбиваются сотни торговых палаток. Лавка оружейника — все для вас, вашей лошади и славы... Кузня — делаем подковы и рвем зубы. Портной — лучшие рубища для полонников и банкротов. Ткачи, пивовары, гончары... Все продавцы одеты по моде 15-го века. Посетители тоже. Шум, гам, пыль столбом.

— Благородный сэръ, не желаете пострелять из лука? А метнуть боевой топор? А метнуть боевой помидор? У нас на центральной площади сидит чудесный преступник в колодках. Хотите выразить ему презрение? А сами посидеть в колодках не желаете? Они очень удобные — я пробовал.

— Миледи, чума унесла моего мужа-кормильца! Подайте, Христа ради!

Мелисска всегда пользуется мраком средневековья и разбивает палатку в самом центре ярмарки. Наряжается в бухарский халат, наматывает на голову шаль и начинает подвывать:

— Вижу... Ви-и-и-ижу!

Представление идет с неизменным успехом.

В ту субботу за ковровый полог вошел мавр. Мелисса отыграла спектакль и заодно выведала про печаль мавританского сердца. Оказалось, что у мавра есть внучка, чуть ли не с самого рождения страдающая лейкемией.

У Мелисски у самой дети — она расчувствовалась и стала говорить, что положено: что ребенок выздоровеет, если убрать родовое проклятье, наложенное хитрой и мстительной женщиной.

— Зачем она это сделала? — тихо спросил мавр.

Мелисса пожала плечами.

— Люди разные бывают. Некоторые не могут спокойно глядеть на чужое счастье. Мавр изменился в лице, расплатился и исчез. Не стал даже спрашивать, как снять проклятье.

А на следующий день в Мелискину обитель пришли персонажи совсем из другой сказки и арестовали ее за соучастие в покушении на убийство некой Марни Бауманн, секретарши фирмы по ремонту грузовиков.

Оказалось, что зять мавра, механик, регулярно изменял жене с Марни. О романе знали все — от директора до бомжа, живущего на заднем дворе. Этот бомж и поведал мавру про стерву, которая

- а) уводит чужих мужей,
- б) имеет на левом плече татуировку в виде трезубца,
- в) шугает бомжа от помойки, в которой он копался еще до ее рождения.

Мелисска подтвердила мавританские мысли, и тем же вечером он взял пистолет и пошел бороться с нечистой силой.

Мавра взяли с поличным, а там ниточка потянулась и вывела полицию на Мелиссу.

Профессия адвоката в чем-то сродни профессии колдуна: произнес волшебные слова и — бац! — была подозреваемая, а стала свидетельница.

Мелиссу выпустили из-под стражи на предварительных слушаниях. Пол пожал нам руки и умчался — весь покрытый славой и поцелуями клиентки.

— Сколько он с тебя взял? — спросила я.

— Мы договорились на бартер. Я ему погадала.

— На что?

— На тебя. Причем его почему-то совершенно не интересовало будущее. Он все больше про прошлое и настоящее расспрашивал.

Я едва совладала с улыбкой. Прелесть какая!

— И что же ты ему рассказала?

— Правду. Что по гороскопу ты — Скорпион и Змея, а в прошлой жизни была лошадью Пржевальского. Ты до сих пор думаешь, что ты редкий вид и тебе положено место в энциклопедии.

— А хорошего что-нибудь добавила?

— Конечно! Я сказала, что у тебя линия жизни за линию ума заходит. Это действительно большая редкость. Мне, кстати, надо сфотографировать твою ладонь, а то у нас в следующем месяце конференция по хиромантии, и я хочу выступить с докладом.

НЕВЫНОСИМАЯ ЛЕГКОСТЬ БЫТИЯ

10 апреля 2006 г.

Этого со мной не случилось уже давно: чтобы мужик сам за мной гонялся. Первая реакция — позвонить Арни и спросить, что делать? Вторая — позвонить маме с тем же вопросом. Третья — позвонить Леле, Мелисске и всем знакомым. Хочу обсуждать мою востребованность!

Я звезда! Только бы Зэк ничего не узнал!

Через 2 часа:

Все равно это кончится ничем. Зэк пришел домой — такая зайка! Принес мне мороженого. Вот она — любовь-то!

СМЕРТЬ ФОТОРЕПОРТЕРА

12 апреля 2006 г.

Позвонил Джо, бывший свекр, и сказал, что Лука погиб. В прошлом месяце он уехал в Багдад. На рынке в Садр-Сити¹ подорвался террорист-смертник, Лука побежал снимать, и тут сработала вторая бомба.

У меня нет ни слов, ни мыслей. Похороны завтра.

ЖИЗНЬ И СУДЬБА

13 апреля 2006 г.

Я втайне надеялась, что Зэк пойдет со мной на похороны. Но он сказал, что у него съемки рекламы майонеза. Сердце отказывалось понимать: Лука умер, а у этого один майонез в голове!

Уже потом, задним числом я осознала, почему Зэк отказался. Он не мог смотреть, как я буду убиваться по бывшему мужу.

Луку хоронили в закрытом гробу. Народу было много, многие пришли с детьми. Малышне надоело ждать, пока подъедет священник, и они носились по кладбищу.

¹ Садр-Сити — шиитский район Багдада.

Я смотрела на Терису и Джо. К ним подходили, утешали, но они ничего не понимали. Как это — растить ребенка, петь ему песенки, менять штаны, лечить... Устраивать дни рождения и доверять ключи от машины... А потом — хоронить?

Кто виноват в этом?

Лука всю жизнь был толстокожий медведь. Он мог снимать убитых и не сходить с ума. Он мог ехать на войну и не думать о родных. У него полностью отсутствовала способность «примерять» ситуацию на себя, и в глубине души он не верил, что с ним может случиться плохое. Так дети, бегавшие вокруг, не верили в смерть.

Ко мне подошел Бобби, журналист, для которого Лука снимал фоторепортажи.

— Почему он опять поехал в Ирак? — спросила я.

Бобби шмыгнул носом.

— Оттуда совестно уезжать. Мы, иностранцы, можем улететь домой, а иракцам лететь некуда. Они каждый день живут в этом аду. Их каждый день взрывают, у них литр бензина стоит доллар — да и то в очереди нужно стоять.

— А смысл? Вы все равно им ничем не поможете.

— Смысла нет. Мы можем только рассказывать об их бедах. Но возвращаться все равно нужно. Это как... Вот представь, ты болеешь, тебе очень плохо, а рядом сидит кто-то и держит тебя за руку: «Не бойся, я с тобой!» Мы показываем, что до них есть дело.

Бобби смотрел на край новенького гроба и рассказывал:

Самолеты в Багдад прибывают из Иордании. Чтобы не угодить под ракету, лететь приходится на высоте 30 тысяч футов и только потом, уже над самым аэропортом, спиралью нестись вниз. На машине — до Зеленой зоны. Это самое безопасное место в Багдаде — там находятся правительственные офисы и резиденции дипломатов. Но дорогу до блок-поста называют «Шоссе Смерти». Исламисты ходят туда как на работу — взрывать и обстреливать конвои.

Если едешь по городу, упаси Господь пристегиваться. Жвачка, наушники и ремни безопасности — верный признак иностранца, а с иностранцами разговор короткий. Даже торговцев, которые продают импортные товары, и то убивают.

В Багдаде правят не американцы и уж тем более не правительство. Хозяевами улиц являются всевозможные вооруженные группировки. Каждая из них сражается за свое: кто против суннитов, кто против шиитов, кто против иностранцев, кто против богатых, кто против бандитов, кто против их жертв.

— В Ираке идет гражданская война, — вздохнул Бобби. — Свободы, разумеется, стало больше: хочешь — смотри спутниковое телевидение, хочешь митингуй, сколько

влезет. Но жить стало труднее всем, кроме курдов. У них, на севере, экономический бум, и туда многие уезжают. Там можно отправлять детей в школы.

— В Багдаде в школы не ходят?

— Ходят. Но в столице самый доходный бизнес — похищение людей. Схватить могут кого угодно и когда угодно. Богачи живут в сараях и ездят на битых драндулетах. Если боевики узнают, что у тебя есть деньги, похищение практически гарантировано. Сейчас даже женятся потихоньку, чтобы посторонние ничего не знали.

— Полиция бездействует?

— В полиции служат те же боевики. Им корочки нужны для того, чтобы безнаказанно грабить и убивать «неверных». Американцы там болтаются между небом и землей. Наши морпехи хороши, когда надо провести военную операцию, а как дело доходит до полицейских функций — они пас. Их не тренировали для этого, да и как можно быть полицейским в стране, где ты не знаешь ни языка, ни обычаев?

Я вспомнила массовые анти-военные демонстрации, гремевшие по всей Америке.

— Иракцы знают, что мы протестовали против войны?

Бобби усмехнулся.

— Две недели назад я разговаривал с курдским старейшиной. Он сказал, что те, кто хочет вывести войска, либо безумцы, либо сторонники Саддама.

— Ого!

— Так не все думают. Для многих мы — воплощение зла. Чтобы стать террористом-смертником, записываются в очереди. По стране полно фанатиков, которые считают, что Аллах послал их убивать американцев. Ребята из «Time» недавно брали интервью у одного из них. Его спросили: «За что ты борешься?» Он ответил: «Во-первых, за ислам, во-вторых, чтобы стать мучеником, и в-третьих, за свою страну». Они хотят создать мусульманское государство, где не будет искушений Запада. Зачем им это нужно, они не думают: сначала сделаем, потом разберемся. При этом никто из них не собирается дожить до этого счастья.

— Так ведь гибнут-то в основном иракцы!

— Ничего страшного: они попадают в рай.

Приехал священник и начался молебен. Ветер трепал рубашки и платья.

— Пепел к пеплу, прах к праху.

— Аминь.

— Зачем, Бобби? Что он изменил своей смертью?

— Смертью — ничего, а жизнью — очень многое.

Поцеловав меня, Бобби пошел прочь. Это привычка иракской войны — не задерживаться в толпе дольше положенного.

КАМО ГРЯДЕШИ

14 апреля 2006 г.

Я сижу над компьютером грустная:

Моя муза — халтурщица вздорная.

Без нее моя проза — безвкусная,

И поэзия — малосъедобная.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

15 апреля 2006 г.

Я сидела вместе с Полом в суши-баре и неумело гоняла рис по тарелке. Что хотите делайте, но есть с помощью палок — это все равно что пить из дуршлага.

— Лука — дурак, — жаловалась я. — Он ведь жизнь родителям поломал! А у Терисы вчера еще одно несчастье приключилось: их отдел сократили. Ей, конечно, страховка положена за сына, без денег она не останется. Но дело не в деньгах! Когда человек всю жизнь проработал на одной и той же фабрике, для него увольнение — все равно что ампутация.

— Что за фабрика? — спросил Пол.

— Знаешь, ватные палочки, которыми в ушах ковыряют? Вот они их делали. А теперь все производство переводят в Китай.

— Ты ходила к Терисе?

— Ей со мной тяжело. Она как на меня посмотрит, сразу Луку вспоминает. А тут еще Джо орет, что она сына сгубила: записала его в детстве в бой-скауты, вот он и свихнулся на поиске приключений.

Плохое настроение — как бег под горку: чем дальше, тем труднее остановиться.

— Всех ненавижу, — ворчала я. — Книжка в России вышла — хоть бы один критик заметил.

Пол улыбнулся.

— Да, без критиков счастья нет.

— Тебе хорошо говорить! Знай себе — урок из тюрьмы вытаскивай! А мне надо как-то прославляться.

— Зачем?

— Хочу себе памятник.

— Ты его в гроб, что ли, с собой положишь?

— Да! Будем лежать в обнимку.

Пол меня разочаровал. Когда он позвонил, я была рада выбраться куда-нибудь. Все утро слонялась без цели по дому. На столе — горы рукописей, в ежедневнике — список дел. Зэк уехал, Барбара выходная... Но Пол не умел правильно сочувствовать.

— Что говорили на панихиде про Луку? — спросил он.

— Все то же самое, что у других: «Мы понесли невосполнимую утрату».

— Врали?

— Друзья, родители и редактор — нет. Остальные просто отмечались для галочки.

Пол разгладил салфетку на колене.

— Интересно, что люди будут думать на наших панихидах? Не говорить, а именно думать?

— Не знаю, — буркнула я.

Он усмехнулся.

— Самое обидное, что наши достижения никому не нужны. Никто не подумает: «О, как жалко, что Пол умер, — он был так богат!» или «Я не перенесу этого — ведь у него было столько женщин!»

— К чему ты это говоришь?

— Это не я, это Стивен Кови¹. Он пишет, что итог нашей жизни лучше всего виден на панихиде. Нас будут оплакивать только те, кто нас любил. Твоим читателям по-фиг, знаменита ты или нет. Никто не станет думать: «Как грустно — ведь про нее в «Космополитене» писали!» О тебе будут жалеть, только если ты будешь хорошим автором. А для этого не требуются ни критики, ни слава. Хочешь любви — будь нужной, а не известной.

Мы распрощались довольно сухо. Я сказала, что не нуждаюсь ни в чьих советах, но все равно весь вечер размышляла о панихиде. Итог получался неутешительным: умри я завтра, жалеть обо мне будут человек пятьдесят, не более. Причем сорок пять из них только потому, что им придется искать нового литагента. А остальные подумают примерно следующее: «Она была смешная. Всю жизнь пыталась взять судьбу за рога — причем китайскими палочками».

¹ Стивен Кови — автор бестселлера «Семь навыков высокоэффективных людей: мощные инструменты развития личности».

ГОРДОСТЬ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ

2 мая 2006 г.

Зэк — мальчишка... Он не умеет жить для себя, и потому все время оглядывается на других: что скажут, одобрят ли, не засмеют ли... Он постоянно чувствует себя на сцене, и даже когда остается один, старается не выходить из роли Наикрутейшего Мужика. Ведь всем до него есть дело; люди ночами не спят, думая, как он справляется.

Он носит такие майки, чтобы сразу было видно — да, ходит в спортзал. Причем каждый день.

Он смотрит все модные фильмы и даже составляет о них мнение (в основном подслушанное в телевизоре).

Заводит полезные связи, шутит хорошие шутки и оказывает услуги, создающие ему репутацию.

Зэк не понимает, что вся его работа на публику в конце концов выливается в паразитическую степень несвободы. Он выступает в театре одного актера, где он не только единственный артист, но и единственный зритель.

У него сломалась машина. Я хотела заехать на студию, чтобы подобрать его. Зэк смутился.

— Не надо. Меня Мэтью подвезет.

— Да мне ж все равно по дороге!

— Не надо. Вдруг тебя кто увидит?

Проболтался. Смешной — он скрывает меня от людей. Кто-то из знакомых ляпнул ему: «А чё это ты женился на старухе? Она тебя старше на целую эпоху». И все — образ Наикрутейшего Мужика разрушен. Мне даже интересно, как Зэк отмазывался — говорил, что все это из-за грин-карты? Но ведь жить со мной при этом необязательно... Промашка в алиби вышла.

Бедный малыш! Иногда так хочется обнять его, прижать к груди, сказать, что ему не стоит так убиваться. Но он не позволит. Наикрутейшие Мужики презирают телячьи нежности. Даже когда их очень не хватает.

ДОБРЫЙ ГЕНИЙ

10 мая 2006 г.

Звонила Териса. Сказала, что ее пригласили на работу в гольф-клуб в Лонг-Биче.

— Кажется, кто-то из членов клуба порекомендовал меня.

— А кто именно? — спросила я.

— Не знаю. Какой-то адвокат. Наверное, он представлял интересы нашей фабрики.

Но я его совершенно не помню.

МАНИФЕСТ

7 июня 2006 г.

1. Доверять голосование на выборах людям, не читавшим конституции своей страны, — это все равно что посадить за руль человека, не знающего правил дорожного движения.

И в том, и в другом случае дело кончится катастрофой.

2. Национализм — это не кровь в жилах, а моча в голове. Людям, считающим национальность своим главным козырем, по всей видимости, больше нечем хвастаться.

3. Человек, утверждающий, что ненавидит ту или иную страну, — либо маньяк-убийца, либо дурак. Ненавидеть миллионы незнакомых людей — это, пардон, клиника.

4. Я патриот планеты Земля, а не отдельно взятых президентов и их администраций. Однако некоторые страны ходят у меня в любимчиках: та, где я родилась, та, где я живу, и те, куда мне хочется съездить.

5. Я не верю в жидо-масонский заговор. Если национализм — это полное неуважение к другим нациям, то антисемитизм — это полное неуважение к своему народу. Человек, утверждающий, что «евреи тайно управляют миром», по сути провозглашает, что евреи — это такие супер-люди, которые на порядок умнее всех остальных.

6. Человек, обвиняющий в своих несчастьях кого угодно, кроме себя, обречен повторять СВОИ ошибки бесконечно. То же самое касается и государств.

7. Этот мир спасет не красота, а образование. Подавляющее большинство людских бед проистекает от элементарного неумения читать («уметь читать» не означает «знать буквы»).

8. Я за смертную казнь по отношению к тем, кто насилует и намеренно убивает детей.

9. Любой человек имеет право жить там, где ему нравится. Однако если он приезжает в чужую страну и заводит в ней свои порядки, то ему стоит вернуться.

10. Запрет на международное усыновление — это не патриотизм, а живодерство.

11. Я за то, чтобы гражданам разрешалось владеть оружием. У преступников оно так и так есть, а у граждан должно быть право на самооборону.

12. Соблюдение правил дорожного движения нужно не полиции, а нам самим. По крайней мере, тем, кто собирается дожить до пенсии.

13. Бесчеловечнее аборта только рождение никому не нужного ребенка.

14. Я пойду на войну только в том случае, если будет прямая угроза моему дому, моей семье и тому общественному порядку, который мне дорог. Причем прямая угроза — это прямая угроза, а не завывания политиков по телевизору.

15. Если какой-то чиновник начнет мне указывать, что читать и смотреть, он должен меня удочерить. Хочешь быть моим папой — будь.

16. Я верю в Бога, только когда болею, боюсь или играю в карты. У нас сложные и очень интимные взаимоотношения, в которые не стоит вмешиваться. Будет надо — мы позовем.

17. Люди, выкидывающие мусор на тротуар, достойны набивания морды.

18. Каждый народ достоин своего правительства. Диктатуры и полицейские государства возникают только тогда, когда народ соглашается кланяться и писать доносы.

19. Гомосексуализм меня не напрягает, если он никак не влияет на мою жизнь.

20. Суд присяжных не равняется торжеству закона. Скучающие и ничего не понимающие в юриспруденции люди не могут быть справедливыми и беспристрастными. В особенности тогда, когда идут в суд только из страха перед ответственностью.

21. Армия должна быть профессиональной. Чиновник, готовый переводить свой народ на пушечное мясо, заслуживает звания «враг народа».

22. Церковь, которая занимается коммерцией, а не благотворительностью, не должна иметь налоговых льгот.

23. Я не настаиваю на равенстве мужчин и женщин. Мы изначально разные. Однако я настаиваю на равноправии.

24. Если ты против коррупции — не давай и не бери взятку. Если же даешь и берешь — не жалуйся.

25. Нельзя делать «грязную» работу, исходя из принципа «все равно это кто-то сделает». Не нужно отвечать за всех. Нужно отвечать за себя.

СТЕНА

11 июля 2006 г.

Я сидела у Агнессы, двоюродной сестры Ээка, и рассказывала ей про мечту моего детства — прекрасную страну ГДР.

— В нашем дворе жила девочка, у которой дядя служил в Западной группе войск. Он присылал ей немецкие жувачки. Как-то раз мне удалось обменять арбуз на пожеванную жувачку. О нежеванной я и не мечтала.

А ГДР-овские куклы! Таких платьев с рюшками не было даже у Софии Ротару! А бюстгальтеры! А восхитительные сапоги осенне-зимнего сезона! ГДР казалась нам пещерой Али-Бабы и Меккой одновременно.

Агнесса слушала меня с недоумением: ее ГДР была совсем иной.

Она родилась и выросла в Восточном Берлине, и в ее жизни всегда была Стена. Бетонные блоки высотой в 3,6 метра опоясывали другое государство — Берлин Западный. Еще в 1945 году страны-победители поделили Германию на сферы влияния: одним половинку побольше, другим — поменьше, одним одну часть столицы, другим — другую. Стена шла прямо через улицы. Мешающие дома сносили; окна, выходящие «не туда», заделывали кирпичом.

— В Западном Берлине боялись, что вы на них нападете? — удивилась я.

— Это ГДР, а не ФРГ построила Стену.

— Зачем?

— Чтоб не дать нам удрать на Запад. Люди тысячами бежали от коммунизма. В Западном Берлине была свобода слова, свобода предпринимательства, свобода передвижения... А у нас — коллективизация и повышение норм труда. Мы жили очень бедно.

Бедно они жили! Моя подруга рассказывала, что в ГДР-овских магазинах продавали по несколько сортов колбасы, и пиво было всегда, везде и без очереди.

— И даже когда в 1961 году построили Стену, народ все равно уходил. Кто подкопы рыл, кто перелетал на дельтоплане... Некоторые даже перебирались по веревке, протянутой между домами.

— А пограничники что?

— Стреляли. Больше двухсот человек угрохали, а скольких ранили — Бог весть.

Берлинская Стена разделила жизнь Агнессы на «до» и на «после». «До» были партсобрания, тупая пропаганда и всеобщее стукачество. А «после»...

В 1989 году Венгрия открыла границы, и восточные немцы ринулись через нее в Австрию, чтобы оттуда попасть в ФРГ. Это был массовый исход. Предотвратить его было нельзя, как нельзя остановить лавину. Но Партия надеялась силой удержать разбегающийся народ.

— Во всех городах шли демонстрации. Мы слали на хер эту систему, — рассказывала Агнесса.

9 ноября правительство огласило новые правила выезда на Запад.

— Я смотрела выступление Шабовски¹ по телевизору. Он говорил, что отныне каждый вправе посетить Западный Берлин. Мама не верила. У соседей мальчишку недавно арестовали за побег.

Но верить так хотелось! Агнесса схватила сумку, термос с кофе и выскочила на улицу.

У пропускного пункта творилось невообразимое. На мостовой — сотни брошенных машин. Холодно, сыро, а все улыбаются. И отовсюду слышно радио: из открытых окон, из переносных транзисторов.

Пограничники стояли как нашкодившие коты, готовые к драке. Толпа скандировала: «Убрать Стену! Убрать Стену!» Некоторые сумасшедшие подставляли друг другу спины и пытались перелезть поверху. «Ни с места!» — надрывался офицер, но его никто не слушал.

Какой-то мужчина притащил кувалду и ударил в Стену. Кусок бетона отвалился, вокруг заплодировали. И тут с другой, Западной стороны послышался глухой стук. Там уже кто-то пробивался навстречу.

Это стало сигналом. Люди хватали первое, что подвернется под руку — камни, арматуру, — и штурмовали Стену так, как штурмуют крепость лютого врага.

Стемнело. Фары освещали радостные лица. Удар! Еще удар! Бетонная глыба повалилась под ноги, открыв небольшой проем. С той стороны протянулась рука: «Мы здесь!»

В течение трех дней в Западном Берлине побывали 3 миллиона восточных немцев. Берлинская стена еще стояла, но уже не Стеной, а обычным городским забором. А потом ее и вовсе снесли.

Мы долго говорили с Агнессой. Припоминали, рассказывали и недоумевали. Еще с утра 9 ноября 1989 года несанкционированный переход в Западный Берлин карался смертью. В ночь на 10 ноября границу переходили даже те, кто стрелял в нарушителей. Мораль, законы бытия — все изменилось в одно мгновение.

Еще мы вспоминали о Горбачеве. У них, в Восточной Европе, он был зримым символом освобождения — человеком, добровольно отказавшимся от тирании. В России Горбачев ассоциировался с убогой нищетой и всеобщим развалом. Так кем же он был?

¹ Гюнтер Шабовски — член Политбюро Социалистической единой партии Германии.

Еще я с грустью думала, что твой потолок может оказаться чьим-то полом. Я так мечтала о ГДР — стране жувачек и фильмов про Виннету, а сами восточные немцы не понимали своего счастья: они хотели жить в ФРГ. Западные немцы тоже не были довольны и стремились к чему-то своему — недоступному и прекрасному.

И нет предела совершенству.

ЗАПИСКИ НАДЗИРАТЕЛЯ

15 июля 2006 г.

Женщина, у которой муж ушел на войну, называется соломенная вдова. А как называется женщина, у которой муж ушел в кино? Причем не временно, а навсегда?

Зэка нет в моей жизни. Сегодня в ней был компьютер, Пи-Пи и кошка по имени Кока-Кола. Агнессе опять надо было на гастроли и она попросили меня посидеть с ребенком.

— Няня уволилась, — сказала она. — Пи-Пи целыми днями играет в Ближневосточный конфликт и захватывает заложников. Старушка больше так не могла.

На улице жара. Чем могут заниматься три женщины, запертые в доме? Я сказала Пи-Пи, что меня нельзя брать в плен: я — Кондолиза Райс, и у меня много государственных дел. Ребенок вздохнул и полез в ящик стола.

— Тебя нужно покрасить, — заявила Пи-Пи, доставая коричневый фломастер. — А то ты ненастоящая Кондолиза.

— Мне некогда! — рявкнула я. — Иди с кошкой поиграй.

В течение часа Кока-Коле довелось побыть:

- Хизбаллой,
- Бейрутским аэропортом,
- дочкой,
- воспитательницей,
- падающим индексом Доу-Джонс,
- ковбойской лошадью,
- Микки-Маусом,
- президентом Путиным, председателем Большой восьмерки.

Потом Кока-Кола вспомнила, что у нее только девять жизней и еще одного издевательства ей не перенести. Она сиганула на шкаф и затаилась.

Я выбрала первый попавшийся DVD.

— Смотри кино, Пи-Пи. Потом перескажешь.

— Мардж! — позвала она через секунду. — А почему у тетеньки большой живот?
В телевизоре сидела беременная женщина.

— У нее там ребеночек.

— А у тебя где ребеночек? В попе?

За мою попу Господь отомстил. Ночью меня разбудил кошачий визг и детский рев. Кока-Кола по непонятной причине любит спать в кастрюлях, тазах и прочих емкостях. На этот раз она выбрала детский горшок. Пи-Пи проснулась, вылезла пописать и, не глядя, уселась на кошку.

У нас у всех была истерика.

СТО ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА

19 июля 2006 г.

Интересно, почему мужики всегда от меня уезжают? И всегда по делу. Впрочем, у них делом считается все, что угодно — от подписания сделки до «попаяться на футбол в спортбаре».

О'кей, я согласна, что я не самая красивая и не самая умная женщина на свете. Но так ведь они сбегают не к женщинам! Они сбегают к другим мужикам или вообще к компьютеру! Каждый из моих мужей в свое время утверждал, что семья и любовь для него — главное. Но при этом как-то само собой разумелось, что «главное» должно «понять и простить», когда они занимаются херней.

Они и сами осознают, что любовь важнее футбола. Никто не скажет на смертном одре: «Эх, надо было мне больше телевизор смотреть!». Они будут сетовать, что недостаточно внимания уделяли близким, что им надо было быть подороже, понежнее, повнимательнее к тем, кого они любили...

Ну так зачем ждать смертного одра?

Психоаналитик Арни говорит, что когда тебя окружают одни мудаки, значит, ты — центральный. Я мудака, да?

Разумеется. Я по-мудацки не умею играть в одни ворота. Мое мудацкое настроение портится, когда мне показывают, что я не на первом и даже не на тридцатом месте. И моя мудацкая любовь начинает высыхать, когда ее не поливают.

Почему мы вежливы и деликатны с чужими людьми и равнодушно-бессердечны с близкими? Потому, что близкие никуда не денутся. Чужие могут обидеться и не простить. А свои простят. Они привязаны к нам и потому проглотят все, что угодно.

Любить невыгодно. Когда любишь, всегда чего-то ждешь в ответ. А ждать не надо — тогда не будет и разочарований. Но ничего не ждать можно только от того, до кого тебе нет дела.

О ЛЮБВИ

20 июля 2006 г.

Плюсы Зэка	Минусы Зэка
<ul style="list-style-type: none"> - Любит меня. - Умеет заниматься сексом; - Хорошо одевается и хорошо пахнет; - Нравится другим женщинам; - Им легко гордиться; - Умен; - Остроумен. 	<ul style="list-style-type: none"> - Он маленький!!! - Не умеет выразить любовь иначе как сексом; - Забывает звонить; - Опаздывает; - Обижается не по делу; - Писает мимо унитаза и не вытирает за собой; - Считает, что его работа важнее всего; - Ничего не читает, кроме сценариев; - Не уверен, что мною можно гордиться. - Заколебал меня своей финансовой независимостью: за все пытается платить сам и ничего от меня не принимает; - Ничего не умеет делать по хозяйству; - Не нравится ни моей сестре, ни Мелиссе. А мама вообще про него не знает. И рассказать ей — невозможно.

Арни посоветовал мне составить эту табличку, чтобы я могла разобраться в своих чувствах. Составила, а толку — ноль.

Дело здесь не в плюсах и минусах, а в том, что мне безумно нравится иметь этого мальчишку. С ним трудно, он напрягает, но я сейчас лягу спать и буду слушать машины за окном. Буду ждать, когда он подъедет, зайдет в дом и в носках прокрадется в спальню. Уткнется носом мне в руку и прошепчет:

— Привет, жена!

ОПЕРАЦИЯ «ХАОС»

26 июля 2006 г.

Что можно считать изменой? Только секс? Изменяешь ты, когда ходишь в кафе с другим мужиком? Он за тобой ухаживает, а ты принимаешь это как должное, потому что тебе нравится сам процесс...

Я знаю, что женщины замечают моего мужа. Он излучает особую мужскую энергию, поэтому на него хочется смотреть снова и снова. О нем приятно думать. Я уверена, что во время съемок Ээк не только целуется с актрисами, но и обедает с ними, сидит допоздна у них в трейлерах и греется в их обожании, как кот на солнышке.

Я тоже так хочу! Ему двадцать, мне сорок с копейками, и, возможно, у меня это последняя возможность покрутить хвостом. Это не измена. Только дура полезет в постель к коротконогому Полу, когда у нее есть знойный красавец. Мне просто нравится быть желанной.

Имею право?

Агнесса опять попросила меня посидеть с дочкой, и я позвала с собой Пола. С Пи-Пи было взято честное-благородное слово, что она никому не скажет о дяде.

«А если и проболтается, то так Ээку и надо, — подумала я. — Он сам виноват. Не надо было оставлять меня одну».

Пол вошел в Агнессину квартиру, страдальчески покрутил носом...

— Тут что, бомбили?

— Нет, — ответила я.

— Да, — ответила Пи-Пи и снова запустила мячом в стену.

Квартира действительно выглядела так, как будто в ней сначала побывали грабители, а потом следователи.

— Дядя Пол, хочешь в мой плен? — кокетливо спросила Пи-Пи.

— А зачем я тебе?

— Я тебя обменяю на боевых товарищей. Мардж арестовала все конфеты и заперла их без суда и следствия.

Пол задумался на секунду.

— Нет. Давай мы с тобой лучше создадим военную коалицию.

Глаза Пи-Пи заблестали.

— А против кого?

— Против нездоровых элементов. В этой квартире сложилась ось зла — грязная раковина, кофейный стол и куча барахла на стуле. Они хотят уничтожить любую надежду в регионе. Мы не можем этого допустить.

— А кто у нас будет Хизбаллой?

Оплотом террористов был назначен унитаз, к которому действительно было страшно подойти.

— Я ему сейчас предъявлю ультиматум! — сказала Пи-Пи.

Дипломатические усилия ни к чему не привели: через пару минут она вернулась из туалета и сообщила, что нанесла упреждающий удар по врагу.

Пол занялся разведкой крупных скоплений противника, а я — поставкой вооружений.

Спутниковая съемка показала наличие в квартире химического оружия, которое распространял террорист № 1 — кошка Кока-Кола. Арсенал у нее был богатый: шерсть на кресле, писанина на ковре и кошачий корм по периметру.

Пол хотел поступить с ней как с военным преступником.

— Не надо! — закричала Пи-Пи. — Кока-Кола у нас мышей ловит!

— У вас что, еще и мыши водятся?!

— Нет. Потому что у нас есть КОШКА!

В 12 часов мы приступили к операции «Боевой Порядок». Первое столкновение с противником произошло в детской. Спецназ атаковал кучу штанов, разделил ее на мелкие группировки и расправился с каждой по отдельности: кого в стирку, кого в шкаф, кого на тряпочки.

Более ожесточенные бои шли на кухне, где враг оказал отчаянное сопротивление генералу Тряпке. К 2:00 кухня была полностью под контролем союзников.

Тем временем я начала зачистку трущоб в ванной.

После артобстрела резиденции Хизбаллы «Окси-Клин», я поменяла тактику и перешла к осаде. Но только тогда, когда Пол починил слетевший клапан в бачке, враг понял, что сопротивление бесполезно и поднял белый флаг.

Последние отряды грязи были уничтожены с помощью швабры, и мы приняли безоговорочную капитуляцию противника.

— Теперь я не знаю, кем мне быть, — сказала Пи-Пи. — То ли фельдмаршалом, то ли уборщицей. Мне и то, и то нравится!

105° ПО ФАРЕНГЕЙТУ

30 июля 2006 г.

105 градусов в тени¹. Кондиционер погиб смертью вредных в самую неподходящую минуту. Сегодня ночью он мне снился — зовет, что ли, за собой?

Как всегда, с горя сочинила стишок:

Это жаркое лето — какой-то пиздец!

Вы простите мне грубое слово...

Я растаяла словно свиной холодец

На витрине шоферской столовой.

Отскребите меня, положите в стакан —

Пару льдинок, немножечко виски...

И, пожалуйста, слейте в ближайший фонтан.

Хотя лучше всего — в австралийский.

Говорят, там зима и прохлада в ночи...

Крыша плавится. Где же вы, братцы-врачи?

ХОЧУ В ПАРИЖ

31 июля 2006 г.

Все конфликты в этом мире проистекают только по одной причине — неоправданные ожидания. Мы с Эком затеяли общий дом, настроили, накрутили, а конструкция не держится и все время заваливается набок. Нет у нас нужного цемента — общих целей и идеалов.

Он приехал со съемок. Красивый — до тоски в сердце. Болтал, гремел дверцами кухонных шкафов, уже не помня, где у нас соль, а где кофе.

Все его мысли там, на съемочной площадке. У него роль — аж целых две страницы. Он звезда и ждет моих аплодисментов.

А я уже все это проходила. Я видела, как люди, у которых было 20 страниц текста, ломались от собственной невостребованности. Они каждый день ходили в черных очках и ждали, что их разоблачат и начнут просить автографы. Не разоблачали и не просили. Слишком много тут, в Голливуде, киногероев.

¹ 105 градусов по Фаренгейту равняются 40,5 градусам по Цельсию.

Мне хочется не аплодировать, а жалеть. Зэк чувствует это и заранее негодует. Он ест пожаренную Барбарой яичницу, машет вилкой и доказывает, что «да-да, не сомневайтесь... Брэд Питт уже старый, а свято место пусто не бывает».

А чего хочу я? Я хочу в Париж. CNN сообщили, что там нынче приятное солнышко и ветерок. Там узкие улочки и кружевные дома, помнящие Наполеона III. Там в отеле на rue du Conservatoire меня ждет прелестная Моник. Она умеет превращать мясо в произведение искусства, а фрукты — в пищу богов.

— Поехали, а?

Я смотрю Зэку в глаза, отлично понимая, что никуда он не поедет. Он объясняет, почему: ему нужно репетировать, у него встреча с агентом, у него визит к дантисту...

Я уговариваю. Я нахожу десятки доводов «за». Мне хочется поскандалить в духе «Ты меня не любишь!» Зэку хочется спать. Он сегодня целый день работал и вымотался как собака.

Он опускается в кресло, включает телевизор и растворяется в полусне-полуфутболе. А я смотрю на его профиль на фоне абажура.

Все вернулось на круги своя. Я каждый раз наступаю на одни и те же грабли: сначала страсть, огонь, а потом унылое «Я устал». Неужели опять все? Неужели нет никакой надежды на то, что бывает иначе?

Любовь у людей — это как цветы у растений: у кого-то случается один раз в жизни, у кого-то — пятьдесят. Но нет ни дерева, ни сорняка, цветущего все время.

Мои лепестки засохли и съезжились. И, наверное, это мой последний бутон.

Как ты можешь отпускать меня? Как ты можешь не чувствовать, что еще чуть-чуть — и все? Я люблю твою бритую башку с чуть отросшей щетинкой, люблю твою искренность и полное неумение притворяться (шикарное качество для актера!)... Мы — как кубик-рубик, в котором сошлась только одна сторона, а все остальные пребывают в первобытном хаосе. Впрочем, ты, наверное, не знаешь, что такое кубик-рубик. Вы ведь с ним ровесники...

ТАЙНА УБРАННОЙ КВАРТИРЫ

1 августа 2006 г.

Пи-Пи проболталась насчет Пола. Агнесса обиделась и сказала, что водить в дом посторонних в отсутствие хозяев — это свинство. Она рассказала все Зэку. Пришлось врать, что я наняла уборщика помыть полы. Агнесса надулась еще больше.

— Спасибо, что ткнула меня носом! Но у меня не сто рук, чтобы справляться и с работой, и с ребенком, и с уборкой.

Зэк ничего не сказал.

НА ВЫБОР

9 августа 2006 г.

1. Флирт или любовь? — Любовь — это краткосрочные инвестиции. А флирт бессмертен.

2. Худеть или толстеть? — Хотя бы не меняться. В похудение я уже не верю.

3. Кошки или собаки? — Верблюды. Они могут долго не есть, значит, их не нужно выгуливать.

4. Косметика или «как есть»? — Без макияжа я хожу только к визажисту.

5. Прошлое или будущее? — Наверное уже прошлое. Но оно у меня так печально, что это смешно.

6. Друзья — женщины или мужчины? — И те, и те. Мелиска не умеет говорить «об умном», Пол — о бабском. Они дополняют друг друга.

7. Слава или деньги? — Одно без другого не бывает. Исключение — Христос, но он жил до изобретения интернета.

ЛОСЬ

10 августа 2006 г.

Я наелась мороженого и у меня пропал голос. Зэк купил мне таблеток, сделал горячего чая.

— Все, теперь помалкивай. Тебе горло надо беречь.

— Я еще с тобой не наговорила!

— Будешь трепаться, я к Агнессе уйду. Сиди и молчи.

Но молчать я не могла. Мне хотелось, чтобы меня жалели, а для этого нужно было рассказывать о страданиях.

Зэк взял ключи от машины и действительно ушел. Через полчаса раздался телефонный звонок.

— Хэлло! — прогудела я в трубку.

На том конце провода молчали.

— Здравствуйте, — наконец сказала Пи-Пи. — А вы кто? Серый Волк?

Разочарованная, я посмотрела на себя в зеркале.

— Я — лось. Просто лось.

— А почему вы так странно разговариваете?

— У меня брачный период. Мы, лоси, в это время всегда трубим дурным голосом.

— А у Мардж тоже брачный период? Мне нужно сказать ей кое-что важное.

— Можешь сказать мне, я ей передам.

— Ну хорошо. Знаете, Лось, сегодня я попросила маму родить мне братика, котенка и маленького щенка — а то мне совсем скучно одной. Так вот: у меня НИКОГДА не будет даже братика!

— Почему?

— Мне дядя Зэк только что объяснил. Котят рожают кошка, а щенят — собака.

Получается, что мама может родить только маму, а я — только маленькую Пи-Пи.

Понятно?

И расстроенное дитя положило трубку.

Как выяснилось, после этого оно подошло к Зэку и спросило:

— А что это за лось сидит дома у тети Мардж?

— Какой лось?

— Обыкновенный. Он сказал, что у них с Мардж брачный период и поэтому она не может подойти к телефону.

Когда Зэк примчался домой, меня не было — я ездила в больницу. Я оставила на столе невыключенный компьютер и он сел читать мою почту. Последний имейл был от Пола. Он звал на бега в Санта-Ану и писал, что «Муж не узнает». Зэк собрал вещи и уехал к Агнессе.

Только что мне пришло письмо: «Не звони мне и не пиши. Все равно ответа не дождешься. Будь счастлива, если сможешь».

Ну что ж... Постараюсь.

СОБОР ПАРИЖСКОЙ БОГОМАТЕРИ

17 августа 2006 г.

Я позвонила Леле и наткнулась на Джоша, приехавшего на побывку.

— Передай матери, что я еду в Париж.

— С муженьком? — хихикнул он.

— Нет.

— Я б с тобой поехал. А то тебе, небось, скучно будет одной. Вот я вернусь из армии, можем организовать. С тебя билет и гостиница, с меня — интеллигентный вид.

Но я не поддаюсь искушению. Последний раз Джош выглядел интеллектуалом, когда варил обед по мотивам «Сказок мира»: каша из топора, Колобок, покатанный по дороге, горошины принцесские, раздавленные... Джошу тогда было 7 лет.

Я заболела Парижем еще в детстве. Начиталась талантливого пиарщика Дюма и влюбилась без памяти. Так принцессы влюблялись в рассказы сватов.

При личной встрече Париж слегка меня разочаровал. Метро попроще московского, водители дурнее американских. Туристов тьма. Арабов и негров столько, что непонятно, где ты — во Франции, Алжире или на острове Мадагаскар.

Я всегда придумываю клички городам.

Лос-Анджелес — это «Салат Изюминка»: много зелени, специй и калорий.

Москва — «Военный парад». Такие у всех лица.

А Париж — это «Кружево». Юбки шансонеток, Булонский лес, Эйфелева башня... Куда ни глянешь, везде кружева.

Я хожу по древним мостовым. Они видели охоты Короля-Солнца и колеса нацистских кухонь... Я забираюсь на колокольню Собора Парижской Богоматери и смотрю вниз. Зачем я здесь? И что мне дома не сидится?

Все очень просто: нигде в мире не делают столь вкусных конфет. И нигде красавицы с лицами мадонн не сидят консержками в гостиницах и билетершами в кассах. По-моему, это восхитительно.

МУЛЕН РУЖ

22 августа 2005 г.

Я ждала, что Зэк позвонит мне. Но вместо него позвонил Пол.

— Ты в Париже? Что делаешь?

Я горестно вздохнула.

— Возлагаю цветы на могилы великих. Мне грустно, а когда мне грустно, я начинаю разговаривать с мертвыми.

— Главное, чтобы они с тобой не разговаривали. А, может быть, лучше не по кладбищам, а по бабам пойдём? В «Мулен Руж»?

— А ты где?

— Я тут.

Сердце мое вздрогнуло.

— Ну давай в «Мулен Руж»...

Положив трубку, я набрала Барбару:

— Если Зэк спросит про меня, скажи, что я в Париже и не одна.

— Уже?! — ахнула Барбара. — А с кем?

— О других чудесах великомученицы Мардж будет объявлено дополнительно.

Голыми титьками меня не удивишь — я уже бывала и в Лас-Вегасе, и в общественной бане города Юрьевца. А вот на Пола шоу произвело неизгладимое впечатление. Он так искренне аплодировал, что опрокинул на меня бокал с красненьким.

Я сделала вид, что пятно мне идет, но все равно какая-то дамочка спросила:

— Вы что, вино пили?

— Нет. Мясо ели!

Мне хотелось убить Пола.

Представление закончилось глубокой ночью, к стоянке такси выстроилась очередь.

Пол достал карту города и заявил, что мы легко дойдем пешком. В нем бурлил адреналин, и ему хотелось приключений.

Заблудились мы довольно быстро. А в довесок обнаружилось, что я натерла жуткие мозоли.

Попробовала идти босиком, но так было холодно. Пол отдал мне ботинки, но тогда стало холодно ему. В конечном счете я забрала его носки и в таком виде гордо шла по Парижу.

Как ни странно, полиция не обратила внимания на женщину в мужских носках и в вечернем платье с красным пятном на животе. Но потом мы встретили парней в колготках в сеточку, и я поняла, что Париж уже ничем не проймешь. Обрядись я хоть монголо-татаринном, приехавшим за данью, на меня все равно никто не посмотрит. Столица моды — ничего не поделаешь.

Я затащила Пола к себе в номер, но он догадливости не проявил и полночи обсуждал со мной прелести шансонеток.

С досады я вытащила из чемодана бутылку вина.

— Будем пить, пока друг другу не понравимся.

Этого мы достигли довольно быстро, но потом он захотел спать.

Полночи я строила кровожадные планы: как разведусь с Зэком, да как настучу, что у меня под боком незаконный иммигрант живет! Тут-то его, тепленького, и повяжут! В 24 часа выпиннут из страны: пусть в Новой Зеландии клоуном работает.

А Пол — тоже мне, артист. У него тут любимая женщина сидит, а ему хоть бы что! Заснуть я не смогла и пошла проверять имейлы. От Зэка ничего не было.

Я набрала Барбару.

— Звонил?

— Нет. Но зато я его по телевизору видела. У него интервью брали.

Живет где-то без меня. И все у него хорошо, у засранца. Я оглянулась на Пола.

Он спал, натянув на плечо мой халат. Ситуация была яснее ясного. Женщина, которая не умеет готовить, вынуждена питаться полуфабрикатами еды. Женщина, которая не умеет быть любимой, вынуждена довольствоваться полуфабрикатами мужиков.

КОД ДА ВИНЧИ

23 августа 2006 г.

Пол открыл один глаз.

— Привет. О чем думаешь?

Я вздохнула.

— Мы должны повидать Мону Лизу.

— Ой нет, нам туда не хочется! Лучше уж на кладбище — цветы возлагать.

— А как же Мона Лиза?

— А как же твои мозоли? По Лувру ходить надо.

— А я надену махровые носочки и теннисные тапки.

Пол купил себе ворох газет и поплелся за мной расширять кругозор.

Я люблю музеи. Гляжу на скульптуры и мысленно прикидываю, как бы они смотрелись в моем доме. «Умиряющего раба» поместим в кабинете. Пусть символизирует меня за работой. А «Восставший раб» — это в спальню. Там ему самое место.

Интересная штука — средневековое искусство. Убей бог, не понимаю, как люди могли УКРАШАТЬ свои церкви умирающими святыми. Им что, нравилось смотреть, как люди мучаются? Впрочем, чего от них ожидать... Читать не умели, кинематографа у них не было. Единственное развлечение — публичные казни.

Но самой трагичной фигурой в залах Средневековья был не Иисус и не Святая Лючия. Это был Пол. Он ходил за мной печальным хвостиком. Сидел на лавочках, крутил в руках смятые газеты...

Он оживился только тогда, когда я стащила с ног тапки и заявила, что дальше я пойду в носках.

— А может, домой?

— Я еще Мону Лизу не видела.

— Да на фига она тебе сдалась?! У нее грудь — как надувной матрас!

— Зато о ней писал Дэн Браун!

В этот момент ко мне подошел юноша в форме.

— Почему мадам в носках? — спросил он.

Я оглядела свой наряд: синяя майка, белая юбка и оранжевые махровые носки.

— У меня мозоли.

Но юноша такого слова по-английски не знал.

— Покажите обувь!

Охранники в музеях не любят странных посетителей: от нас, от психов, всего можно ожидать. Мы и картину искромсаем, и сопрем то, что плохо приколочено.

Заглянув в тапки, юноша нехотя вернул мое имущество.

— В носках нельзя.

— Послушайте, я не могу БЕЗ носков! Тут паркет 17-го века. Вдруг ко мне грибок пристанет?

— Наденьте обувь!

Я кое-как нацепила тапки и, хромая, побежала в другой зал, чтобы там снова разуться. Но изверг-охранник и не думал отставать.

— Наденьте обувь! Я буду следить за вами!

Я оглянулась, разыскивая Пола, и тут увидела его, катящего инвалидное кресло.

— Мне на входе дали, — сказал он и накиннулся на охранника: — Что ты к ней пристал? Не видишь, человек болеет? Ей Мону Лизу приспичело посмотреть! Садись, горе луковое!

Я уселась на сидение и с триумфом покатила навстречу мечте.

Народу перед Моной Лизой было, как на вокзале.

— Пропустите инвалида! — кричал Пол и вел мою каталку на таран.

Там, у заградительного барьера я разгадала тайну Джоконды. Тускло-желтый цвет лица, бледные губы и отечность век — верный признак анемии. Бедная тетенька

наверняка не любила фрукты и в результате заработала себе скудные менструации и всемирную славу.

Я бы в своем доме ее не повесила. Разве что в медицинский шкафчик.

ЖИЗНЬ ОДНОКЛЕТЧАТЫХ

25 августа 2006 г.

Мы сидели в аэропорту уже шестой час, а наш рейс все откладывали и откладывали.

Я подумала, что Пол все-таки любит меня. Странную любовью — любовью издалека. Он признался, что не подпускает меня близко, потому что я женщина - атомная война.

Там, где я появлюсь, остается разруха. Кегельбан не смог выдержать груза моих надежд: я запугала его так, что он вообще завязал с бабами. Лука хотел, но не знал, чем меня удержать. Он был как мальчик, пытающийся подарить мне самое дорогое — игрушечный пистолет. А я посмотрела на него и сунула обратно: «Не надо».

— Макс отделался легче, — сказал Пол, ухмыляясь. — Ты оказалась всего лишь неудачным проектом. Но именно неудачные инвестиции — самое большое несчастье для таких людей.

Поначалу я пришла в ужас: откуда он все знает?

— У меня досье на тебя, — заявил Пол серьезно, а потом не выдержал и фыркнул: — Ты сама мне разболтала по пьянке. Разве не помнишь?

Я не помню! Не было такого! Впрочем, он расспрашивал обо мне Мелисску; не исключено, что и Кевин что-нибудь ляпнул.

— Зэк тоже пострадал от твоей «радиации», — сказал Пол. — Теперь до конца дней будет пристукнутым на голову. У тебя есть дар оправляться от неудач, у него нет. Ты регенерируешь как амeba: от тебя отрежут кусочек — ты тут же новый вырастишь. А твой муж — существо более высокого порядка, ему амebские технологии не подходят.

Я вспомнила, как на следующий день после ссоры мне уже хотелось мириться с Зэком. Моя рана тут же затянулась, а его — нет, и он не захотел ковыряться в ней.

— А ты сам не боишься моей «радиации»? — спросила я. — Ты взял отпуск, приехал за мной...

Я никогда раньше не говорила, что «замечаю» ухаживания Пола. Официально он был другом семьи — бесполом и ни на что не претендующим.

— У меня был процесс в Верховном Апелляционном Суде Парижа. Я позвонил тебе и узнал, что и ты здесь. Так почему нам было не встретиться?

— Не передергивай! Я же вижу, что ты не просто так за мной увиваешься!

— Просто так, дорогая. Просто так.

Я не знаю, как реагировать на него.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ СОЧУВСТВУЕТ

30 августа 2006 г.

— Бззз! — ерзает на столе мобильник. Я гляжу на экран в тайной надежде, что это Зэк. — Бзз! Бзз! Бзз!

— Аллё...

— Ты что, с Зэком поссорилась? — Голос у Кевина участливый и даже немного скорбящий.

Были времена, когда я сутками мечтала о том, чтобы Кевин набрал мой номер. Но он не звонил — из лучших побуждений, разумеется. Ведь если позвонить, то тогда расстроится жена, дочка и продюсер. А сейчас звонить можно, сейчас это — правильно. Ведь если мы с Зэком поссоримся, то он лишится грин-карты, а я — статуса «условно-счастлива в браке».

Кевин всегда искренне беспокоится за близких. За это я его ненавижу.

— Так вы поругались?

— Мы?!

— Мне сказали, что Зэк вернулся к сестре.

— Так он просто высыпаться к ней ездит, — вдохновенно вру я. — От нас через дорогу живет тинейджер, который решил сколотить рок-группу. Он очень прилежный мальчик и все время репетирует. Его шестилетняя сестра подпевает. Брательник орет, девчонка ревет. С родительницей разговаривать бесполезно — она по призванию мама, а по профессии — начальник тюрьмы. А Зэку отдыхать надо.

Кевин долго молчит, не зная, что сказать.

— Так у вас точно все в порядке? Может, я могу чем-нибудь помочь?

— У тебя нет знакомых бандитов? А то эти музыканты вот уже где сидят!

Чтобы замять разговор, Кевин жалуется на погоду.

А я довольна. Будь на месте Кевина Станиславский, он бы воскликнул: «Верю!»

Какая я все-таки многогранная личность!

УЧЕБНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1 сентября 2006 г.

1 сентября — в России дети пошли в школу. Почитала сегодня новости, аж ностальгия прошибла. Мои десять лет, отсиженные за партой, были действительно школой жизни. Я узнала, что:

- 1) У всех детей мира, кроме меня, есть фигурные коньки.
- 2) Кол в журнале легко исправляется на четверку, а тройка — на пятерку (если верхнюю загогулину слегка подчистить бритвой).
- 3) Нужда в бритве отпадет, если спалить журнал за трансформаторной будкой.
- 4) «Жи» и «ши» пиши с буквой «и».
- 5) Серьги и часы носят только падшие девочки.
- 6) Самая лучшая шпаргалка делается так: берем черный пластмассовый пенал, на крышке карандашом чертим формулы. Ставим пенал на стол и внаглую списываем. Графит на черном фоне виден только тогда, когда смотришь на него под определенным углом. Так что если пенал поставить по-правильному, училка ничего не заметит.
- 7) «Не» с глаголом пишется отдельно.
- 8) Дети рождаются НЕ от поцелуев.
- 9) Дети без сменной обуви не должны учиться в школе.
- 10) Самые крутые битки — это фиолетовые, самые крутые календарики — это «города», самые крутые марки — это треугольные.
- 11) Если тебя посадили между детьми с одинаковыми именами, нужно загадывать желание — оно сбудется.
- 12) Желание также сбывается, если перепишешь 30 раз «письмо счастья» и разошлешь его друзьям.
- 13) Если тебе на голову упадет грязная меловая тряпка, ты автоматически становишься «сифой», то есть больной сифилисом. Вылечиться от этого можно только одним способом: сделать «сифой» другого.
- 14) Матерные частушки запоминаются быстрее стихов Пушкина.
- 15) Если сказать учителю физкультуры: «Мне сегодня нельзя», он отпустит с урока.
- 16) Науке неизвестно, зачем человеку нужен зуб мудрости, отчего вымерли динозавры и почему нельзя бегать по школе.
- 17) Обзывательство «овца» гораздо обиднее, чем «коза», при этом «козел» обиднее «барана». Самое обидное — если тебя назовут «петух».
- 18) Если обработать напильником октябрятскую звездочку, выйдет звезда шерифа.
- 19) Если мальчик начинает тебя бить, обзывать и подкладывать в твой портфель чучело ежа, значит он в тебя влюбился.

20) Для того, чтобы стать великим человеком, школу заканчивать необязательно. См. примеры Спартака, Льва Толстого и пионеров-героев.

ПОВАРЕННАЯ КНИГА ГРАФОМАНА

5 сентября 2006 г.

Раз в месяц меня атакуют буйные графоманы. Они откуда-то берут мой телефон, и тут начинается праздник разума. Борьба с ними бесполезно — летящий лом не остановишь.

На этот раз мне позвонили в 7 утра.

— Вы получили мою рукопись?

— А вы кто?

— Я Джули, ваша новая клиентка. Милочка, проверьте, пожалуйста, имейл. Я не успокоюсь, пока вы мне не ответите.

Имейл от «новой клиентки» весил 8 мегабайт и шел два с половиной часа. Это была кулинарная книга под названием «Обожраться и не встать!» Первые три страницы посвящались благодарностям: папулечке и мамулечке, рассказам об их смерти и о месте, уготованном им в раю. Далее шли бабушки (Царствие им Небесное!) и собачка Лу, тоже покойница.

Каждый абзац был выделен новым цветом; рядом красовались портреты усопших.

Джули перезвонила через час.

— Вы получили? Ах, как я рада! В какое издательство мы обратимся?

Я знаю, что с подобными персонажами нельзя вступать в дискуссии, но мне хочется понять...

— Джули, зачем вы к каждому рецепту прилепили фотографию из интернета?

— Ну как зачем? Редакторы тоже люди — им хочется, чтобы книги были красивыми! А насчет копирайта вы не беспокойтесь: у меня больше трехсот иллюстраций, и я уже договорилась со всеми авторам.

Под каждой фотографией стоял знак © и имя правообладателя.

— А у рецептов зачем копирайт?

— Я уважаю чужие права! Сливочный пирог придумала тетя Джамайма, вот я и пишу, что авторство принадлежит ей. И так со всеми пятьюстами рецептами! Как вы думаете, когда выйдет моя книга?

— Никогда.

Джули была в шоке.

— Да вы хотя бы посмотрели содержание?!

— Посмотрела. У вас после раздела «Торты» идут «Целебные клизмы».

— Вопросы очищения крайне актуальны! Об этом все ученые говорят!

— Джули, вы написали кулинарную книгу. При чем тут клизмы? И на будущее: если вы пишете в содержании: «Супы», «Закуски» и «Десерты», то глава «Кухня штата Луизиана» среди них неуместна.

— Вы что-то имеете против Луизианы?

— В любой книге должна быть внутренняя логика.

— Ах, вы расистка? Ну тогда все понятно! Вам хочется, чтобы печатали книги только белых! А если книгу написала черная из Луизианы, так ей сразу от ворот поворот?

— До свидания.

За сегодняшний день Джули позвонила мне пять раз. Она сказала, что поняла мой тайный замысел: я отказала ей потому, что хочу украсть у нее книгу. Но это мне даром не пройдет. Она подаст на меня в суд и к ней присоединятся все 800 правообладателей, и тогда у меня отберут даже мои поганые трусы.

Сжечь их, что ли, заранее? Чтобы врагу не достались?

ТАЙНЫЙ СОВЕТНИК

8 сентября 2006 г.

В четверг мне по почте пришла открытка с изображением девочки: ноги как руки, руки как грабли, вместо головы — шишка. Внизу подпись — «Это ты!», внутри — стихотворное приглашение на день рождения Пи-Пи, которое состоится в Кантри Клубе в субботу в 10 часов утра.

Я позвонила Мелиске.

— Чего делать-то? Там Эк будет!

— Надо все обсудить. Приезжай ко мне.

Мелисса недавно купила себе квартиру в переделанном под жилой дом масонском храме. У вольных каменьщиков возникли проблемы с финансами, и они уплотнили божью обитель более платежеспособными жильцами. Центральную залу разделили перекрытиями и навтыкали внутрь ванн и электроплит. В результате получились ультра-современные квартиры — стены из голого кирпича; полы бетонные; под потолком — хитросплетения проводов и вентиляционных труб.

Год назад Мелисска увидела эту красоту и заболела: хочу тут жить! Гадала как проклятая даже по праздникам и скопила на самый маленький закуток в самом дальнем углу храма.

Окно на всю квартиру одно, да и то выходит на стену.

— Нам окна ни к чему, у нас электричество есть, — заявила Мелисса, пригласив меня на новоселье.

С тех пор так там и живет. Открыла на дому еще один гадательный офис и принимает в нем жильцов, у которых хватило денег на два и более окна. Они там все мистически настроенные, и им гадалка по соседству очень кстати.

Роскошный вестибюль с мраморными полами, за конторкой — привратник с книжкой «Поступь Сатаны».

Я шла по винтовой чугунной лестнице, грохоча каблуками: «Бумс! Бумс! Бумс!»

— Открыто! — завопила Мелисска из-за резной двери с львиными мордами.

В ее квартире пахло благовонными курениями и убежавшим молоком.

— Посиди пять минут, я сейчас кофе сделаю.

Из детской раздавалась загробная музыка — Мелискины дети резались в видеоигру. Я заглянула внутрь.

— Здорово, воины!

Рядом с воинами перед телевизором лежал Пол.

Я не люблю делиться мужчинами — мне их самой не хватает. И считаю, что это свинство — сначала ходить со мной в Лувр, а потом таскаться к моей подруге!

— Ты что тут делаешь?

— Спасая человечество.

По экрану катились головы монстров — человечество могло спать спокойно.

Я закрыла дверь и пошла пить кофе.

— Он что, нянькой у тебя работает?

— Да нет. Я его пригласила посоветоваться. На нашем доме лежит масонское проклятье, и я хотела собрать с жильцов деньги за его нейтрализацию. Мне надо было узнать, что об этом говорит закон.

— И что он сказал?

— Что если я буду просить сотку — это будет мелкий шантаж. Если штуку — то это будет мошенничество.

— А если десять штук?

— Тогда это будет консалтинг по вопросам увеличения инвестиционной привлекательности объекта недвижимости.

Отлегло от сердца. После ссоры с Зэком я стала нервная как кухонный таракан.

— Что с Зэком-то делать? Я не могу не пойти к Пи-Пи — она обидится.

— А если ты пойдешь, этот сопляк опять тебя захомутает.

— Ты так думаешь?

Допив кофе, Мелисса перевернула чашку и посмотрела на кофейные разводы.

— Может, мне с тобой пойти?

— С Зэком удар будет, если он увидит тебя среди гостей.

— Что бы нам такого придумать?

Грохот в детской мешал Мелиссе сосредоточиться.

— Эй, вы там! Потихе можно?!

— Бац! Бац! Ти-у! Ти-у! А-а-а-а!!!

Вскочив, она распахнула дверь.

— У меня уже голова разламывается от ваших пулеметов. Сворачивайте лавочку!

— Ну ма-а-ам! Мы еще и половину уровня не прошли!

— Дай ребятам чуток расслабиться! — вступился Пол.

— Не дам. Они уже три часа в эту игру играют.

— Так во что им еще играть? В Винни-Пуха, что ли? Им не три года.

Мелисса на секунду замерла.

— Я придумала! Пол пойдет с тобой на день рождения и будет следить, чтобы Зэк к тебе не клеился. Мы его нарядим Винни-Пухом: он Пи-Пи песенку сплет!

Пол вышел в гостиную.

— Вы что? Какой Винни-Пух?

Но Мелисса уже все решила.

— Ты же не хочешь отдать Мардж на растерзание малолетке? Поезжай и не отпускай ее от себя ни на шаг!

Лицо Пола расплылось в улыбке.

— Гамбургеры продавал, мальчиком на побегушках служил, адвокатом работал, а вот Винни-Пухом-телохранителем еще не был ни разу.

— Это ж круто! — увещевала его Мелисска. — Из вас получатся «Красавица и Чудовище-2».

— По-моему, это ты вжилась в роль чудовища, — ворчала я. Но мое мнение никого не интересовало.

Я хочу помириться с Ээком — мне тошно дома одной. Я хочу, чтобы Пол меня охранял, — это льстит моему самолюбию.

Быть эгоисткой некрасиво, но очень приятно.

ВИННИ-ПУХ И ВСЕ, ВСЕ, ВСЕ

9 сентября 2006 г.

В субботу мы вновь собрались у Мелисски. Надев костюм Винни-Пуха, Пол подошел к зеркалу.

— Не, девушки, так не пойдет — на мне никакой одежды, кроме футболки. Что я, с голой задницей по улице пойду?

Мелисска уперла руки в бока.

— Да нет у тебя никакой задницы: тебе ее еще на фабрике зашили!

Спорили до хрипоты. Разругались и помирились только после распития двух бутылок рислинга.

— Бери его за шкурку и вези в Кантри Клуб, — шепнула мне Мелисса. — По дороге он протрезвеет.

Кое-как мы запихали Винни-Пуха в машину. Трезветь по дороге он и не собирался.

— Ты хотя бы не икай, когда мы будем проходить мимо охраны, — советовала я.

Винни-Пух божился, что все будет тип-топ, и крестился лапой. Чем ближе мы подъезжали, тем бодрее он себя чувствовал.

Перед воротами в Кантри Клуб уже стояла пара молодцев в черных костюмах.

— Мистер и миссис Андерс с детьми, — отмечали они прибывших по списку. — Мистер Элвгрен и мисс Элвгрен. Мисс Тенш и... и...

— Винни-Пух, — заботливо подсказал Пол. — Я — подарок.

День рождение Пи-Пи отмечалось с размахом. Надувные горки, банкетные столы, друзья друзей... Именинница носилась между гостями и демонически хохотала.

Я вручила ей подарки.

— Воздушный змей — на совсем, Винни-Пух — поиграть.

— А-а-а! — обрадовалась Пи-Пи. — Давайте запустим Винни-Пуха на воздушном змее!

Пока Пол разяснял ей, почему медведи не летают, я пошла отыскивать Зэка. Он стоял неподалеку и разговаривал с белобрысой девицей. Губы у нее были блестящие, будто отполированные.

И опять накатила ревность. Пусть у нас все понарошку, пусть мы изначально обречены, но...

Зэк подошел. Черная рубашка, загорелые руки, привкус запретного.

— Как дела?

— Нормально.

— Как работа? Опять что-нибудь придумываешь?

— Ага. Настольную игру «Мардж атакует». Смысл в том, чтобы съесть фишкой Мардж как можно больше фишек-мужиков.

— А если мужик съедает Мардж?

— Она идет в начало игры, а мужик вылетает с поля.

Девушка с полированными губами подлетела к нам.

— Пойдемте! Там Винни-Пух поздравляет именинницу!

Заложив лапы за спину, Пол прохаживался между сидящими на траве детьми.

— Сегодня мне выпала честь представлять интересы несовершеннолетней Памелы Пайпер и быть ее, так сказать, Винни-Пухом, что накладывает на меня весьма серьезную юридическую ответственность в случае...

— Почему ты от меня ушла? — прошептал Зэк, подойдя ко мне сзади.

— Я? По-моему, это ты велел мне не писать-не звонить.

— Ну у тебя же завелся какой-то там...

Зэк взял меня за локоть.

— Пойдем! Мне нужно тебе кое-что сказать.

Он затащил меня в подсобку. Обнял... Из окошка под потолком долетала музыка и грозный голос Пола:

— Примерно с тех же извращенных правовых позиций подходит к проблеме и Санта-Клаус...

Зэк был зажат и серьезен. Он опять старался, а я не могла ему отказать.

Я смотрела поверх его плеча (на стене висел план эвакуации) и думала о том, что все должно быть не так и не здесь.

Зэк резко выдохнул и разжал руки. На улице бешено захлопали. Слава богу, не нам.

— Ты в порядке?

— Да.

Что мне теперь со всем этим делать? Горевать? Радоваться? Идти бить морду Винни-Пуху за то, что не уследил?

Зэк говорил, что ему все равно, завела я себе кого-нибудь или нет. Говорил, что любит меня такую, какая есть.

— Толстожопую?

— Да!

— Старую?

— Да!

Мы вернулись к столам. Зэк налил мне пепси. Его глаза сияли, а я думала, на хрена мне мужик, которому нравятся старые и толстожопые тетки?

Масла в огонь подлила Агнесса.

— Я так рада, что вы с Зэком помирились! — шепнула она мне. — Зэк как с ума сошел, когда ты... когда вы... Ну теперь все, слава богу, кончилось!

Тем временем Винни-Пух играл с детьми во фризби, в догонялки и в «поцелуй меня с разбега». В конце концов запыхавшаяся и довольная Пи-Пи подтащила его к Агнессе.

— Мам! Вот кто будет у нас папой! Он умеет ржать как лошадка!

Агнесса оторопело хлопала глазами.

— Дорогая, но он даже не мужчина!

— Так это наоборот здорово! Помнишь, ты говорила, что тебе лишний хрен в доме не нужен. Ну так у него и нет никакого хрена!

Винни-Пух испуганно посмотрел вниз и тут снова вспомнил, что на нем нет штанов.

— Поехали домой! — сказал он, хватая меня за рукав.

Зэк нагнал нас на парковке.

— Я к тебе сегодня приеду, хорошо?

Винни-Пух перевел взгляд на него, потом на меня и вдруг осознал, что его миссия провалена.

— Хорошо, — помахала я Зэку.

Я плыву по течению. И пусть будет, что будет.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

10 сентября 2006 г.

Я весь вечер ждала его звонка. Даже в доме прибралась. Он не звонил.

Сидела, околдовывая взглядом телефон. Думала о том, что в воскресенье я буду хандрить. В понедельник — бросаться на стенки. Во вторник позвоню ему сама.

Козленок! Неужели не стыдно ВОТ ТАК врать?

Вместо Зэка позвонила Мелисска:

— Не, ну я тебя просто убью! Ты зачем с ним помирилась?

— Убивай Пола. Это он меня проворонил.

— А его я вообще прокляну! Он мне костюм Винни-Пуха испортил: он теперь весь в детской гигиенической помаде.

Я слушала Мелиску, держа телефон подальше от уха.

— Не, ты мне скажи, на что ты надеешься? На то, что вы будете жить долго и счастливо и умрете в один день?

Да ни на что я не надаюсь! Я просто ненавижу, когда меня бросают. Я не хочу, чтобы меня бросали ВОТ ТАК...

Зэк явился в полдвенадцатого, когда я уже пошла чистить зубы.

— Малыш! Меня взяли на роль!

Оказалось, что он весь вечер просидел на кастинге. Директор заставляла его по сто раз переодеваться, отправляла в гримерку, велела ждать на диванчике...

— Я пытался тебе позвонить, но там сотовый не брал!

Зеленые яблочные глаза, короткий ежик волос... Какой же ты балбес, прости Господи!

Ему не сиделось на месте.

— Мардж, пошли праздновать! Ну, пошли! Сейчас найдем какую-нибудь забегаловку и закажем себе по пицце!

Я натянула домашние штаны с вытянутыми коленками.

— Вот ненавижу тебя за это... Вот так бы и дала щелбана!

— На!

Подставил лоб, зажмурился изо всех сил.

Потом он стоял на коленях и завязывал мне шнурки на кроссовках.

ВОЙНА МИРОВ

11 сентября 2006 г.

11 сентября. Телевизор смотреть невозможно — комок в горле.

«Папа, мы, кажется, умрем... Мы не можем выбраться...»

«Скажи детям, что я их люблю...»

«Кругом дым... Люди прыгают из окон... Мы будем пробиваться вниз».

Тысячи лиц на фотографиях. Шок — до остолбенения, до бессильных слез.

В этот день я звоню Мелиссе.

Мелисса не всегда была гадалкой. Пять лет назад она жила в Нью-Йорке и работала секретарем в консалтинговой фирме.

Она явилась в офис раньше обычного: нужно было отослать факс для начальницы в Лондон. Мелисса спрятала под стол коробки с подарками. Программист Лора уходила в декрет и на время ланча был запланирован небольшой сабантуй.

— Кофе хочешь? — спросил Вацлав, аналитик из соседнего «кубика». — Вчера свежий купили.

Мелисса махнула рукой.

— Сейчас! Факс отправлю и приду.

Она нажала на «Старт».

Ба-а-ам! Здание покачнулось и связь прервалась. Откатившись на стуле, Вацлав заглянул к ней.

— Это что, землетрясение?

— Да строители что-нибудь долбят.

Мелисса еще раз набрала номер.

— Хм, все время срывается. Попробую с другого аппарата.

Жалюзи в офисе начальницы были закрыты. Услышав стук в стекло, Мелисса замерла. «Кто там может быть? Это же восемьдесят третий этаж!» Она потянула шнур... За окном шел дождь из бумаги. Листы с мягким стуком ударялись в стекло. Многие из них горели.

Вацлав и еще несколько ребят всунулись в дверь.

— Что за...

Мелисса не верила своим глазам: Северная башня горела так, будто ее подожгли со всех сторон.

Взрыв газа? Бомба? Но если это были террористы, они бы заложили взрывчатку где-нибудь внизу.

Пронзительно завывла сирена.

— Может, нам положено эвакуироваться? — спросил кто-то.

На подгибающихся ногах Мелисса вышла в коридор. Ей показалось, что горело десять этажей — не меньше.

Стефани, начальница юротдела, поймала ее за рукав.

— Мелисса! Ты отправила факс?

— Там пожар!

— Боже мой! Ну мы-то не горим! Отправляй быстрее, тебя ждут!

Мелисса вновь набрала лондонский офис. На этот раз все соединилось.

— Джилл, это я. У нас тут что-то происходит, но мы в порядке. Я тебе сейчас все отправлю...

— Что?! — Голос на том конце провода взвился. — Да в вас самолет врезался! По телику показывают! Беги оттуда немедленно!

Перепуганная Мелисса схватила сумку и сгрэбла в нее недоеденную булку и фотографию сыновей.

— Господи! Еще один! — крикнул Вацлав.

Застегивая на ходу кофту, Мелисса заглянула в кабинет.

— Пошли! Джилл сказала, что это самолет не справился с управлением и врезался...

Она пресеклась на полуслове. Прямо перед ее глазами вниз пролетела человеческая фигура.

— Они падают из окон! Один за одним! — вопил Вацлав, цепляясь за Мелиссу.

В оконном проеме на той стороне появился силуэт: человек отчаяно махал белым платком. И тут сверху сиганули еще двое — держась за руки.

Они выскочили в коридор. Там метались какие-то люди. Пожилая бухгалтерша сидела на полу, обхватив голову руками, и плакала навзрыд.

Мелисса хотела пойти к лифтам, но Вацлав ее не пустил.

— Пожар может перекинуться на наше здание. Лифтами пользоваться нельзя.

Его била нервная дрожь.

На лестнице уже было многолюдно — но никто не давился и особо не спешил. Им предстояло спуститься через 82 этажа.

— Да я все каблучки собью, пока мы доберемся, — проворчала Стефани.

Пролет, еще пролет... От бесконечных поворотов мутилось в голове.

— Надо было забрать с собой бухгалтершу, — прошептал Вацлав.

Мелисса кивнула. У нее перед глазами все еще стояли люди, выпрыгнувшие из окна. Самолет врезался в здание... Господи, ему неба, что-ли, не хватило?

Динамики, установленные под потолком, ожили:

— Внимание! Объявление службы охраны Всемирного Торгового Центра. Наше здание в полной безопасности, причин для эвакуации нет. Во избежание давки просьба всем вернуться на рабочие места. На первом этаже размещен временный эвакуационный центр для пострадавших из Северной башни. Повторяю: во избежание давки возвращайтесь в свои офисы.

Мелисса посмотрела на указатель: 70-й этаж.

— Я же говорила, что уходить не нужно! — сказала Стефани. — А вы распсиховались: эвакуация, эвакуация!

Она дернула на себя дверь, ведущую на этаж. Мелисса, Вацлав и остальные пошли следом за ней.

Перед лифтами собралась толпа. Двери открывались, но кабины были переполнены людьми с нижних этажей. Все переговаривались, какая-то девушка все еще всхлипывала.

— Джилл сказала, что пожар по Лондонскому телевидению показывают, — вздохнула Мелисса. — Надо маме, что ли, позвонить. А то она еще с перепугу подумает, что это в наше...

Внезапный грохот оглушил ее, пол вырвался из-под ног, пронзительно закричали женщины.

— Что это? Господи, что это?!

Свет мигал, стены ходили ходуном. Здание начало крениться.

— Северная башня упала на нас! Мы опрокидываемся!

Мелисса отняла руки от лица. Первое, что она увидела, был толстый дядька в светлом костюме. Он сидел на полу, прижимая ладонь к залитой кровью груди.

Коридор выглядел как после артобстрела. С потолка свисали провода и куски панелей. На полу — чей-то раскрытый портфель с окровавленными бумагами. Все кругом было покрыто бетонной пылью.

— Бежим!

Мелисса не помнила, как вскочила, как кинулась назад к лестнице, как мчалась, задыхаясь от смога.

— Здание эвакуируется! — трещало радио под потолком. — Мы ожидаем вас на первом этаже.

Орали друг на друга, призывая не паниковать, падали, поднимались, тащили на себе тех, кто не мог идти. Пыль, кровь, слезы, дым...

Кто-то сказал, что и в Южную башню врезался самолет.

— Это война! Нас атакуют!

«Господи! Дай мне выбраться отсюда! — Сердце тряслось маленьким зверьком. — Дети, Теда... Они не переживут, если я...»

Этаж тридцать шесть, этаж тридцать пять, этаж тридцать четыре...

В центральном лобби их уже ждали выстроившиеся в цепочку полицейские.

— Мэм, туда нельзя!

— Выпустите меня отсюда! Я хочу выйти!

— Туда нельзя! Там завалы! Там уже столько трупов, что...

Полицейские передавали их друг другу как мешки. Вниз, в подземный универмаг. Вниз по все еще работающему эскалатору.

Под светящимся рекламным коробом лежал человек. Мертвый.

— Бегите и не оглядывайтесь назад! — приказал полицейский, выведя их на улицу.

И тут же нырнул назад — за остальными.

Мелисса не могла двинуться с места. Она стояла, подняв голову к небу. Головы башен тяжело чадили и сквозь дым просвечивало бледное солнце.

Мимо пробежал парень с сотовым телефоном в руке.

— Родная, я жив! Не плачь...

Очнувшись, Мелисса полезла в сумку, пытаясь нащупать мобильник. Фотография детей вывалилась на асфальт, стекло треснуло посередине.

— Да боже мой...

— Уходите отсюда немедленно! — рявкнул пожарник, тащивший на плечах баллон.

За ним протопали еще несколько человек.

«Мы убегаем отсюда, а они идут — туда».

Раздался гул, и кусок стены величиной с машину рухнул неподалеку.

Сотовый не работал.

Мелисса влетела в какую-то забегаловку. Там было полно народа — все, не отрываясь, смотрели CNN.

—... была совершена беспрецедентная террористическая атака на Всемирный Торговый Центр. Предполагаемое количество жертв в настоящий момент назвать затруднительно. По нашим источникам во время взрывов в зданиях могли находиться до 20 тысяч человек...

Мелисса протолкалась к бару.

— У вас есть телефон? Мне нужно срочно позвонить!

Бармен показал ей на автомат, перед которым уже выстроилась очередь. Мелисса встала в конец.

— Можно мне водички? — попросила она зареванную официантку.

Та вернулась, держа на подносе стакан с трубочкой.

— Поверить не могу! Два самолета...

В телевизоре официальное лицо говорило о демократии и несгибаемой воле народа. Его прервали на середине, и кадр перескочил на Всемирный Торговый Центр.

— Она рушится! — заорал репортер.

Сначала был кадр с оседающим зданием, а потом понимание, что эта башня, в четверть мили длинной, находится за поворотом.

Оглушительный грохот. Вопли на улице.

Мелисса сорвалась с места, выскочила наружу... Огромное черное облако двигалось на нее. Мимо просвистел обломок и разбил витрину.

Они бежали изо всех сил. Кто-то крикнул: «Ложись!» и все повалились на асфальт. Только тогда Мелисса обнаружила, что все еще держит в руке стакан.

Облако накрыло их, и день стал ночью. Она лежала ничком, стараясь дышать сквозь ворот кофты, но это не помогало. Пыль была везде — в глазах, в носу, в ушах... Поверх тек ядовитый запах гари.

Потом они поднимались, кашляли, ощупью искали укрытие.

Мелисса спряталась в холле жилого дома. Она потеряла туфлю и какая-то женщина принесла ей обувь. С улицы заходили все новые и новые люди с седыми от пепла головами.

— Попить кто-нибудь хочет? — спрашивал худенький подросток. Он принес ящик воды и катал его на скейт-борде, как на игрушечном грузовике.

В углу сидел мужчина с почерневшим лицом. У него дочь работала на последнем этаже Северной башни.

Владелец ресторана, находившегося в том же здании, принес скатерти и салфетки.

— Возьмите, через них будет легче дышать.

Если кому-то удавалось дозвониться до родных, все дружно радовались. Потом «счастливый» мобильник передавали из рук в руки, надеясь, что с него можно будет пробиться.

Консьерж включил радио погромче: Пентагон разрушен, захвачено четыре самолета...

— В нашей конторе работало 36 человек, — рассказывала Мелисса. — Спаслось 12. Вацлав, Стефани, Лора — все погибли. В жизни не забыть, как мы бежали... Как помогали друг другу... Как плакали...

Я молча слушала, не смея прерывать.

— Мой младший сын смотрел все это по телевизору. Потом неделю не мог говорить. Просто не мог.

Через месяц Мелисса переехала в Лос-Анджелес. Она утверждает, что провидческий дар открылся у нее, когда она лежала на асфальте и клялась сделать все, если Бог оставит ее в живых.

— Теперь я возвращаю долг, — говорит она.

ЗАГАДКИ ЛЮБВИ

12 сентября 2006 г.

Ищу свои книжки на Интернете. Никаких отзывов, никаких рецензий.

А может не стоит мечтать о народной любви? Всеобщая популярность означает, что ты близка дуракам и неучам. Это ни о чем хорошем не говорит.

Впрочем, наплевать: пусть любят.

ПОДРОСТОК

15 сентября 2006 г.

Никто не понимает, почему я выбрала Зэка. Он чужд моим друзьям, и когда они приходят ко мне, Зэк пять минут страдает с нами, а потом удирает в другую комнату. И всем неудобно.

Но я уже знаю, как быть. Все недостатки Зэка происходят оттого, что он еще маленький. Но через несколько лет он превратится в роскошного мужика. Я его выращу для себя — как кактус в горшке. Надо просто дождаться, когда он расцветет.

Мелисска злится. Она уже все уши мне прожужжала:

— Не будь душой: хватай Пола, пока дают!

Но Пола мне никто и не дает. Он не собирается ни на ком жениться — его раздражают ненакрашенные женщины в халатах. И даже если бы он позвал меня замуж, я бы не пошла. У меня будет истерика, если я увижу Пола в трусах.

— Ты не понимаешь смысла нашей дружбы, — сказала я Мелиссе. — Мне Пол нужен для того, чтобы чувствовать себя интересной, а я ему — для того, чтобы он чувствовал себя умным.

Она только фыркнула.

— Называй вещи своими именами. Вы банальные садо-мазохисты. Тебе нравится, когда тебя бьют по заднице, и он с удовольствием это делает. А Зэк вам обоим нужен только как декорация — чтобы было из-за кого драму разводить.

Неужели правда?

ПИКНИК НА ДЕТСКОЙ ПЛОЩАДКЕ

18 сентября 2006 г.

Мы с Полом сидели на детской площадке и лопали гамбургеры. Он вытер салфеткой губы.

— Ну, давай, жалуйся на жизнь!

Я вспомнила наш разговор с Мелиссой. Мне действительно хотелось пожаловаться на Зэка и получить в ответ что-нибудь язвительно-веселое.

— Вы, мужики, вечно все портите. Я только что позвонила Зэку, говорю: «Подари мне цветочки!». А он прислал картинку по имейлу.

Пол ржал и составлял для Зэка вечернее меню: свинные ребрышки на вывеске, картошка по телевизору, а на десерт — фламандский натюрморт в раме.

Впрочем, семейный ужин для нас — это не актуально. Мы решили, что Зэк пока будет жить у Агнессы. Ему неудобно у меня: он чувствует себя нахлебником. «Вот начну получать проценты с фильма и тут же куплю дом».

— Ага, из конструктора «Лего», — глумился Пол. — Не будет у него никакого дома.

— Почему?

— Мозгов — ноль, образование — коридорное. Ты спроси, что он прочитал за последнее время? Надпись «Микрофон включен»?

— Да он всего «Гарри Поттера» проглотил за неделю!

— О да! Интеллектуал — привет Спинозе!

Мелисса права: я мазохистка. Я все время злюсь, когда Пол говорит гадости про Зэка, и сама же даю ему поводы.

На месте для пикников суетилась дюжина чернокожих мамашек: у них там проходило что-то вроде бэби-шауэра¹.

Уже родившимся деткам все это довольно быстро наскучило. Сначала к нам на детскую площадку пришли двое — пацан лет пяти и его сестренка-трехлетка.

— Идем качаться! — позвал старшенький.

Они понеслись занимать качели; задирая ноги, попытались влезть на сидения, но те висели слишком высоко.

— Мистер, а помогите нам!

Я толкнула Пола в плечо.

— Иди работай!

Пол рассадил их. Ноги в запыленных сандалетах не доставали до земли.

— А подтолкните нас, пожалуйста!

Качели взлетели к небесам.

— Еще! Еще! Еще!

Восторгу не было предела. Глазенки по пятаку, хохот... Через минуту на детской площадке уже было полно малявок, прыгающих от нетерпения.

— А меня тоже покатать! А я тоже хочу!

Пол делал зверское лицо.

— Все, мне некогда: я пошел!

— Не-е-ет! Ну, пожалуйста! Ну, еще разочек толкните!

— Последний раз!

— И меня в последний раз!

У этих детей наверняка не было пап. Многие черные тетки рожают рано и зачастую от разных мужиков. Отчимы приходят и уходят, мамкам вечно некогда... И никто не катает на качелях.

Я дожевывала свой гамбургер и жалела нас всех. Зэка — за то, что он хочет купить дом, который мне не нужен, и экономит на цветах. Пола — за то, что он все никак не может разобраться в себе. Этих ребятишек, их несчастливых мам... Ну и себя, разумеется.

ИЗБРАННОЕ

22 сентября 2006 г.

¹ По американскому обычаю незадолго до рождения ребенка подруги будущей мамы устраивают в ее честь праздник, на котором дарят ей все необходимое для новорожденного. Термин «baby shower» примерно переводится как «осыпание подарками для малыша».

Шесть фактов обо мне:

- 1) Однажды после очередного развода я сделала себе татуировку на животе: «Посторонним вход воспрещен!» А когда страсти утихли, исправила на «Алло, мы ищем таланты!»
- 2) Когда-то в молодости у меня был свой бизнес: я вышивала на кепках уродливейших Микки Маусов с надписью «Адидас» и выдавала их за фирменных. Микки Маусы шли как горячие пирожки.
- 3) Многие люди говорили мне: «Я убью тебя!». Еще больше: «Я тебе морду набью!». Один раз даже изнасиловать обещали. Но данного слова никто не сдержал.
- 4) Мое любимое вино — Сумаго урожая 1997 года. К сожалению, найти его все труднее и труднее — я его постепенно выпиваю.
- 5) Когда я училась в школе, наше руководство рассортировало всех учеников в классы для продвинутых, для средних и для слабых. Я постаралась, чтобы меня записали в дураки, потому что им меньше на дом задавали. Но мама пошла к директору и все испортила.
- 6) Я никогда не рою ямы врагам. Но с удовольствием наблюдаю, как они роют ямы мне и сами в них попадают.

ЛЮДИ КАК БОГИ

23 сентября 2006 г.

Иногда я жалею, что не могу заглянуть в будущее. Скольких ошибок можно было бы избежать! Арни говорит: «Представь себя через десять, двадцать, тридцать лет. Кем ты станешь? Как будешь выглядеть?»

А у меня не получается. Прогресс идет с такой скоростью, что я даже теоретически не могу представить, куда меня занесет.

Лучше я буду планировать не свою жизнь, а общественную.

Мой прогноз на ближайшие 50 лет:

Придумают новый вид топлива, который вытеснит нефть. В связи с этим страны ОПЕК накроются медным тазом. Им придется полностью менять свою идеологическую систему так, чтобы поощрять изобретателей и культурных деятелей — больше им ни на ком не выехать.

Произойдут глобальные изменения в экономике и политике России и она войдет в состав Евросоюза — хотя процесс этот будет непростым.

Китай превратится в мировую сверхдержаву. Мир будет трехполярным: США, ЕС и Юго-Восточная Азия с центром притяжения в Китае.

Африка станет объектом пристального внимания — там чего-нибудь найдут, какое-нибудь супер-полезное ископаемое, и Запад вместе с развитыми странами Юго-Восточной Азии кинется вкладываться в местную добывающую промышленность.

Северная Корея прекратит свое существование и объединится с Югом. Южные корейцы будут от этого не в восторге, так как к ним хлынут северяне в поисках работы и лучшей доли.

Ближневосточный конфликт несколько поутихнет, в основном за счет нехватки средств у палестинцев. Но на окончательное урегулирование уйдет около ста лет.

Придумают программу, с помощью которой каждый сможет снимать свои виртуальные фильмы — с героями, выглядящими абсолютно как живые. От автора будет требоваться сценарий и задание всех параметров.

Видео-имейлы получают большое распространение. Интернет и телефон будут стоить копейки.

Автомобили заменят на летающие тарелки. Города будут расти, и передвижение по земле будет физически невозможно из-за нехватки места. Придумают новые правила движения для езды по воздуху. Система навигации станет автоматической.

Книги будут электронными — впрочем, это уже существующая технология.

Библиотечное дело во всем мире изменится: можно будет подгрузить любую книгу на любом языке. Хранилища старых книг останутся, но новые фонды будут пополняться исключительно электронно.

Английский язык станет поистине мировым — еще больше, чем сейчас.

Изобретут полноценные электронные переводчики.

В домах будут созданы автоматические системы уборки.

Придумают, как лечить СПИД, рак и как делать «живые протезы».

Большинство народонаселения развитых стран перейдет на еду, содержащую минимум вредных жиров и углеводов.

Произойдет невиданное в истории переселение народов. Мы уже находимся в начале глобальной миграции людей с Востока на Запад и с Юга на Север. Дальше — больше. Это станет предпосылкой создания единого культурного и экономического пространства на Земле.

Появится новое мощное религиозное движение. Как и старые религии, эта вера будет утешать и обнадеживать, но при этом не будет противоречить науке.

Придумают, как оптимизировать загрузку в мозг новой информации. Ее можно будет получать не только путем чтения и прослушивания, но и еще как-нибудь. В результате случится очередная научно-техническая революция. Знания будут доступны всем; другой вопрос, что емкость мозга у каждого останется своя, природная, да и скорость мыслительного процесса будет разной.

Третья мировая война будет назревать до определенного момента (противостояние Запада и исламского мира), но после изобретения нового вида топлива станет экономически невозможной.

Главными проблемами останутся: терроризм, бедность, экология.

Самое интересное, что большую часть этого мы увидим собственными глазами — так как будем жить долго (это тоже бонус будущего).

УСПЕХ

25 сентября 2006 г.

Зэк вошел на кухню, сел на стул и замер. Я подняла голову от книги. Вид у него был такой, будто ему все внутри переломали.

— Ты чего?

— Кевин снял меня с фильма.

— То есть???

Он заговорил, захлебываясь словами:

— Позвони ему! Он должен тебя послушаться! Хотя бы узнай, в чем дело!

Смотреть на это не было сил.

Как всегда, мы с Кевином встретились в заведении Гриши на Санта-Монике. Бывший хахаль выглядел солидно, — в костюме, при запонках — ни дать, ни взять федеральный чиновник.

Я тут же бросилась в атаку:

— Почему ты выгнал Зэка? Вы поссорились?

— Нет. Просто мы нашли актера, который больше подходит на эту роль.

Я несла какую-то чушь, пытаюсь выгородить бедного ребенка: напоминала Кевину его слова, что Зэк — будущая звезда, что он сам прочил его в секс-символы десятилетия...

Кевин заказал мне мартини.

— Хочешь, я сам с ним поговорю?

Я почти ничего не запомнила из того, что Кевин сказал Зэку. Я осознавала, что он прав, что он делает свою работу, и эта подмена в актерском составе — обычное явление. Единственное, что запало мне в память, так это то, как Кевин объяснял успех.

Это не всенародная любовь к тебе. Это, в первую очередь, зависть менее удачливых коллег. Это пара-тройка шизофреников, которые будут следить за каждым твоим шагом, превратно истолковывать твои слова и с нетерпением ждать, когда ты оступишься.

Успех — это постоянный страх: а вдруг сегодня ты не сможешь быть таким же интересным, как вчера? Вдруг «они» отвернутся от тебя?

Успех — это осознание, что у тебя нет иного пути, кроме карабканья вверх. Отход назад будет расценен как поражение, стояние на месте — тоже, уход в тень — тоже. Это ежедневное внутричерепное давление.

Успех — это резкие слова критиков и молчание друзей.

— Так ты этого хочешь? — спросил Кевин.

Зэк бросил трубку, не ответив. Я знала, что он сейчас упадет на диван и, пока никто не видит, заплачет.

— Налей еще мартини, — сказала я бармену.

Тот свинтил крышку у новой бутылки.

— Когда с фильма снимают — это еще ничего, — произнес Гриша. — Вот когда я служил в армии, нас заставляли быть донорами. Поначалу все очень ждали этого дня — нам за это давали спецпак и никуда не гоняли. Но один раз сержант сказал, что надо разгрузить два вагона угля. С утра сдали по 250 грамм крови и на разгрузку... Вот это да — трудно было.

ДВОЕ В АВТОБУСЕ, НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ

30 сентября 2006 г.

Давным-давно, когда Бог уже наигрался Вселенной и забросил ее под кровать, от небесного рая по хозяйскому недосмотру отвалился кусочек и упал в Тихий океан. Так появились на свет Гавайи.

Стоит сойти с самолета, вдохнуть карамельный воздух и сразу становится понятно: все так и было. Здесь море синее неба и птицы пестры и болтливы. Здесь у каждого листа мания величия...

В аэропорту, перед самым вознесением в рай, я чуть было не потеряла Зэков фотоаппарат. Положила его в пластмассовый тазик, отправила на досмотр, а забрать обратно забыла. Муж хватился его уже перед самой посадкой.

— А-а-а! Мать-перемать!!!

Фотоаппарат нам вернули, а вот Зэково благодушие так и затерялось где-то в коридорах аэропорта.

— На фига ты книжку купила? Все равно читать не будешь. Бу-бу-бу... Бя-бя-бя... — Брови сдвинулись, губа оттопырилась совочком. — Пятнадцать долларов стоит. Тебе что, деньги некуда девать?

После крушения надежд кто-то впадает в апатию, кто-то уходит в запой, а Зэк заболел жадностью. Ему было жалко всего: трех долларов за парковку, воды в раковине... Нашел в море позеленевший цент, оттер песочком и положил в карман — на черный день.

Больше всего его огорчал фонтан под нашими окнами: туристы накидали туда мелочи. Зэк выбирался на балкон и производил подсчеты:

— Двадцать девять долларов пятнадцать центов. Можно стейк в ресторане заказать.

Впрочем, ходить по ресторанам он отказался с самого начала:

— Дорого. Нам на дом копить надо.

Я попыталась спросить его, на фига лететь на Гавайи, если все равно собираешься сидеть в номере и копить денюшки, но ответа не последовало.

— Прикинь, даже на экскурсии ездить отказался! — сообщила я Мелисске по телефону. Но вместо того, чтобы посочувствовать, она захохотала:

— Это я его сглазила! Жадность — лучшее средство от женщин. Так что ты его скоро бросишь.

От жалости к Зэку мне хотелось плакать. Я специально потащила его на Гавайи — надеялась, что он немного развеется и придет в себя. Но он решил, что у него жизнь не удалась, и слово его было крепко.

Вечером я разглядывала рекламные проспекты:

Летать над океаном на парашюте — я и с доплатой не полечу;

Хожение по джунглям с экскурсией — прикольно, но лень.

Подводное плавание, встреча восхода, встреча заката, путешествие в кратер вулкана, полет на вертолете...

— Так ты поедешь хоть куда-нибудь? — спросила я Зэка.

— Нет.

— А я поеду.

— Это твой выбор.

Зэк хотел, чтобы я сидела в номере и горевала вместе с ним.

Мне на глаза попался очередной проспект: «Если вы скучаете по песику, оставшемуся дома, мы сдадим вам в аренду собачку на любой вкус. Наши дружелюбные и ласковые питомцы с удовольствием составят вам компанию во время путешествия на Хану».

Я подумала, что кто-нибудь дружелюбный и ласковый мне сейчас точно не помешает.

Чтобы не травмировать Зэка еще больше, я вышла на балкон и прикрыла за собой стеклянную дверь.

— Аллё! Это вы собак в прокат сдаете? Я завтра собираюсь на Хану и мне нужен какой-нибудь малогавкающий уродец.

— А я не подойду? — спросил знакомый голос сверху.

Я подняла голову. На балконе этажом выше стоял Пол.

— Ты чего сюда приперся?!

— Захотел.

Я обернулась на Зэка. Он все также сидел в кресле и смотрел телевизор. Вернувшись в номер, я схватила полотенце.

— Пойду в джакузи посижу.

— Как ты узнал, где я остановлюсь? — накинулась я на Пола.

— Мне Мелисса сказала.

Некоторое время мы молча смотрели друг на друга.

— Слушай, ты выбрал самое плохое время, — первой не выдержала я. — У Зэка проблемы: он потерял работу, на которую очень рассчитывал. Ты понимаешь, что у него крыша поедет, если он подумает, что и я его предаю...

Пол испустил вздох сочувствия.

— Да-а, хреново ему.

— Ну тогда не трепи ему нервы!

— Как скажете. Я отправлюсь с тобой в Хану, и он даже не узнает о моем приезде.

Есть мне прощение? Наверное, нет.

С Зэком ТРУДНО. Его так легко было любить, когда он светился изнутри, когда строил грандиозные планы, кормил меня пиццей и говорил, что ему нравятся упитанные

кокотки... В последнее время он начал пахнуть больничной палатой. С ним и говорить-то положено только о «болячках». Иначе неуважение к горю получается.

Удирая с Полом на Хану, я думала о женщинах, которые бросают мужчин в беде: во время болезни или финансового краха. Конечно, кто-то бежит от проблем, но многие уходят по другой причине. Бывает, неудача ломает людям становой хребет. На месте теплокровного родного существа появляется привидение, а жить в доме с привидениями — на это не у всех нервов хватит.

Запомнить, зарубить себе на носу! Что бы ни случилось: перееть меня трамваем, разбей паралич — всегда держать хвост пистолетом! Уныние — это хуже ядерных отходов. Потому-то с ним в рай и не пускают — чтобы не портить экологию.

— Ты едешь сам по себе, а я поеду со своей временной собакой, — сказала я Полу.

— Ага. Ты меня не знаешь, я тебя тоже. Познакомимся в автобусе.

Пункт собачьего проката располагался в гигантских лопухах — забор, рыжая вывеска, менеджер-филиппинец в галстукке.

— Осень хоросий собачка, — раскланивался он. — Послушный, веселый. Осень смесной.

— А зовут как? — спросила я, глядя на мелкое лопухое создание с мокрыми глазами.

— Слуга Императора.

Когда я подрулила к отелю, у крыльца уже стоял автобус с надписью «Дорога на Хану». Водитель открыл дверь.

— Утро доброе, э?

На груди у него гремела дюжина всевозможных амулетов, а на руке красовалась татуировка мертвой головы.

— Давай, собачка, запрыгивай в автобус.

Но Слуга Императора тупо смотрел перед собой и не двигался с места.

— Эй! Нам ехать надо!

Я потянула Слугу Императора за ошейник. Чувствуя, что его отдирают от земли, он отчаянно забил лапами и заплакал во весь голос.

На нас стали смотреть швейцары и прохожие. Туристы заполнили проход автобуса.

— За что собаку мучаем?!

— Никто ее не мучает! — оправдывалась я. — Я не могу ее здесь бросить — за нее деньги уплачены.

— Давайте его сюда, мэм! — Пол растолкал плечом граждан и взял на руки трясущегося пса. — Здравсьте. Меня, между прочим, Пол зовут. А вас?

Совместными усилиями мы запихали Слугу Императора под переднее сидение.

— У вас очень знакомое лицо, — продолжал измываться Пол. — Такое ощущение, что я где-то вас видел.

Я прислушивалась к стенаниям под креслом.

— Чего это с ним стряслось? Он что, водителя испугался?

— Наверное, он просто не любит дорогу на Хану, — отозвался тот. — Там 600 поворотов на 50 миль, э?

Водитель Дэнис говорил много, жарко и, по обычаю местных жителей, пересыпал свою речь вопросительным «э?».

— Ну что же ты так едешь, дядя? Может быть, ты тетя, э?

Дорога змеилась по склону горы, временами ныряя в тропические заросли, как в туннель. Маленькие домики на сваях. Все железное — ржавое.

— У нас второе по влажности место на Земле, — похвалялся Дэнис. — В горах каждый день — по полтора дюйма осадков, э? Все ржавеет в единый момент.

Мы заметили на обочине несколько брошенных автомобилей — все цвета густой охры.

— Дорога очень узкая, ни один автоэвакуатор не пройдет. Поэтому если авария — то все, э?

— Ой-ой-ой! — переживал под сидением Слуга Императора.

Наш автобус забрался на дикую высоту. Через каждые 200 метров — шаткий мостик, построенный в позапрошлом веке. Справа, в футах от окна, глухая каменная стена; слева, тоже в футах, пропасть. Кажется, я поняла, зачем Дэнису амулеты.

Автобус вихлялся из стороны в сторону. Скорость — 15 миль в час.

— Здесь должны водиться динозавры, — сказал Пол.

Дэнис рассмеялся:

— Между прочим, тут «Парк Юрского периода» снимали.

Остановка. Из воды торчали черные кости лавы; волны бились о берег. Смотришь — и чувство, как во время салюта на 4 июля: еще залп! Еще!

Закруженные головы, потрясенные глаза. Мы щелкали фотоаппаратами, а Дэнис хвастался островом как родитель сыном-отличником:

— А вы спуститесь вниз! Видите — пещера в скале, э? Давным-давно в ней жила прекрасная принцесса, сбежавшая от злого мужа. Он нашел ее и убил, и в память о том вода здесь становится красной от крови.

«Кровь» — это микроскопические рачки, но все равно трепетно.

Слуга Императора выходить из-под сиденья отказался. Пол заглянул к нему в укрытие.

— Ты бы хоть пописать сбегал.

Тот посмотрел на него как на гестаповца.

— Мардж, ты где взяла это уебище?

— Мне сказали, что он веселый.

— Ага, обхохочешься.

Город Хана — это зажравшиеся коровы и плантации ананасов вдоль «улиц». Но мэрия и почта все же имеются — как и во всех городах.

Обедать нам надлежало на ферме орхидей. Хозяйка — о, чтоб я так выглядела в шестьдесят! — повела нас смотреть плантацию. Семь тысяч орхидей — пахучие, лечебные, просто красивые — доставка в течение двух дней в любую точку планеты.

Муж ее — безумный художник — развлекал себя тем, что делал «искусство». Перед домом все было заставлено гениальными произведениями: «Пальма» — из удочек и стоек от палатки, «Космический корабль» — из обожженных бензиновых бочек...

Он страстно советовал всем купить его «Пальму». «Космический корабль» на продажу не шел — видать, самому был нужен. Впрочем, дядька так готовил мясо, что ему все прощалось.

Я принесла Слуге Императора еды.

— Вылезай, есть будешь на улице. А то ты весь автобус загадишь.

Он некоторое время размышлял, а потом по стеночке выбрался наружу.

— О, мистер Сайто опять Слугу Императора в аренду сдал! — воскликнула хозяйка орхидей.

Оказалось, что на прошлой неделе Слуга Императора приехал на ферму с очередной партией туристов и, пока все обедали на веранде, решил поспать в тени «Космического корабля». Уперся задом в стенку, бочки повалились и, улепетывая от них, Слуга Императора угодил в компостную яму.

Вылавливали его подсакom, снятым с ветвей «Пальмы», и мыли с помощью садового шланга.

— Он теперь даже языка собственного боится, — сказала хозяйка. — Высунет от жары, глаза скосит: «Ой, мама, что это?!» и драпает со всех ног.

— Надо сказать мистеру Сайто, чтобы сдал его в аренду в психушку, э? — проговорил Дэнис. — Его пациенты полюбят за общность интересов.

— Давай отдадим его Зэку! — хихикнул Пол, за что тут же получил пинка.

Туристы прониклись к бедняге сочувствием и скормили ему все купленные по дороге бананы. Слуга Императора трясся и жадно лопал.

Домой вернулись, когда уже стемнело. Собаку сдала с рук на руки. Передала мистеру Сайто совет Дэниса...

Изменила я Зэку или нет? Поехала с конкурирующей фирмой на экскурсию, фотографировала Пола у водопадов...

Подойдя к гостинице, я увидела их обоих — каждый стоял на своем балконе и не видел другого. Я помахала им рукой.

Перед сном Зэк сказал:

— Сегодня смотрел по телику фильм «Герой». Там главный мужик говорил главной тетке: «Ничто не разлучит наши мечи!» Давай тоже придумаем себе какой-нибудь девиз?

— Какой?

— Ну... «Ничто не разлучит наши зубные щетки в стаканчике в ванной!»

ЧУЖАЯ ЖЕНА И МУЖ В ВАННОЙ

1 октября 2006 г.

Я выторговала у Пола обещание не появляться на глаза Зэку в обмен на ежедневные прогулки. Пол не мог отказать себе в удовольствии подразнить меня. То пропрется мимо, загораживаясь доской для серфинга — подождет, когда Зэк отвернется, и давай стучать по часам и посылать воздушные поцелуи. То намажет рожу лечебной глиной, нацепит плавательную шапочку и плюхнет рядом на шезлонг.

Впрочем, мой муж ничего не замечал. Агент прислал ему новый сценарий с киностудии Диснея и предупредил, что пробы назначены на 1 ноября.

— Мне репетировать надо. Давай ты без меня погулять сходишь? — каждое утро говорил Зэк.

Я соглашалась. Довольный супруг мчался в ванную, к зеркалу, и вскоре из-за двери начинали доноситься цветистые проклятия:

— Ненавижу тебя! Чтоб у тебя из штанов мухи вылетали!

Мы с Полом проводили дни на пляжах или мотались по Фронт-стрит, заставленной лавками «Сувениры» и «Ювелиры».

Между нами ничего не происходило. Мы придумывали себе всевозможные игры: наблюдали исподтишка за посетителями ресторана — что они делают, о чем говорят. А потом пытались расшифровать их судьбы.

В первый раз мы подглядывали за женщиной, ссорившейся с мамой по телефону. Отгремев, она положила трубку на скатерть, долго смотрела на нее, а потом начала лихорадочно звонить: одной подруге, другой, третьей... Но никого не было на месте, и она всем оставляла отчаянные сообщения: «Перезвони! Ты очень нужна мне!»

Еще была старушка — марсианское существо: сухие ящерицыны лапки, желтовато-прозрачная кожа — словно пленочки из граната. Она села за стол, разложила салфетку на коленях... Я никогда не видела, чтобы женщина так красиво ела. Такое изящество бывает разве что в танце.

Впрочем, хитом сезона, без сомнения, стали мальчишки, пересказывавшие друг другу «Звездные войны».

— Этот — о! У него — во! Он как даст ему!

— Да не ври! У него лазерный меч!

— А я и говорю: о!

Махание руками, выпучивание глаз — и всем все понятно. «Камеру мне!» — рыдал Пол.

Мы всем придумывали биографии: прошлое и настоящее. И это было безумно увлекательно.

В последний вечер мы бродили по местном моллу: внизу, в патио, — живая музыка, по сторонам — арт-галлери. Красота!

— Здравствуйте, я представитель Церкви Объединения.

Перед нами стоял мальчик в отутуженной рубашке и бой-скаутовских шортах. Лицо — насквозь пропитанное святым духом.

— Я приглашаю вас посетить наше молитвенное собрание и лекцию по пропаганде целомудрия до брака.

Мы с Полом переглянулись, стараясь не заржать.

— А вы, молодой человек, сами придерживаетесь целомудрия? — строго спросил Пол.

— Да.

— И что, вам никогда не хотелось его нарушить? Вот перед вами стоит женщина, — он показал на меня. — У нее ноги голые; декольте, опять же. И ничего?

Юноша кротко вздохнул.

— Я пойду... Извините...

— Эй, куда же вы? Вы нам еще не рассказали про свою Церковь!

— Догони и запишись на лекцию, — сказала я Полу.

— На фига?

— Ну ты же придерживаешься целомудрия до брака.

Пол расплылся в улыбке.

— Ой, я не могу — соблазнительница! Нет, душа моя, с тобой мы будем страстно дружить. А за сексом — это к мужу.

Ночью, когда Зэк уже спал, я прошерстила весь Google, задавая в поисковой строке «Пол Вардлоу + голубой», «Пол Вардлоу + бывшая жена», «Пол Вардлоу + анонимные алкоголики, импотенты, извращенцы, психопаты, пикаперы» и т.п.

Совпадения нашлись только на «Пол Вардлоу + мудака», но это написал адвокат, продувший ему процесс.

МЫ

5 октября 2006 г.

Есть у нас с Мелисской ритуал: сделать себе по коктейлю с зонтиком и отправиться в джакузи. Сидишь — как в кастрюле с супом варишься. Над головой — пальмы, вдали — горы. Жизнь, как обычно, хреновая.

Мы вываливаем друг на друга проблемы и обмениваемся дурацкими советами.

— Ремонт в доме полгода идет, — жалуется Мелисса. — Я Тедду каждый день долдоню: «Когда ванну покрасишь?» Все стены уже в пятнах. Дети им глаза пририсовали — у нас теперь не санузел, а паноптикум какой-то. Вчера Тедд пришел с работы и тут же за компьютер. Я ему ведро с краской на стол — бац! А он меня слушал, слушал... а потом начал краску жрать.

— Отравился?!

— Ага, как же... Пошел в туалет блевать — дверью хлопнул так, что зеркало грохнулось на раковину. Теперь руки негде помыть.

Мы думаем, что делать. Мелисска замужем уже 13 лет — разводиться глупо, но так жить нельзя.

— Он специально детей к себе приучил. Как играть — так он первый, а как ругаться — это к маме. Детей воспитывать — я, ремонт делать — я, кошку сдохшую закапывать — тоже я.

Тедд хороший мужик — только пофигист страшный. Впрочем, другой бы на его месте не выжил.

Мелисске жалко себя до слез.

— Вот почему одни люди заставляют тебя быть сукой, а другие — зайкой? Я уже с Теддом не могу по-другому разговаривать — только твякаю. Он специально меня раздражает.

Я вспоминаю строчки великого Кови.

— Люби его.

— То есть?

— Любить — это глагол. Заботься о нем, говори нежности...

— Я не могу любить по приказу!

Мы переходим к моим бедкам. Я рассказываю сначала о Поле, который хочет со мной дружить, потом о Зэке.

— Он мне каждый раз говорит одно и то же: «Как хорошо, что ты вернулась!» Не знаешь, что и делать: то ли орать «Дурак!», то ли, действительно, сбежать.

— Как у него дела с фильмом?

— Неизвестно. Пока устроился официантом в ресторан. Хочет деньги за Гавайи отдать.

Мелисска советует то же, что и всегда:

— Да брось ты его к едрене фене! На кой черт он тебе сдался?

— Не могу.

Мы умолкаем. Посасываем мартини и думаем о своем.

В последнее время у меня тоже возникает ощущение, что Зэк меня бесит.

Вчера описывала ему свою школу: как завучиха ругала нас за отсутствие сменной обуви и неправильные прически.

— Всегда ненавидел частные учебные заведения, — отозвался Зэк. — Особенно религиозные. Это была католическая школа, да?

Убить бы! Или наоборот — прижать к груди и плакать.

Никакая я не королевишна. Я простая русская баба, у которой на любви, как плесень, вырос толстый слой жалости.

ПСИХОЛОГИЯ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

8 октября 2006 г.

Арни сидит напротив лампы. В руках у него распечатка моего дневника с мемуарами.

— Ты абсолютно счастлива, Мардж.

Я растерянно хлопаю глазами.

— Знаешь, как называются неприятности, о которых весело вспоминать?

Приключения. Тебе они нужны — ты их получаешь.

— Я счастлива?! У меня за два года ни одного романа не написано! Из старых — ни один не стал бестселлером. Зато стихов целая куча — и все трагичные... А с Зэком мне что делать?

— Я тебе уже говорил: представь себя через десять лет. Он там, рядом с тобой? Если да — живите долго и счастливо. Если нет — не морочь мне голову.

— Я не знаю, как я ему об этом скажу!

— А ты знаешь, как ты ему об этом не скажешь?

На фоне лампы волосы Арни горят как нимб. Он очень мудрый дядька.

Арни дал мне домашнее задание: прийти домой, взять ножницы и изрезать на себе платье. Это будет символом отречения от прошлого и готовности к новой жизни.

Я стою перед шкафом и выбираю, над чем надругаться.

— Неужели резать будете? — изумляется Барбара.

— Надо. Иначе получится, что я зря заплатила за сеанс.

— Тогда заодно и ошейник Ронского порежьте. Пусть заречется мусорное ведро переворачивать.

ОДИССЕЯ

13 октября 2006 г.

Я раньше никогда не была в гостях у Пола, а тут к нему мама из Англии приехала, и он позвал меня играть роль герл-френд.

— Мама старенькая, ей волноваться вредно. Так что сделай вид, что у нас любовь.

— А ты тогда будешь играть бой-френда перед моей маман.

Пол ехидно осклабился.

— Конечно! Нельзя же ей твоего Зэка показывать!

Квартира у Пола оказалась потрясающей: на пятнадцатом этаже, с видом на океан и с окнами во всю стену. И ни одной старой или некрасивой вещи!

Мама Пола весьма органично вписалась в это современное роскошество.

У нее болели ноги и она не поднялась мне навстречу, а только протянула мягкую руку в перстнях.

— Маруся Вардлоу, — представилась она.

— Маруся? Вы полька?

— Нет, русская. Только я в России никогда не была.

Я обалдело посмотрела на Пола. Он стоял, прислонившись к косяку, весьма довольный произведенным эффектом.

Маруся говорила по-русски практически без акцента. Только иногда в ее речи проскальзывали словечки, давным-давно вышедшие из обихода. «Пойти в магазин» у нее — «Пойти в лавку»; вместо гриппа — инфлюэнция, вместо «будь добра» — «сделай милость». Ко мне она тоже обращалась смешно и трогательно: «голубчик».

— А дети мои языка не знают, — вздохнула Маруся. — Ни Пол, ни Эрни. Когда они были маленькие, я их учила, но потом все забылось. Ах, голубчик, какое это удовольствие — по-русски говорить! Я с вами как в детство окунулась.

Палестина. Жаркая земля, святая для половины мира. Когда-то на средства дома Романовых здесь содержалось Императорское Православное Палестинское Общество. Больницы, дома престарелых, гостиницы для паломников — заведывали этим обширным хозяйством глава русской миссии Иван Орехов и его жена Наталья (дед и бабка Маруси). После разгрома белогвардейцев в Иерусалим хлынули толпы обездоленных эмигрантов. Ореховы помогали им, чем могли, а когда деньги Палестинского общества закончились, Наталья достала из-под пола старинный, отделанный мозаикой ларец. В нем лежали фамильные драгоценности румынских королей, доставшиеся ей в приданое. Бриллиантовые диадемы, золотые перстни, нитки жемчуга — все было отдано в фонд помощи соотечественникам. Когда Иван умер, у Ореховых не было денег на гроб.

Дети их так и не смогли получить высшего образования — не на что было. Старший Коля выучился на сантехника, и младшая Верочка вышла замуж за его напарника Пашку

— бывшего гусара лейб-гвардейского полка. От былого величия в доме осталась лишь нянька Анюта, жившая у Ореховых не за жалование, а по велению Ксении Блаженной.

— У нее на переднике было три кармана, — улыбаясь, рассказывала Маруся. — В одном семечки, в другом чеснок, а в третьем мусор. Где найдет какую соринку, так в третий карман и складывает. Как сейчас помню: стоит Анюта у ворот, смотрит, кто проходит. Мы, дети, к ней подбегали и просили семечек, но она давала только по три штуки, а чеснока — целую горсть.

Жили бедно. А тут еще война. С утра Верочка отводила Марусю в школу, днем стояла в очередях за продуктами, ночью вместе со всей семьей пряталась в бомбоубежище. После войны стало полегче с деньгами: у Пашки было столько работы с починкой канализации, что он не успевал поворачиваться. Но детей на улицу выпускать боялись: то там, то здесь гремели взрывы.

Еврейские экстремисты постоянно терроризировали британскую армию, занимавшую Палестину: им было обещано свое государство, а Лондон все тянул с разделом территорий. Арабы тоже не могли дождаться ухода англичан. На базарах говорили: «Войска уйдут — всех евреев перережем. Красное море взаправду красным будет».

14 мая 1948 года на карте мира появилась новая страна — Израиль. В Иерусалиме начались уличные бои. Политики что-то решали; еда была по талонам.

Маруся шла в школу, когда ее окликнул по-английски какой-то парень. Она удивилась: все англичане выехали еще в прошлом году.

— Не ходи туда! — сказал он. — Там стреляют.

Эд, так звали парня, вызвался проводить Марусю. Он сказал, что служит в соседней Иордании, где находилась армия под командованием британского генерала Глабба. А в Иерусалим Эд приехал в отпуск.

— Выйдешь за меня замуж? — спросил он, подведя Марусю к школе.

Она только фыркнула.

— Дурак!

Ей было семнадцать. До конца учебы оставался еще год. Эд чуть ли не каждую неделю подъезжал на своей мотоциклетке под глухой забор Марусиного дома. Она бежала к нему через запущенный сад. Влезала на отцовский верстак, перегибалась на животе на ту сторону. Эд смотрел на нее снизу вверх восторженными глазами.

— Привет!

О том, чтобы приводить парня домой, даже речи не могло быть. Папа-гусар был крут нравом, и при одной мысли о «женихах» приходил в ярость. Слишком много вокруг было оголодавшей солдатни, слишком страшно было за единственную дочь.

Эд подластился к нему с другой стороны. Он подкинул папе денежную работу по обустройству военного лагеря в Иордании. Взяв в долю Кольку-шурина, папа уехал на заработки.

Теперь раз в неделю Эд мог официально появляться в доме: отец высылал с ним деньги и продукты, купленные в военторге. Верочка не могла нарадоваться на парня: такой добрый, такой заботливый!

Через несколько месяцев случилось непоправимое: у папы отказало сердце. После похорон Колька подошел к Верочке и сунул ей несколько смятых бумажек:

— Это доля твоего мужа.

Она пересчитала деньги.

— Но это же копейки! Вы договаривались делить все пополам!

— Ничего мы не договаривались! Кто сколько наработал, тот столько и получил. И вот еще что: Анюта сказала мне, что вы каждый день мясо едите — так это нехорошо. Ты, Верочка, теперь вдова, тебе экономить нужно.

Узнав о случившемся, Анюта погнала Кольку со двора.

— Я тебя растила, нехрестя! Глаза твои бесстыжие! Вон! Вон! — И высыпала ему на голову содержимое третьего кармана.

Верочке пришлось идти на службу. Она получила место сестры милосердия в лагере для палестинских беженцев под Иерихоном. Жили в румынском монастыре: монашки сжалились над вдовой и дали ей комнату. Эд, как и прежде, приезжал каждую неделю — и всегда с деньгами. У него было большое жалование, которое не на кого было тратить, и он отдавал почти весь заработок Верочке.

Однажды, уже прощаясь, Эд вызвал ее в сад.

— Мама, отдайте за меня Марусю. Мы любим друг друга.

Ничего толком не ответив, Верочка всю ночь проплакала. Лучшего жениха для дочки и сыскать было нельзя, но Маруся была православной, а Эд — католик. Церковь бы не простила Верочке этого брака. А Церковь была для нее всем.

Утром Маруся собирала на стол, не смея взглянуть на мать.

— Вы что, уже чего-то натворили?! — грозно спросила та.

— Нет!

— Отвечай правду! Божья Матерь глядит на тебя! Если соврешь — грех тебе!

— Нет, мама! Нет! Но я люблю его! Он самый лучший!

Потом они долго сидели, обнявшись, и плакали. Верочка хотела казаться строгой.

— Ты помни: брак — это не на один день. Если ты ко мне прибежишь и скажешь: «Мама, я не хотела!», я тебя на порог не пущу.

Маруся подняла залитое слезами лицо.

— Так можно? Да?

Верочка сказала, что не станет давать благословения на венчание, но против светского брака возражать не будет.

Расписались в английском консульстве в Аммане. Свидетелем был дядя Коля.

Вернувшись с регистрации, он тут же настрочил два десятка писем родным и знакомым: Верочка выдала дочь за католика, никого не спросясь и ни с кем не посоветовавшись. Родители Эда — в Бейруте, они Марусеньку знать не хотят, и здесь явно дело нечисто. Наверное, она с этим католиком уже давно шлялась. Стыд-позор!

На бедную Верочку повалились письма: от матушки-игуменьи, от отца Сергия, от кузины Дуси из Парижа, от тетушки Меланьи из Египта... Как ты могла?!

Колька подливал масла в огонь, присылая вести из Иордании: «Дочь твоя беременная, а ее супруг каждый четверг куда-то уезжает. Причем в цивильном. Куда, спрашивается?»

Маруся не придавала особого значения отлучкам мужа: когда тебя любят, это чувствуется. Но мамино беспокойство передалось и ей.

— К кому ты все время ходишь? — спросила она, когда Эд опять принялся уютить рубашку.

Он обнял ее, поцеловал в огромный живот.

— Не бойся. Нет никакой другой женщины.

— А кто есть?

Эд заглянул в ее испуганные глаза.

— Обещай никому не говорить. Я работаю на правительство Британии.

— Да, я знаю.

— Не в том смысле. Я — разведчик.

Маруся побледнела. В голове тут же пронеслись слухи о расстрелах пойманных шпионов. В соседнем Израиле творилось бог весть что, и все знали, что иорданское правительство совместно с англичанами прикладывает к этому руку.

— Не бойся, не бойся, — шептал Эд. — Как только родится малыш, я тут же уйду в отставку. Мы будем жить здесь, в Аммане. Тут тихо и спокойно. И я никуда больше не уеду.

— Ты не натворил ничего ужасного?

— Нет. Я хороший человек. Не беспокойся.

Много лет спустя, уже после смерти Эда, Маруся разбирала его мемуары и нашла запись о том, что он участвовал в подготовке теракта на улице Бен Иехуда в центре Иерусалима. Тогда погибли 52 человека и 123 были ранены.

В 1955 году СССР продал Египту огромную партию вооружений. Уверившись в собственном могуществе, египетский премьер-министр Насер объявил о национализации Суэцкого канала.

Ближний Восток вновь встал на дыбы. Арабы жаждали священной войны с англичанами и, по привычке, с Израилем. Лондон и Иерусалим заключили договор, и это стало последней каплей для иорданцев. Они подняли мятеж и заставили короля Хуссейна выгнать всех британских офицеров из страны.

Отправив Марусю с маленьким Эрни к матери, Эд улетел в Англию. Через шесть месяцев она получила телеграмму: «Дорогая, я в Ираке. Я нашел очень приличную работу в «Роллс-Ройсе». Прилетай в Багдад. Жду. Целую. Эд».

В Багдаде у «Роллс-Ройса» было большое представительство, через которое в Ирак поставлялись промышленные двигатели. Семейству Вардлоу дали хорошую квартиру; большая зарплата мужа позволяла жить на широкую ногу. Вскоре у Маруси родился второй сын, названный в честь дедушки-гусара Павлом.

14 июля 1958 года в Ираке произошел государственный переворот. Король Фейсал II и премьер-министр были убиты. Толпы фанатиков выискивали «врагов» на улицах.

Жен и детей британских специалистов согнали в один дом и велели ждать эвакуации. Солдаты с автоматами, крики, пальба...

— Нам велели выставить в окно большую фотографию генерала Кассема, — рассказывала Маруся. — К тем, у кого не было портрета, врывались и всех убивали.

Эрни уже был большой, а Пол только-только начал ходить. За те страшные десять дней, что они провели под домашним арестом, он практически не слезал с рук матери. Стоило Марусе поставить его, как он тут же поднимал крик.

Иракцы не разрешили Эду и другим мужчинам повидаться с женами. Компания настаивала на том, чтобы они оставались на местах.

— Я хочу к папе! Я хочу к папе! — хныкали дети.

Ночью их разбудили:

— Собирайтесь!

В аэропорт отвезли на военном грузовике под конвоем автоматчиков. Маленькие орали от стаха. Взять с собой ничего не разрешили. Из всех вещей у Маруси была

небольшая сумка, в которой лежал кошелек и две перемены детского белья. Ботинки Эрни отобрали при обыске, потому что они были завернуты в газету. Иракцы не хотели, чтобы последние известия просочились за пределы страны.

— О том, что вы видели, держите язык за зубами, — предупредил женщин конвойный. — Иначе вашим мужьям будет плохо.

В Багдаде была жара, а в Лондоне — сырость, дождь, слякоть. Мальчики — в одних шортах. Маруся потерянно оглядывалась по сторонам — она никогда не была в Англии и понятия не имела, куда ей идти.

— Мадам, следуйте за мной, — произнес молодой человек в военной форме.

Всех женщин, приехавших из Ирака, отправили в переполненный распределительный пункт для беженцев. По залу тянулись длинные очереди: беженцы из Кипра, беженцы из Венгрии, беженцы из Польши, беженцы из Ливана.

— Куда вы сейчас направляетесь? — спросила Марусю дама в окошке.

— В Ливерпуль. Там у меня подруга. Мы были соседями в Багдаде.

— У вас что, нет семьи?

— Есть, но моя мама живет в Иерусалиме. А семья мужа — в Бейруте.

— Как зовут вашу подругу?

— Пэт Морган.

— Где она проживает?

Маруся назвала адрес.

— У вас есть деньги?

— Нет. Все наши сбережения остались в Ираке. Но у меня есть дорожные чеки. Мой муж сказал, что я могу обменять их на деньги в Англии.

— Не имеет значения. Подойдите к окну № 3 и получите 5 фунтов стерлингов пособия. Следующий!

Банк отказался принять Марусины чеки.

— В Ираке хаос, все финансовые учреждения закрыты, и мы не можем проверить, кто именно выдал ваши бумаги.

На оставшиеся деньги Маруся купила билеты на Ливерпуль.

В 9 часов вечера прибыли на место. Солнце еще не зашло, и это было так странно! Маруся привыкла, что в 7 вечера уже темнело. Было холодно: она закутала Эрни в свою кофту, взяла на руки Пола и пошла по написанному на бумажке адресу.

Пэт была эвакуирована из Багдада на один день раньше, потому что была беременной. Она встретила Марусю радушно и выделила ей маленькую комнатку.

— Что-нибудь слышно из Ирака? Нет? Ох, у меня сердце не на месте. Ладно, давайте в ванную и ужинать.

Несмотря на улыбки Пэт, было видно, что в доме не все в порядке. У ее отца был паралич, мать страдала артритом и не могла ходить за ним. Саму Пэт постоянно мутило от затянувшегося токсикоза. Все ее деньги тоже пропали.

Уложив детей, Маруся вышла на кухню. Пэт сидела над фотографией мужа и плакала.

— Я не могу пользоваться вашим гостеприимством, — сказала Маруся. — Денег нет, когда Эда отпустят, непонятно...

— У нас здесь есть католический монастырь, — отозвалась Пэт. — Может, они чем-то помогут?

Тихая монахиня провела Пэт и Марусю с детьми в приемную аббатисы. Матушке было под шестьдесят. Строгое морщинистое лицо обрамляла черная накидка.

— Чем могу служить?

Пэт объяснила ситуацию.

— Моя подруга не имеет родных в Англии. Ей нужно где-то остановиться на время. Аббатиса перевела взгляд на Марусю.

— Какой вы веры, мадам?

— Православной.

— О, нет, нет, нет! Мы занимаемся только католиками!

— Но у нее муж католик! — возмутилась Пэт. — И дети тоже католики! Им некуда идти!

Аббатиса страдающе посмотрела на мальчиков.

— Сестра Урсула, принесите детям молока.

Монахиня выскользнула в заднюю дверь и через минуту вернулась с двумя стаканами на подносе.

Эрни терпеть не мог молоко. Он как увидел этот стакан, сразу заплакал: «Не хочу! Уберите!» А глядя на него, и Пол запищал: «Мама! На ручки!»

— Они что у вас, больные? — с испугом проговорила аббатиса.

— Нет. Просто они прошли через такое, что не каждый взрослый выдержит. У них нет дома. Все их вещи пропали. Их отец неизвестно где.

Аббатиса поднялась.

— Посидите здесь. Мы объявим вам свое решение.

Она вернулась через полчаса. В руках у нее были детские костюмчики, похожие на больничную пижаму.

— Мы дадим приют вашим детям, но не вам. Вы не принадлежите к нашей Церкви и потому не можете рассчитывать на ее защиту. Вам позволено видеться с детьми раз в неделю в воскресенье после мессы.

— Мама! — заголосил Эрни. — Не надо! Мамочка! Спаси!

Он вцепился в мамину ногу, сполз на пол и забился в истерике. Маруся подхватила его на руки.

— Вон видите за окном телефонную будку? — проговорила она, задыхаясь. — Я лучше буду жить в этой будке, чем разлучусь с моими детьми! Мне ничего от вас не нужно.

Аббатиса выглядела растерянной.

— Поймите меня правильно! Если бы вы были католичкой, мы бы дали вам комнату. А вы, простите, иракская женщина.

— Я русская!

— Коммунистка?! О, Господи! Сестра Урсула! Проводите их отсюда!

Они вышли из монастыря. Дети всхлипывали.

— Маруся, мне так стыдно! — сказала Пэт. — Это... У меня нет слов.

— Это не твоя вина. Я что-нибудь придумаю.

На следующий день Маруся позвонила в офис «Роллс-Ройса» и сказала начальнику Эда, что ей негде жить. Через два дня он прислал ей 15 фунтов и дал адрес в Лондоне, где ее могли приютить на время. Купив детям штаны и куртки, Маруся вновь отправилась в столицу.

Миссис Дэвис, хозяйка огромного многоквартирного дома, заселенного студентами, уже ждала ее.

— О, у вас два ребенка? Но мне сказали, что будет только один.

— Мне что, второго на улицу выкинуть?

— Но они будут кричать. Дети всегда кричат, а у меня студенты занимаются!

— Какого будем выкидывать? Какой вам больше нравится?

Миссис Дэвис сказала, что она согласна взять их на испытательный срок при условии соблюдения правил:

— Вы должны уходить из дома в 9 и возвращаться не раньше 17:00. После 20:00 нельзя включать воду и спускать унитаз. Покой жильцов — это наше кредо.

Свет и газ в квартиру подавался следующим образом: кладешь шиллинг в автомат — будет электричество, кладешь второй — будет газ.

Целыми днями Маруся с детьми гуляла в парке. Денег было катастрофически мало, и она сэкономила каждый пенни.

— Знаете, миссис Вардлоу, вы можете остаться, — сказала ей домохозяйка по прошествии испытательного срока. — Ваши мальчики очень благовоспитанные. Они нам подходят.

В это время в коридоре раздался телефонный звонок.

— Миссис Вардлоу! — крикнул консьерж. — Вас мужчина!

У Маруси перехватило дыхание. Эд!

Это звонили из министерства иностранных дел.

— Добрый день! Вы знаете, что ваш муж в тюрьме?

— Как?! За что его арестовали?

— Вот именно это мы и хотим узнать.

Маруся медленно перевела взгляд на миссис Дэвис. Та была бледнее штукатурки.

— Ваш муж — преступник?!

Кабинет, в который привели Марусю, был обит войлоком, и ей показалось, что ее посадили в дурдом. Вскоре появился пожилой чиновник с газетой в руках.

— Миссис Вардлоу, вы читаете по-арабски?

— Да.

На первой странице был крупный заголовок: «Арестован английский шпион!»

— Этого не может быть! — воскликнула Маруся. — Эд не шпион! Он...

— Да, мы в курсе, — отозвался чиновник. — Его арестовали по ложному доносу.

Вчера мы еще не знали, где он, но сегодня нам передали информацию...

После переворота новые иракские власти устроили охоту на ведьм. Погоня за шпионами превратилась в национальный вид спорта. Кто-то донес, что Эд несколько раз выезжал в пустыню на встречу с английским послом и один раз — с военным атташе. На следующий день Эда похитили и бросили в тюрьму.

Камера-одиночка, никакой мебели, даже матраса. Всю одежду, кроме трусов, отобрали. Эд развлекался тем, что рассчитывал скорость муравьев — сколько потребуется, чтобы доползти из щели в полу до щели у окна.

Его судили на закрытом суде.

— Какие сношения вы имели с английским послом? Зачем вы поехали на свидание с ним в пустыню?

— Он ездит на «Роллс-Ройсе», и его машина сломалась. Меня позвали ее починить.

— А военный атташе?

— Та же история.

— Ложь!

Ни консул, ни руководство «Роллс-Ройса» не были поставлены в известность об аресте Эда. Для всех он пропал без вести.

Его спасло знание арабского языка. Он разговорился с охранником, который приносил ему еду — чашку воды, кусок хлеба и луковицу.

— Эй, Омар! У тебя есть жена?

— Отвяжись.

— Не может быть, чтобы у такого мужчины не было жены. Она тебя сильно любит?

— Ну?

— Моя меня тоже любит. Она не знает, где я. Омар, это не преступление, если ты ей скажешь, что со мной. Отнеси записку в «Роллс-Ройс» и попроси денег. Тебе дадут.

Иракское правительство долго отрицало похищение британского подданного, но потом все же согласилось выдать его в обмен на 25 тысяч фунтов (по тем временам гигантская сумма). Для пушного эффекта газеты трубили о поимке шпиона.

Консул пытался торговаться:

— Но у вас нет никаких доказательств его вины! Это вымогательство!

— Это штраф.

— За что?

— Вы нас сорок лет угнетали.

Британское правительство отказалось выплачивать выкуп, но «Роллс-Ройс» все-таки внес требуемую сумму. Эд провел в тюрьме 42 дня, после чего его вывезли в Англию.

— Ему дали довольно большую компенсацию, — рассказывала Маруся. — Плюс отпускные, плюс страховка. На эти деньги мы купили маленькую квартиру в Лондоне.

— И Эда не тянуло больше на приключения? — спросила я.

— Так куда же без этого, голубчик? Потом мы поехали на два года в Нигерию. Потом на 4 года в Гану. Там тоже было интересно, но уж очень много насекомых и змей. И каждый день надо было принимать таблетки хины. Эд один день забыл и тут же подхватил малярию. В Англию мы вернулись только в 1964 году — мальчикам нужно было получать образование.

Пол сидел в другой комнате и по обыкновению резался в компьютерную игрушку. Я смотрела на него — все еще под впечатлением Марусиного рассказа.

— Правнук румынских королей и сын террориста, — проговорила я.

Он снял наушники.

— Что?

— Маруся только что рассказала мне про твое детство. Мне только одно непонятно: как ты в Штатах оказался?

— В Голливуде проводился конкурс двойников Ричарда Беймера. Ну, ты помнишь «Вестсайдскую историю», да? Он там в главной роли снимался. Вот и поехал.

Я с недоверием посмотрела на него.

— Ага, одно лицо.

— Вот и продюссер мне так сказал. Пришлось пойти в Гарвард и стать адвокатом.

ИГРЫ, В КОТОРЫЕ ИГРАЮТ ЛЮДИ

20 октября 2006 г.

Я позвала Пола гулять, а он сказал, что не может. У него, видите ли, чемпионат по компьютерным играм с Мелискиными детьми.

— А ты тоже к нам приходи, — позвала меня Мелисса. — Выпьем чего-нибудь, поболтаем.

Тедд, Пол и мальчики ушли за мороженым, а мы с Мелиссой принялись за колдовство. Я привезла с Гавайев чудный кофе — такого больше нигде нет. Мелисса сварила его в арабской турке и разлила по чашкам.

— Пол, кстати, и Тедда подсадил на компьютерную заразу, — вздохнула она. — У нас теперь вместо секса каждую ночь борьба за мир.

— С кем?

— С какими-то уродами.

— Дай хоть посмотреть, на что они нас променяли.

Мы загрузили игру.

— Ставь начальный уровень, — сказала Мелисса. — А то эти монстры чуть что — сразу убивать лезут.

Подвал, трубы, дымы... Внизу экрана появились два здоровенных кулака.

— Это что?

— Наш герой. Он ходит по лабиринтам и мочит все, что движется.

Компьютер задал вопрос, но нам было лень его читать.

— Напечатай «ОК» и все, — посоветовала Мелисса.

Я напечатала и тут выяснилось, что мы только что дали имя нашему герою. Теперь его звали О'Кей.

— Тут где-то должны быть ходильные клавиши.

— Эти?

О'Кей сначала повертелся на месте, потом замер, глядя себе под ноги.

— Дай я! — Мелисса ссадила меня с кресла. — Ага, вот этим надо махать, а этим ходить.

Молодецким ударом О'Кей разбил дверь, из-за которой на него тут же набросились пауки.

— Они же его сейчас загрызут!

Через секунду О'Кей откинул копыта. Мелисса страдальчески посмотрела на экран.

— Я не могу одновременно и драться и убегать!

— Давай я буду отвечать за ноги, а ты за руки.

Мы сели рядом, и О'Кей снова пошел в бой. Походка у него была как у портового пьяницы: его мотало, он врезался в стены и подолгу стоял, уткнувшись в них носом.

— Та-а-ак, туда мы не пойдем — там пауки. Давай в другую сторону.

Из-за угла на нас наскочило рогатое чудовище.

— Бей его!

Мелисса замолотила по всем клавишам подряд. Клавиатура упала на пол, и мы в бессилии наблюдали, как зарубленный О'Кей сучил ножками.

— Давай лучше я буду махать кулаками, а ты — ходить.

На О'Кея снова нападали пауки. Я вскочила с кресла.

— Это дурацкая игра!

Но Мелисса все еще держала оборону. Она наклонила О'Кея и он размазал пауков по стенке.

Пилотирование всецело было передано ей. Когда из-за угла появилось чудовище, Мелисса ловко эвакуировала О'Кея в другую комнату.

— Мы его тут подождем.

— Сколько?

— Ну, не знаю... А пока мы будем тренировать удары.

Тренируясь, О'Кей разбил окно и аптечный шкафчик, в котором хранился элексир жизни. Без элексира ему стало плохо и он опять помер.

— Дурацкая игра!

Мелисса что-то нажала, но вместо О'Кея на экране появился колдун с книжкой.

— А это еще кто?

Она задумалась.

— С ним Пол сегодня играл. Наверное, мы его версию загрузили.

Я потыкала в ходильные кнопки. Колдун ринулся вперед и тут же свалился в колодец. Похрипев чуть-чуть, он утонул.

— Концы в воду, — сказала Мелисса и мы пошли допивать кофе.

Как Пол орал из-за того, что мы загубили его колдуна!

ОТВЕРЖЕННАЯ

29 октября 2006 г.

Зэк не появлялся целую неделю. У Агнессы его не было, на сотовом — тишина. Я позвонила Кевину.

— Куда Зэк пропал?

— Никуда. Я его только что встретил.

— У него проблемы?

— Нет. Он сказал, что собирается на выходные в Санта-Барбару.

Я положила трубку. Зэк пропал только для меня, а для всех остальных ничего не случилось.

Год назад мы с ним жили в параллельных, никак не пересекающихся мирах; потом они соединились — как две капли на лобовом стекле. Но сейчас, кажется, их опять разбило ветром и скоростью.

ДОЛГАЯ ВОСКРЕСНАЯ ПОМОЛВКА

4 ноября 2006 г.

Вчера Пол пришел в гости.

— Мама передавала тебе привет. Сказала, что ты очень хорошая барышня. Слушай, у тебя почерк нормальный?

— Отвратительный.

— Тогда напиши мне пару слов.

Он положил передо мной открытку с амурами и сердечками.

— Ну?

— Пиши: «Выходи за меня!»

Я уставилась на него, ничего не понимая. Пол затрясся от беззвучного смеха.

— Ой, балда! Это не тебе, это Барбаре.

— Ты ей делаешь предложение?!

Оказалось, что Пол умудрился втереться в доверие не только к Мелиссе, но и к Барбаре и ее бой-френду — полицейскому Хуану. Будучи серьезным мужчиной, Хуан решил жениться и пошел за советом к Полу.

— Надо, чтоб по всем правилам, — сказал он. — И чтоб надолго запомнилось.

Пол выступил в роли массовика-затейника и составил сценарий помолвки:

1) Открытка с предложением руки и сердца запихивается в фигурную бутылку.

2) Он подбрасывает бутылку на пустынный берег Тихого океана.

3) Хуан ведет Барбару прогуляться вдоль прибоя.

4) Барбара находит бутылку, открывает ее и читает открытку.

5) Хуан падает на колени и дарит ей кольцо.

— Мы уже разослали приглашения всем друзьям, — сказал Пол. — Они будут ждать в ресторане неподалеку. Как только Хуан сделает предложение, вся толпа высыпет на улицу и начнет рукоплескать. Ты с нами?

Вечером Барбара была сама не своя. Молоко убежало, чашка разбилась.

— У тебя все в порядке? — спросила я.

Барбара промакнула глаза передником.

— Не знаю! Хуан какой-то странный в последнее время. То исчезает по вечерам, то звонит и не говорит, кому...

Я понимающе заулыбалась.

— Да ладно! Может, он тебе сюрприз готовит?

— Вот то-то и оно! Сегодня позвал на пляж — сроду такого не было!

В сумке Барбары запели церковные колокола.

— Это Хуан!

Она бросилась к телефону.

— Да... Да... Конечно...

По персиковой щеке покатились слеза.

— Что он сказал?

— Что надушился одеколоном. Приезжай, говорит, на пляж: дам понюхать.

Пол несколько раз пытался оставить бутылку на оговоренном месте, но через пять минут ее находили посторонние. В конце концов он спрятал ее в расщелине между камней.

— Алло! Хуан, это Пол. Вы где?

— Мы уже на пляже.

— Ага, вижу вас. Бутылку пришлось перепрятать. Следуй моим инструкциям. Иди прямо. Нет, правее! Правее! Теперь слишком вправо забрал...

Барбара ничего не понимала. Хуан встретил ее в костюме, в котором она видела его всего один раз — на похоронах тети Розитты. Потом он схватил телефон и принялся с кем-то трепаться. Причем специально говорил так, чтобы Барбара не могла понять, о чем речь: только «угу» и «ага». При этом лицо у него было совершенно несчастным.

— Ты что, не можешь отложить этот разговор на потом?

— Нет!

— И кто это тебе такой важный звонит?

— Я потом объясню. Так, пошли вон к тому камню!

— Мы уже пятьдесят раз туда-сюда ходили. Может, хватит?

— Нет-нет! Погода чудесная!

Хуан схватил Барбару за руку и вновь забормотал в телефон.

— Да. Понял. Сейчас.

Барбара вырвала ладонь.

— Никаких «сейчас»! Я ухожу!

Тем временем на стоянке перед рестораном Пол вскрывал машину Хуана, чтобы засунуть в нее шампанское и букет роз. За этим занятием его и застала Барбара.

С криком «Нашу тачку угоняют!» она подскочила к нему сзади и огрела сумкой.

— Стой! Не двигайся! Выходи за меня замуж! — завопил Хуан.

Заломив Барбаре руки по всем правилам полицейского задержания, он оттащил ее от Пола.

И тут из дверей ресторана высыпали друзья и начали аплодировать.

Сгустились сумерки. Волны с грохотом разбивались о камни. Освещая себе путь зажигалкой, мы с Полом брели по пляжу,

— Черт, куда я засунул эту бутылку? — бормотал он. — Может, завтра при свете дня посмотрим?

— Давай, ищи! — подбадривала я. — Это семейная реликвия. Завтра ее кто-нибудь уже подберет.

Волна залила нам ноги.

— А-а! — завопил Пол. — Я им новую бутылку куплю! Ты подпишешь открытку и дело с концом!

И тут мы ее увидели. Она лежала, наполовину засыпанная песком — как послание с дикого острова.

Потом мы сидели на заднем крыльце ресторана и курили.

— Ты что, воды боишься? — спросила я.

— Нет. Просто... Не знаю... Стихия — это страшно. Землетрясения всякие, цунами...

— А меня гораздо больше люди пугают. Стихия не может преследовать тебя специально, а люди — могут.

Пол хмыкнул.

— Значит, вместе мы с тобой ничего не боимся. Если что, мы будем взаимно друг друга спасать.

Да, меня надо спасать. Причем спасать — это не кидаться грудью на амбразуру. Это стоять за меня, и когда я права и когда не права. Это быть рядом до конца — что бы ни случилось: попади я под трамвай или сядь в тюрьму. Это лечить, когда я больна. Тратить время на мои безумные проекты. Учить, когда я не знаю, как быть... И еще — не пускать к психоаналитикам.

Вот так было бы очень хорошо.

ДЖОШ ПОДКОПСКИ, ПЕРЕВОДЧИК

11 ноября 2006 г.

После учебки Джоша распределили в роту поддержки аэродрома и велели служить электриком.

— Прикинь, тетя Мардж, я для них — бог, — хвастался он по телефону. — Закинут нас на учения в пустыню: там ни черта нет, по ночам холод собачий... А я могу розетку в палатку провести. У меня тут же столько друзей завелось — ты себе не представляешь!

Все прелести мира — от горячей воды до телевизора — сосредоточились в руках Джоша. Власть над людьми развратила его до безобразия: он перестал затягивать ремень и даже честь отдавал с явной неохотой. Но ему все прощалось.

— Мне даже газ из газовой камеры всегда выкачивают. А то если у меня будет газ, у них не будет электричества. Сломается все, а починить — никак. Разве что в Сан-Диего за запчастями лететь.

Джош решил, что проверять генераторы два раза в сутки — не царское дело. Для этого надо вставать, садиться на машину, пилить то по жаре, то по холоду...

«Дай подсоединю провода к щитку на вертолетном ангаре. Там всегда бесперебойное напряжение. Никто ничего не заметит».

Протянул провод, воткнул...

Огромная военная база посреди пустыни: танки, техника, госпиталя, аэродром... Сотни лампочек вспыхнули на мгновение и тут же погасли. В щитке, куда по дурости подключился Джош, напряжение составляло 480 вольт. Провода после этого ломались как сухие макароны.

— Сгною!!! — вопил полковник, тыча карманным фонариком в Джоша.

Тот потеряно разводил руками.

— Э-э... Сломалось... В Сан-Диего за запчастями надо лететь.

С этого дня в жизни Джоша наступила черная полоса. К обязанностям электрика ему добавили новые: делать из больших камней маленькие. Выдали кирку, гору булыжников и велели улучшать геологический облик планеты.

На третий день Джош понял, что долго он так не протянет.

— Еще что-нибудь делать умеешь? — спросил клерк из штаба. В свое время Джош починил ему вентилятор, и тот хотел быть благодарным.

Джош порылся в памяти.

— Умею рисовать стариков и мопсов. Умею розетки делать... О, по-русски говорю!

Клерк покачал головой: с такими дарованиями вырваться из пустыни было непросто. Но тем не менее он забил информацию Джоша в компьютер.

А спустя неделю случилось чудо. Джош махал киркой и думал о смерти, как вдруг к нему подбежал вестовой и сообщил, что его срочно вызывают на Карибы.

— Куда?! — только и смог прошептать Джош.

Есть в Карибском море остров свободы Куба. Многие кубинцы настолько не любят свободу, что постоянно пытаются удрать от нее во Флориду. Американские пограничники их отлавливают, но не возвращают Фиделю, а отправляют в нечто среднее между лагерем военнопленных и лагерем беженцев.

Постепенно лагерь разросся до невообразимых размеров. Арестантов надлежало кормить, лечить и охранять. Места для obsługi уже не хватало, и тогда Министерство обороны решило зафрахтовать круизный теплоход и разместить солдат и офицеров по каютам.

Дешевле всего оказался украинский лайнер «Тарас Бульба». Команда на «Бульбе» — 400 душ, из которых по-английски понимало человек тридцать. Из тысячи американцев на борту по-русски не понимал никто, а про существование Украины знало процентов десять.

Поначалу в качестве переводчика прислали офицера из Вашингтона. После трех дней в обществе корабельных сантехников он попал в госпиталь с острым расстройством желудка и нервной системы. В штабе вновь сбились с ног: переводчик был нужен позарез. И тогда в базе данных обнаружили Джоша Подкопски. Все необходимые качества у него имелись: русское происхождение, американская присяга и воинское звание, не позволяющее выпендриваться.

Так Джош из пустыни попал на тропический остров.

Джош перезвонил Леле через две недели и тихо простонал в трубку:

— Мама, меня выследили и рассекретили... Я больше не могу...

Что-то зазвенело, посыпалось, и голос Джоша затих вдали.

Перепуганная Леля начала бегать по инстанциям и проситься в госпиталь к сыну. Но все оказалось не столь печально.

Поначалу украинские моряки считали Джоша обыкновенным «пиндосом», только говорящим. Но тут корабельное начальство решило устроить любительский чемпионат по боксу: сборная «Тараса Бульбы» против сборной охранников. И Джош оказался единственным американцем, болевшим за «Тараса».

Моряки, закаленные в пьяных драках друг с другом, быстро отметили 20-летних сопляков. Джош был в восторге.

— Ты что, больной? — спросила его буфетчица Оксана.

— Не, я свой! — радостно орал Джош. — Я из Нижнего Новгорода! Я на Украину к дедушке ездил!

И тут началось. Никогда, даже в самые запойные студенческие годы, Джош столько не пил. Чтобы побрататься с ним, моряки записывались в очередь. В военторге закупились ящики виски, рома и пива, все это добро тащилось к механику Филиппычу и разливалось по стаканам.

— За Родину! — орали морские волки и выжидающе смотрели на бывшего соотечественника.

Соотечественник бледнел лицом, но понимал, что Родина ему не простит, если он не ужрется.

Между тем работы у Джоша прибавилось. Морские пехотинцы страстно ухаживали за официантками и горничными — и им нужно было переводить. Ревнивые моряки бились с морпехами — и им тоже нужно было переводить. Беременных дам нужно было возить на берег на анализы: ни одна из них не желала идти к корабельному доктору по кличке Гангрена. Кроме того, дня не проходило, чтобы Джош не ездил в военную комендатуру «за своими». Стоять месяцами на якоре морякам было скучно, и они развлекались, как могли. Верхом щегольства было прокрасться в магазин, переклеить этикетку с портвейна на коньяк, пробить его в кассе и выйти наружу. Работу осложняли вражеские видеокамеры, натканные над винным отделом. Охрана военторга (скучающая до слез в этой дыре) при виде моряков прилипала к мониторам. Если удавалось поймать врага на месте преступления, радовались, как дети. Тащили виновного в кутузку и обменивались «факами» с группой поддержки.

И те, и другие срочно вызывали Джоша и требовали переводить.

— Скажи ему: «Ты — троеблядский выблядок!» — грозно орал кок Мыкола.

Джош потерянно моргал.

— He said you're a triple fucking... eh... A triple bastard... No... Fuck! Я не знаю, как это переводить! Объясняй сам!

Мыкола тыкал в охранничью рожу три пальца.

— Понял? Теперь понял, шлепок майонезный?!

Уходя в армию, Джош переживал: дождется ли его Сарочка. Он перечитывал ее письма и прислушивался к голосу в трубке — нет ли намек на измену?

Но оказалось, что беспокоиться надо было Сарочке. Официантки и горничные «Бульбы» осознали, что капрал Подкопски — это ходячая грин-карта. Вскоре сердце Джоша начало напоминать коммунальную квартиру — в нем поселились пятнадцать дам, но при этом оно не принадлежало никому в отдельности.

Капитан Фишман настойчиво советовал Джошу «не баловаться», а потом приказал отчитываться по рации каждые 15 минут: где он и с кем.

— Тоже мне, Шерлок Холмс! — хихикал Джош. — Выследить меня захотел! Да мне всего три минуты надо!

Но капитан вскоре и сам догадался, что этим разгильдяя не приструнить.

— Печатать на компьютере умеешь? — грозно спросил он.

— Так точно, сэр!

— Тогда все свободное время будешь проводить в канцелярии. У нас уйма работы накопилось: нужно отпечатать восемьдесят приказов о награждении заслуженных морпехов.

Когда Джош вернулся домой, его грудь украшали полдюжины медалей. О каждой из них была рассказана трогательная легенда.

Небоевые награды в США продаются в магазинах. Купить их можно, лишь показав соответствующую бумажку из военной канцелярии. Бумажки эти выписываются десятками за один раз и отцы-командиры подмахивают их, не глядя.

Джош не смог отказать себе в удовольствии и напоследок получил похвальную грамоту: «Капралу Джошу Подкопски за образцовое выполнение служебных обязанностей».

Армия США — самая могущественная в мире: современное оборудование, грозное оружие, изощренные технологии по производству СМЕРТИ. А находится все это в руках 18-20-летних балбесов, большинство из которых пошли в армию только по одной причине: они совершенно не знают, чего им хотеть от ЖИЗНИ.

ЗИМА ТРЕВОГИ НАШЕЙ

12 ноября 2006 г.

Я перечитываю свои записи. Мне хотелось найти в жизни что-то глобальное, вроде цели или смысла. Но в ней не видно даже логики.

Зэк не появился. Пол уехал вместе с Марусей в Англию. Я ходила их провожать: он не смотрел на меня.

Впрочем, что тут непонятного? Случилось то, что происходит всегда.

С моими книгами тоже пролет: издались, раскупились, канули в Лету.

Я знаю, что такое бестселлер, и знаю рецепт его приготовления: книга, которая продается миллионными тиражами, должна содержать высококонцентрированные эмоции. Неважно какие: смех, негодование, зависть — главное, чтобы у читателя кровь кипела.

Кевин объяснил мне, как это работает: когда человек встречается с чем-то новым, волнующим или возбуждающим, у него в мозгу вырабатывается гормон допамин. Он же ответственен за состояние влюбленности. Человек кайфует от него и желает получать все новую и новую дозу. Включается механизм, аналогичный наркозависимости.

Мы прилипаем к экранам после очередного терракта — страх!

Мы болеем за спортивные команды — азарт, любопытство!

Мы смотрим порнуху — сексуальное возбуждение!

Идем в кино, чтобы вдоволь наизумляться: как известно спецэффекты — самый простой способ шокировать публику.

И в книжном бизнесе то же самое: будут мощные эмоции — будут высокие рейтинги; нет эмоций — извините.

Моя беда в том, что я все это осознаю и не обвиняю в своем неуспехе ни общественные нравы, ни вредителей-книготорговцев. Я просто бездарь.

Арни прав: смысла нет и не может быть. Я не только уже отцвела, но и приготовилась к зимней спячке.

Час спустя

Все-таки мама — лучшая утешительница на свете. Я ей жалуясь:

— У меня ничего не получилось...

А она смеется:

— Не получилось — это когда ты больше не пытаешься. А если продолжать трепыхаться, то «не получилось» можно сказать только на смертном одре.

БОЛЬШОЙ КАНЬОН. ПУТЕВОДИТЕЛЬ

15 ноября 2006 г.

За окном машины — равнина, равнина... Осенняя трава с зелеными помпонами кустов, лоскуты корявого леса... Внезапно земля кончается. Раскрывается, словно чудовищная рана глубиной в целую милю.

Этому нет описания. Это нереально заснять на камеру. Можно лишь рассказывать о перехваченном дыхании и почти религиозном восторге.

Я поехала на Большой Каньон одна. Мне нужно было подумать — разобраться в себе и в своем будущем: что мне делать с карьерой, с книгами, с любовью.

Кругом носились ошалелые туристы, пытаюсь сфотографировать чудо. Смешные! С тем же успехом можно петь симфоническую музыку.

Я шла быстрым шагом. Отыскала лавочку на самом обрыве. Солнце, холод, пар изо рта. Над головой — небо, под ногами — нечеловеческая красота.

Я сидела, как в гостях у Бога. Смутно помнила, что мне надо о чем-то думать, но мысли не шли. На лавочке кто-то оставил журнал Fortune. Я открыла на случайной странице...

Иногда ты просто натыкаешься на вещи, которые переворачивают твой мир. Прочитав одну статью, я внезапно поняла, как мне жить дальше.

...Гениальность не дается от природы. Это миф, что Моцарт был гением от рождения. На белом свете полным-полно детей, которые в пять лет сочиняют музыку, рисуют картины и пишут стихи. Вопрос в том, что никто из них не делает этого хорошо. До какого-то возраста это удивительно, а потом нужны новые достижения. Моцарт смог преодолеть этот рубеж, остальные — нет.

Ученые вывели общую закономерность: для получения выдающихся профессиональных результатов необходимы, как минимум, 10 лет интенсивных тренировок. А в искусстве и философии еще больше. Человек каждый день должен побивать свои собственные рекорды, и это единственный путь к гениальности.

Разумеется, у кого-то больше способностей, у кого-то меньше. Но для достижения успеха способности — это обязательный, но далеко не достаточный фактор. Отличие гения от негения заключается только в одном — гений постоянно развивается, негений — топчется на месте.

Я всю жизнь считала себя талантливym писателем: а считаешь мои ранние рассказы — плохо, бездарно! Так с чего я взяла, что у меня дар? Так папа сказал: я сочиняла, он хвалил. Потом подключились учительница и подружки. Пришлось поверить. Сейчас у меня семь опубликованных романов, за два из которых мне не стыдно. Но толк из меня выйдет, когда я напишу еще десяток — и каждая книга будет лучше предыдущей. Вот к чему надо стремиться.

Солнце заходило, отражаясь в реке на дне Каньона. Отсюда, сверху, казалось, что меж скал течет огненная лента.

Наверное, в любви тоже так: чтобы достичь высот, нужно каждый день оттачивать мастерство. Нужно стараться любить — изо всех сил, на пределе возможностей. Причем любить — это не страдать по кому-то. Любить — это заботиться и помогать.

Я так никогда не делала. Прилагала усилия только в самом начале, а потом все спускала на тормозах. Потому и получалось черти что.

Мимо меня прошла пара — двое старичков, державшихся за руки. Гуляли: он что-то рассказывал, она смеялась. Самые красивые пары — это не юные женихи-невесты, а влюбленные старики. Хочу быть такой.

Я оглядываюсь назад: достижений не так уж и много. Но зато я старалась. И мне осталось совсем немного до успеха на всех фронтах — всего-то десять-двадцать лет. Нужно только продолжать тренировки.

ДЕСЯТЬ ВОПРОСОВ ВЫСОКОЭФФЕКТИВНЫХ ЖЕН

30 ноября 2006 г.

За две недели я прочитала горы книг по психологии семейных отношений. И осознала главное: я совершенно не знаю своего мужа, и он не знает меня. Мы как будто играем на пианино в четыре руки две разные пьесы.

Когда-то я считала, что все наши проблемы происходят из-за того, что он маленький. Ничего подобного! Корень всех бед в непонимании. Зэк хотел сделать меня счастливой, но я не сказала ему как, а он не спросил. То же самое происходило и с моей стороны.

Я должна была с самого начала задать ему кучу вопросов. Ведь я понятия не имею:

- 1) Как он хочет проводить свои будни и выходные;
- 2) Что для него — семейная идиллия;
- 3) Что он считает домашними обязанностями жены;
- 4) Что он сам хочет делать по дому;
- 5) Что он считает изменой;
- 6) Что он хочет от меня в сексе;
- 7) Как мы должны решать наши конфликты;
- 8) На что мы должны тратить деньги;
- 9) Чего он мне никогда не простит;
- 10) Что мне надо делать, когда я хочу ему помочь.

И я должна то же самое рассказать о себе. Тогда у нас появится шанс все исправить. Сегодня же переговорю с ним.

БРАЧНЫЙ КОНТРАКТ ИЛИ WHO IS XU...

2 декабря 2006 г.

Я отправила Зэку вопросы по электронной почте. Волновалась. Думала о том, что он сейчас прочтет и поймет, какими дураками мы были. Через час не выдержала и позвонила ему.

— Ты видел мое письмо?

Он сказал, что это ужасно глупо расписывать, что мы хотим делать по дому.

— Давай, я напишу: «Когда у нас будет дом, я не стану разбрасывать в нем носки». А что, если я их разбросаю? Ты со мной разведешься?

— Зэк, я всего лишь хочу понять тебя.

— Пойми для начала себя. У тебя есть другой мужик, а ты почему-то продолжаешь заигрывать со мной.

— Пол — не мой мужик. Он мой друг.

— А я — нет. Причем уже давно.

ВСЯ КОРОЛЕВСКАЯ РАТЬ

25 декабря 2006 г.

Барбара поставила в гостинной елку и сложила под нее все подарки — пришедшие по почте и привезенные друзьями. Сегодня наконец разрешила открыть. Перечень получился изумительный:

- от мамы — вязаный свитер;

- от Лели — альбом «Монастыри России»;

- от Джоша — закладка для книги «Монастыри России» с изображением последней в виде старика в сарафане;

- от Мелиссы — комплект дамского белья с бантиками;

- от Кевина — подарочный сертификат в универмаг Масы's и записку «Купи, что тебе надо»;

- от Пола — издание «Войны и мира» Льва Толстого, сделанное на заказ — с надписью на обитом медью переплете: «Образцы сочинений»;

- от мужей — ничего.

Любимые клиенты прислали: кормушку для птиц, мешок корма для птиц, духовое ружье и бинокль. Наверняка, Артур постарался всех организовать.

СЕРДЦА ТРЕХ

26 декабря 2006 г.

Когда-то мне казалось, что я умру без любви. Ан нет — пока еще трепыхаюсь.

Живу одна. Барбара попросила расчет: у нее теперь новая жизнь — нужно готовиться к свадьбе. Пол сказал, что у него нет времени болтать по телефону. Зэк... Впрочем, ладно...

Я не чувствую ничего. Душа заросла травой. Как можно жить такой теплой, сухой и ничейной? Ничто не возбуждает, ничто особо не тревожит. И даже удачная сделка радует не больше, чем съеденная конфета.

Воистину, человек без любви — покойник в отпуске.

«Три источника имеют влечения человека: Душа, Разум и Тело. Влечение души порождает дружбу. Влечение ума порождает уважение. Влечение тела порождает желание. Соединение трех влечений порождает любовь». Так написано в индийском трактате «Ветви персика».

Дружила я с Полом, уважала Кевина и хотела Зэка. Надо попросить Мелисску, чтобы нагадала мне трехголового Змея Горыныча.

ГЕРОЙ ДОЛЖЕН БЫТЬ ОДИН

27 декабря 2006 г.

С Зэком поговорили. Он начал издалека: сказал, что наши тела постоянно обновляются. Новые клетки растут, старые смываются в унитаз и рассыпаются пылью. Проходит немного времени, и на месте одного человека вырастает совсем другой.

— Мы уже не те, что прежде.

Я пыталась доказывать, что мы любим не само физическое тело, а его память и «операционную систему». Это как с компьютером: можно заменить каждую деталь — от процессора до мышки, но если все программы и документы будут на месте, то и новое «железо» покажется родным.

— Мою программу глючит, — сказал Зэк. — У меня слишком много вирусов в голове.

— Нортон не поможет?

— Нужно форматировать жесткий диск.

— Значит все?

— Все.

Не было ни криков, ни упреков. Мы решили, что разводиться не стоит — чтобы у Ээка не было проблем со статусом. Он походил по дому, собрал оставшиеся вещи.

— Передавай привет Агнессе и Пи-Пи.

— Передам. Счастливо.

— Пока.

АНГЕЛЫ И ДЕМОНЫ

28 декабря 2006 г.

Я осознала, что мне все-таки необходим мужчина.

Около полуночи в ванной забился сток. Разыскав в шкафу вязальный крючок, я долго ковырялась в отверстии и извлекла такое, что чуть не померла от ужаса.

А ведь мой дед в 1942-м под Харьковом выползал из окружения по канализационной трубе. Труба была узкой — только один человек мог пройти. Дед полз первым. А кто-то после него упал в обморок и заблокировал своим телом проход для других. Развернуться нельзя, назад тоже никак... Все, кто полз после того парня, погибли.

Слава богу, дедушка был не такой брезгливый, как я. А то бы меня и на свете не было.

Труба все равно не прочистилась, и на следующий день мне пришлось вызывать сантехника. Он явился — здоровенный, плечистый; улыбка — как у рок-звезды. На кармане куртки было вышито имя — Angel.

Пятнадцати минут не прошло, как все заработало.

— Хотите, мэм, я еще и кран починю? А то он у вас подтекает.

Я стояла, прислонившись к косяку, и смотрела на его задницу. Лепота...

Образ Энджела не давал мне покоя. Примчался, наэлектризовал воздух и исчез.

— Пригласи себе мужчину, — сказала Мелиска. — А то скоро совсем одичаешь — сидишь дома одна и даже порнушку не смотришь.

Про Пола она уже забыла, как забывает про все свои несбывшиеся предсказания.

— Где я мужчину-то возьму? — спросила я.

— Думай!

И тогда я решила пригласить ремонтников.

На рекламном буклете, пришедшем по почте, был нарисован красавец в каске. Я набрала номер телефона:

— Хочу «быстро, дешево и качественно» покраску дверей.

— Но проблема, сеньора!

Приехавшие мужиченки были совсем не ангельского сложения. Тощие, темные и стеснительные.

— Какой краской хотите красить?

— А я почему знаю? Хорошей.

— У нас есть хорошая — без запаха и сохнет быстро. Водоэмульсионная называется.

— Ну, валяйте.

Я-то думала, что так положено... Но оказалось, что водоэмульсионкой «пудрят» только потолки и мозги тех, кто ни шиша не смыслит в ремонте. Вчера смотрю — пятнышко на двери. Потерла мокрой тряпкой — пятно сошло вместе с краской.

А денюшки уже уплачены.

Надо пойти на какой-нибудь сайт знакомств и написать объявление: «Требуется нестарый и порядочный сенатор». Мы бы с ним провели поправку к уголовному кодексу. Нахалтурил — пять лет в спецколонию: трусы без резинки, унитаз не работает, обед из трех блюд — сгоревшее, сырое, несоленое. И только одно там будет на высшем уровне — дрессура сторожевых собак. Шаг вправо, шаг влево карается метким укусом за задницу. А лечить укушенных будут по методу «Солдата Швейка» — клизмой и обертыванием в мокрую простыню.

УТРАЧЕННЫЕ ИЛЛЮЗИИ

1 января 2007 г.

31 декабря провела за сочинением стихов и рассылкой их всем знакомым:

Елка, водка на столе,

Друг в салате оливье —

Отмечается с размахом

Смена лет в календаре.

Растолстели мы слегка,
Не достигли потолка,
Но при этом, слава богу,
И не померли пока.

Вряд ли в будущем году
Миллионы я найду,
И тебе оно не светит —
Не раскатывай губу.

Будут сопли, будет грипп,
И межличностный конфликт,
Но и счастье тоже будет —
Как нам опыт говорит.

Будет вкусная еда,
И горячая вода,
Босс в хорошем настроеньи,
И зарплата — иногда.

Классный секс, мешок конфет,
И доступный интернет,
Много книжек, куча фильмов...
С Новым годом! Всем привет!

На Новый год я осуществила все мечты своего детства: купила ящик мандаринов, пять фунтов бананов, ананас, настоящую Барби, сборник хитов Луи Армстронга, билет в Диснейлэнд и накладные ресницы. Можно было еще найти телефон Запаскина, позвонить и сказать, что он козел, но я не стала. У него Новый год уже прошел. Небось, спит сейчас, переваривает шампанское и пельмени.

Это самый странный парадокс нашей жизни: как только ты добиваешься хоть какого-то успеха, ты перестаешь ощущать от этого кайф. Мандарины могут сделать тебя счастливой, если они достаются только по праздникам. «Мерседес» — вот уж вроде голубая мечта! — через пару недель становится привычным атрибутом. То же самое —

дом, путешествия, даже любовь. Можно испытывать от этого тихое каждодневное счастье, но пузырящегося восторга — как тогда, в детстве, — уже не будет.

Получается, что гоняясь за счастьем, мы отталкиваем его от себя обеими руками. Причем чем богаче, красивее и успешнее человек, тем у него меньше поводов для восторга.

Когда мне в последний раз хотелось прыгать до потолка от радости? Когда Дорожный Патруль остановил меня за превышение скорости и не взял штрафа.

Дожила.

МАРДЖ РЕШАЕТ УМЕРЕТЬ

6 января 2007 г.

Иногда мы с Лелей месяцами не разговариваем, но нас все равно тянет друг другу, как клубки пыли под диваном.

Она купила билеты в оперу, хотела взять с собой Джоша, а он отказался. Пришлось ехать мне.

Мы прибыли раньше, сели на скамейку в коридоре, да так и проболтали все первое действие. Идти в зал совершенно не хотелось.

Я выложила Леле все — и про Зэка, и про Пола, который бросил меня на полдороге к счастью.

— Лель, загробный мир есть?

— А то!

— И там что, будет новая жизнь? Мне моя что-то совсем не нравится. Знаешь, как кофту купишь, а она тебе не идет. Может, мне вернуть ее производителю?

Леля посмотрела на меня расширенными глазами.

— Ты совсем ку-ку?

— Нет, ну правда! Чего пыжиться, если я уже столько пятен на нее насажала, что никаким отбеливателем не смоешь. А там, глядишь, начну все заново.

— У тебя срок возврата кончился, — твердо сказала сестра. — Донашивай, какая есть.

Иногда так приятно поугубить ближних! Леля сразу забеспокоилась, захлопотала...

На ночь глядя притащился Джош.

— Мама сказала, что у тебя суицидальные наклонности, и что тебя надо охранять.

— Иди домой, зайчик.

— А еще она сказала, что если ты повесишься, то она бабушке все расскажет. Ты, кстати, кому дом-то отпишешь? Только не давай ничего Зэку. С какой это стати? Он и не родственник тебе.

— Если ты не уйдешь, я точно повешусь. Поддепрессировать человеку спокойно не дадут!

— Да я не буду мешать тебе вешаться! Я только сделаю несколько снимков и все! — Джош достал из кармана фотоаппарат. — Что тебе, жалко, что ли?

Этот поросенок сбил мне все настроение. Ушла в спальню вместе с компьютером. Заперла дверь. Он названивал каждые пять минут — ну да я телефон отключила.

Спустя три часа

Пол объявился! Я ни о чем не думаю: в голове все сикось-накось.

Лелька такая балда! Набрала маму, достала у нее телефон Барбары; после Барбары позвонила Мелиске — наврала ей, что я чуть ли не вены резать собралась. Все в ужасе мне звонят, а у меня телефон отключен.

Я читала рукопись, когда мне в «аську» кто-то постучался.

Paul: У тебя совесть есть?

Agent-Marge: А тебе сколько надо?

Paul: 8 утра! Воскресенье! Мне звонит Мелисса и говорит, что у тебя поехала крыша и ты решила отравиться. Ты можешь подождать хотя бы до завтра?

Agent-Marge: А что?

Paul: Я приеду тебя спасать. Мы ж договорились.

Я смотрела на экран — ничего не понимая.

Paul: Ты чего молчишь?

Agent-Marge: Думаю.

Paul: О чем?

Agent-Marge: О своей любви. Как бы мне хотелось доверить себя другому человеку: сохраняй меня, береги, заботься, а я в ответ буду беречь и сохранять тебя. Но это, наверное, невозможно.

Paul: Главное — не доверяй Зэку. Он все просрет.

Agent-Marge: Я разошлась с ним.

Paul: Ура. Не вздумай выходить замуж до завтра.

Agent-Marge: Почему?

Paul: Я в очереди крайний.

Agent-Marge: Кто-то говорил, что собирается со мной только дружить.

Paul: Пока у тебя был муж, ты хотела его, а не меня.

Я закрыла глаза. Я привыкла, что моя душа выжжена напалмом как военный полигон... Что на ней может вырасти?

Agent-Marge: Думаешь, у нас есть шансы? Мы даже не любим друг друга — мы любим себя.

Paul: Ну ты же сама говорила: заботься обо мне, а я буду заботиться о тебе. Пусть окружающие думают, что у нас любовь, а на самом деле у нас будет симбиоз эгоизмов.

Agent-Marge: А как же секс? Вдруг мы друг другу не понравимся?

Paul: Тогда мы пойдем к сексологу. Сексологи — чудные ребята. Прикинь, сидит перед тобой мужик и с умным видом рассказывает, как тебе лучше трахаться. Я за такое шоу даже деньги заплачу.

Вдох-выдох...

Agent-Marge: Почему ты уехал? Я подумала, что — все.

Paul: Мама ложилась в больницу. Ей на днях сделали операцию по замене сустава.

Agent-Marge: Я не знала... Как она?

Paul: Хорошо. Передает тебе привет.

Agent-Marge: Ей тоже привет. Так ты что, действительно завтра приедешь?

Paul: Я уже билет в интернете заказал. Приходи встречать.

Он пошел досыпать. А я сижу и не смею пошевелиться. Есть такое ощущение: боишься спугнуть счастье. Влечение ума, влечение сердца... а влечение тела, если что, сексолог поправит.

Где-то на заднем фоне еще маячит страх, что все опять пойдет наперекосяк, но я отпихиваю его от себя как уличного нахала. Я теперь умная и буду вести себя хорошо.

Завтра заведу себе новый дневник. И в нем начнется совсем другая история.